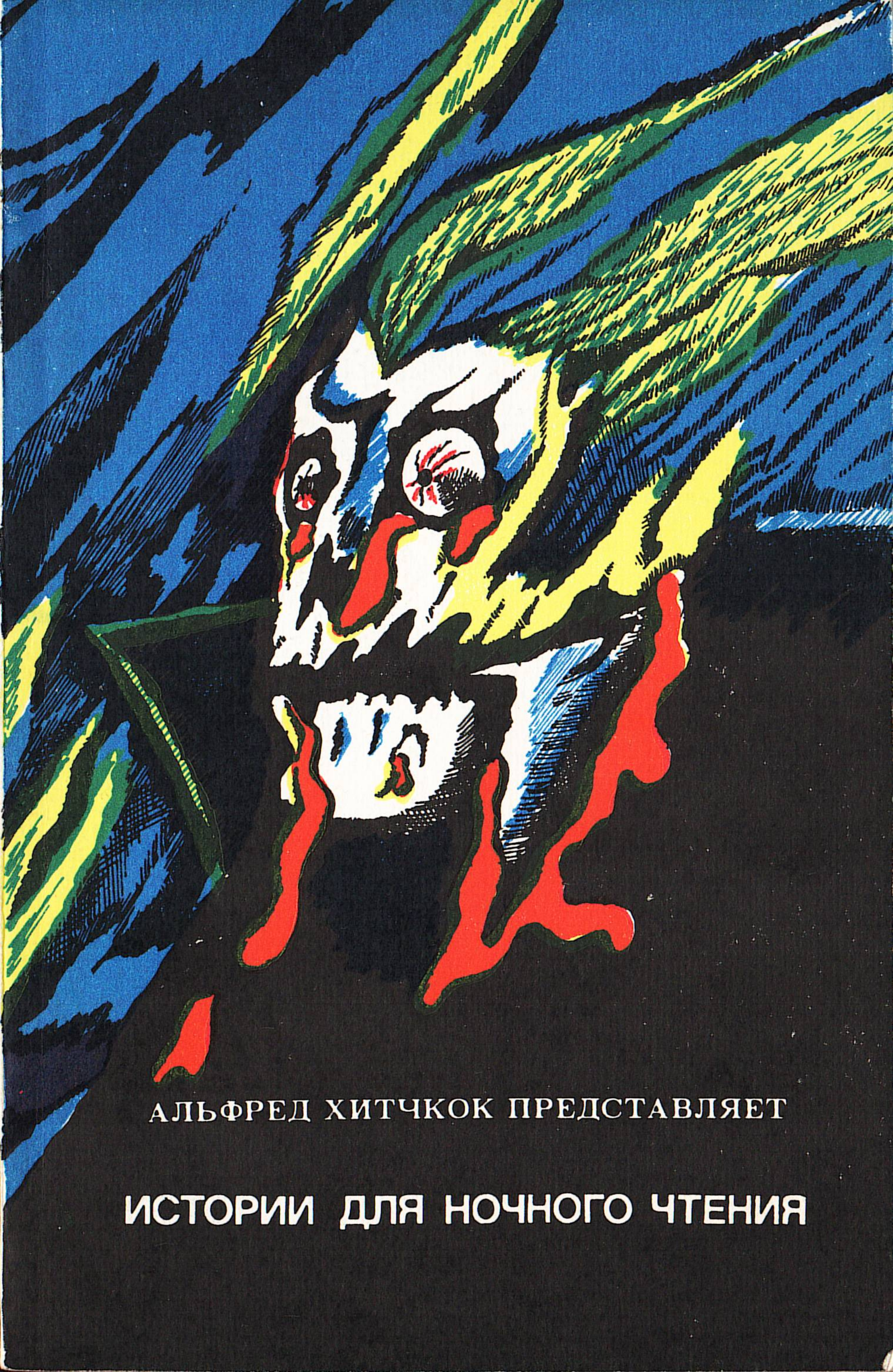

АЛЬФРЕД ХИТЧКОК ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИСТОРИИ ДЛЯ НОЧНОГО ЧТЕНИЯ

Альфред Хитчкок представляет:

ИСТОРИИ ДЛЯ НОЧНОГО ЧТЕНИЯ

Москва
«БОБОК»

Главный редактор Ив. Логинов
Ответственный секретарь С. Котькало
Художник В. Дунько
Технический редактор Н. Александрова

По вопросам подписки обращаться в агентство Роспечати.
Подписной индекс: журнала «Бобок» — 73030,
альманаха «Бобок» — 73031

Продукцию издательства «Бобок» можно заказать по адресу: 119851, г. Москва, Кропоткинская наб., 15, маг. № 120 «Книжный мир», отд. «Книга-почтой», которая будет выслана наложенным платежом.

Ширлей ДЖЕКСОН

ЛЕТНИЕ ЛЮДИ

В десяти километрах от ближайшего городка Эллисоны имели загородный дом, удачно расположенный на холме. С трех сторон взгляд радовали деревья с густой листвой и зеленые лужайки, не выгоравшие на солнце даже в самом разгаре лета. С четвертой стороны открывался вид на озеро и дощатый мол, который Эллисоны давно уже задумывали починить. Хоть с веранды, хоть с деревянной лестницы, спускавшейся к берегу, обзор окрестностей был великолепным. Эллисоны очень любили свой дом; они с нетерпением ждали лета, чтобы переехать туда, и оставляли его, когда наступала осень, с большим сожалением; но они никогда не испытывали необходимости внести в него какие-либо улучшения: дома и озера было достаточно на то время, которое им оставалось жить. В доме не имелось ни отопления, ни водопровода — воду подавал старенький насос, расположенный во дворе, — ни электричества. Семнадцать лет подряд Джэнет Эллисон готовила еду и подогревала воду на керосинке, Роберт Эллисон отрабатывал наряды по обеспечению водой и читал свою газету при свете керосиновой лампы. Привыкшие к городским удобствам, они очень хорошо приспособились к этой деревенской безыскусной жизни. Поначалу это служило поводом для шуток, но теперь, когда они не имели больше нужды производить впечатление на своих гостей, рассматривалось как привлекательность летней жизни.

Это были обыкновенные простые люди. Миссис Эллисон было пятьдесят восемь лет, ему шестьдесят; их дети уже обзавелись семьями и проводили свой отпуск на морских курортах: друзья умерли или жили в комфортабельных домах. Имелись у них племянники и племянницы, но с ними они виделись очень редко. Зимой они безропотно терпели свою квартиру в Нью-Йорке, потому что ждали лета, а летом говорили

себе, что зима стоит труда быть прожитой, так как следующим летом они снова вернутся в свой загородный дом.

Они достигли того возраста, когда уже не стыдятся быть рабами своих привычек. Каждый год Эллисоны покидали свой летний дом всегда на следующий день после первого понедельника сентября и бывали неутешны, если погода в сентябре и октябре стояла прекрасной, а они задыхались в городе. Но им понадобилось много времени сообразить, что если ничто не призывает их в Нью-Йорк, то они могли бы изменить традиционную дату возвращения и остаться в загородном доме и после Праздника Урожая.*

— Ничто нас не принуждает возвращаться в город,— сказала миссис Эллисон с самым серьезным видом, словно была захвачена совершенно новой мыслью.

И он ответил ей так, будто они, ни та ни другой, ни разу об этом не думали:

— А почему бы нам не воспользоваться дачным сезоном как можно дольше?

И на следующий день после Праздника Урожая миссис Эллисон с тем чувством, с каким пускаются на великую авантюру, и видом человека, бесшабашно порывающего с традициями, объявила местным жителям, у которых делала свои покупки, что она и ее муж решили продлить проживание по крайней мере еще на месяц.

— Никто не ждет нас в городе, — доверительно сообщила она мистеру Бэбкоку, бакалейщику.— Лучше уж пользоваться, пока это возможно, преимуществами сельской жизни.

— Никто не живет на озере после Праздника Урожая, — важно сказал мистер Бэбкок, укладывая провизию миссис Эллисон в большой картонный ящик.

Он остановился, глядя на пачку печенья, и, немного поразмыслив, добавил:

— Никогда.

— Но в городе, — миссис Эллисон говорила о городе так, словно мистер Бэбкок мечтал туда отправиться, — такая жара! Вы не можете себе представить. Каждый раз нам жаль уезжать.

— Ненавижу уезжать, — сказал мистер Бэбкок.

Одной из идиотских привычек, раздражавших миссис

---

* Праздник Урожая отмечается в США в первый понедельник сентября *(прим. переводчика)*.

Эллисон больше всего, была как раз эта мания местных жителей повторять часть услышанной фразы и искажать ее!

— Мне бы и самому было тяжело уехать, — сказал мистер Бэбкок, справившись с ней своими силами.

Миссис Эллисон и мистер Бэбкок улыбнулись друг другу, но он все же повторил:

— Ни разу в жизни я не слышал, чтобы кто-нибудь решил остаться на даче после Праздника Урожая.

— Ну что же, а мы попробуем.

— Никогда не узнаешь, пока не попробуешь.

И как обычно, выходя из бакалейной лавки после одного из этих бесполезных разговоров, миссис Эллисон подумала: «Физически мистер Бэбкок мог бы послужить скульптурной моделью Дэниэлу Уэбстеру, но интеллектуально. . .» Ужасно было видеть, до какой степени дегенерировали жители Новой Англии. Сев в машину, она поделилась своей мыслью с мистером Эллисоном.

— Ничего удивительного, — ответил он. — Родственные браки. Родственные браки и плохое качество почвы.

Это был день их большой поездки в город, которую они совершали каждые две недели, чтобы закупить все, что им не могли доставить на дом. Они сделали остановку в буфете, чтобы съесть по сэндвичу. Миссис Эллисон могла бы сделать мистеру Бэбкоку заказ по телефону, но помимо бакалейных товаров в его лавке продавались свежие овощи и различные сладости, о которых она начинала думать, только увидев их. Так же она соблазнилась стеклянными формочками для пирожков, которые обнаружила случайно в отделе скобяных товаров. Сельского покупателя трудно привлечь тем, что менее долговечно, чем деревья, скалы, небо; они просто начинают отказываться от чугуна в пользу алюминия, как отказались ранее от глиняной посуды ради железной.

Миссис Эллисон сама проследила за упаковкой этих формочек, чтобы они могли без ущерба перенести дорожную тряску до дома. Магазином «Скобяные товары—готовое платье — и т. д. Джонсона» управлял мистер Чарли Уолпол со своим младшим братом Альбертом. Лавка называлась так, потому что была построена на месте бывшей псарни Джонсона, сгоревшей пятьдесят лет назад, еще до рождения Чарли Уолпола. Этот последний старательно расправлял газеты, чтобы за-

вернуть в них формочки, и миссис Эллисон сказала небрежным тоном:

— Конечно, я могла бы подождать и купить эти формочки в Нью-Йорке, но в этом году мы вернемся не так рано.

— Я слышал, что вы остаетесь, — сказал Чарли Уолпол, неловко комкая пальцами газету.

Он продолжил, не поднимая глаз на миссис Эллисон.

— Не знаю, как это остаться на берегу озера после Праздника Урожая.

— Видите ли, — возразила миссис Эллисон, будто была обязана представить ему объяснения, — каждый год нам кажется, что мы чересчур поспешили с возвращением в Нью-Йорк. Вы знаете, каково в городе осенью.

И она улыбнулась ему, словно стараясь заручиться его согласием.

Чарли Уолпол тщательно обматывал сверток шпагатом. Миссис Эллисон подумала: «Если он не остановится, то перемотает весь клубок», но она отвернулась, чтобы он не смог прочесть в ее глазах нетерпение. Она продолжила:

— У меня такое чувство, что наше настоящее место здесь, особенно после того, как остальные разъедутся.

Чтобы придать своему утверждению веса, она улыбкой добилась одобрения какой-то женщины, стоявшей в другом конце магазина, лицо которой показалось ей знакомым. Та ли это женщина, что продавала ей клубнику в прошлом году? Или же та, что помогала иногда мистеру Бэбкоку в магазине? Хотя, вероятнее всего, это была тетушка мистера Бэбкока.

Мистер Уолпол деликатно подвинул пакет на прилавке: товар продан, упакован, теперь он был готов получить деньги. И все же он повторил:

— Но мы не видели никого из отдыхающих, живущих на озере после Праздника Урожая.

Миссис Эллисон протянула ему пятидолларовую банкноту, и он вернул сдачу, аккуратно отсчитав каждый цент.

— Никогда после Праздника Урожая, — сказал он еще раз, слегка кивнув головой миссис Эллисон, прежде чем направиться к двум клиенткам в хлопчатобумажных платьях.

Проходя мимо них, миссис Эллисон услышала, как одна из женщин заявила визгливым голосом:

— Хотелось бы спросить, почему вот это платье

стоит один доллар тридцать центов, а вон то девяносто восемь центов?

Миссис Эллисон объяснила мужу, дожидавшемуся ее возле двери магазина:

— Это удивительные люди! Благоразумные, почтенные, непоколебимые.

— Утешительно знать, что есть еще на свете такие города, — сказал мистер Эллисон.

— В Нью-Йорке я, наверное, заплатила бы за эти формочки на несколько центов меньше, но я не испытала бы такого, как здесь, ощущения человеческой близости.

Миссис Мартин, содержавшая газетный киоск, в котором торговала и сэндвичами, спросила их:

— Вы остаетесь на озере? Я слышала, что вы остались.

— Решили в этом году подольше попользоваться хорошей погодой.

Миссис Мартин считалась приезжей. Она прибыла с соседней фермы, чтобы выйти замуж за владельца газетного киоска, где также подавали сэндвичи, и после смерти мужа осталась в городке. Она продавала еще безалкогольные напитки и яйца с луком, которые жарила в комнатке за киоском, перед тем как положить на толстые ломти хлеба. Иногда из пристройки доносился вкусный запах рагу или свиных котлет, приготавливаемых ею себе на обед.

— Я до сих пор не думаю, чтобы какой-нибудь отдыхающий мог оставаться на озере так долго, во всяком случае, никогда после Праздника Урожая.

— Я думаю, что люди, как правило, уезжают в день Праздника Урожая, — сказал им немного позже мистер Холл, их ближайший сосед, когда они встретили его, садясь в машину, возле магазина мистера Бэбкока. — Я удивлен, что вы остались.

— Было бы жалко уехать так рано, — ответила миссис Эллисон.

Мистер Холл проживал в четырех километрах от дома Эллисонов. Он поставлял им масло и яйца, и с высоты своего холма они видели огни его дома перед тем, как лечь спать.

— Но отдыхающие каждый год отъезжают в день Праздника Урожая, — сказал мистер Холл.

Возвращение домой было долгим и тягостным. Уже начинало темнеть, и по пыльной дороге вдоль озера

мистер Эллисон должен был вести машину очень осторожно. Миссис Эллисон, откинувшись на спинку сиденья, отдавалась чувству приятного расслабления после этого водоворота деятельности, сильно контрастирующего с тихим течением их повседневной жизни. Она думала о стеклянных формочках, корзине, наполненной красными яблоками, о цветной бумаге, которой оклеит шкафы на кухне.

— Хорошо возвращаться к себе, — пробормотала она, когда, вырисовываясь на фоне неба, показался их дом.

Утром следующего дня миссис Эллисон заботливо промыла стеклянные формочки, обнаружив, что Чарли Уолпол по своей простоте не заметил на одной из них щербинки. Она решила побезумствовать: изготовить сладкий пирог с очищенными яблоками. Когда пирог был в печи, а мистер Эллисон отправился к почтовому ящику, миссис Эллисон вышла на лужайку и опустилась в шезлонг полюбоваться облаками, отражавшимися в озере.

Мистер Эллисон вернулся в плохом настроении, как случалось каждый раз, когда он, пройдя полтора километра, разделявших дом и почтовый ящик, расположенный на большой дороге, возвращался с пустыми руками. Ему, впрочем, множество раз говорилось, что эта прогулка очень полезна для его здоровья. Сегодняшним утром не было ничего, кроме рекламного проспекта одного из универсальных магазинов Нью-Йорка и газеты, появление которой было делом совершенно фантастическим. Иногда приходило по три номера в день, но чаще Эллисоны не получали ни одного. Хотя миссис Эллисон и разделяла раздражение своего мужа, но, не показывая этого, оживленно накинулась на проспект. По возвращении в город она не преминет посетить этот магазин, объявивший распродажу одеял и покрывал. Нынче так трудно найти их хорошего качества и приятной расцветки. Должна ли она сохранить проспект? Но в таком случае придется вставать и идти в дом. Она уронила его в траву рядом со своим шезлонгом и, откинув голову на спинку, полузакрыла глаза.

— Похоже, будет дождь,— сказал мистер Эллисон, покосившись на небо.

— Это хорошо для урожая, — коротко ответила миссис Эллисон, и они оба засмеялись.

На следующее утро, когда мистер Эллисон отправился за почтой, прибыл служащий, доставляющий им

керосин. Их запасы подходили к концу, и миссис Эллисон встретила его с пылкой радушностью. Кроме керосина, он привозил лед, а также собирал в течение лета кухонные отбросы отдыхающих.

— Я рада вас видеть, — сказала миссис Эллисон, — керосину у нас осталось совсем немного.

Уже несколько лет доставщик, имя которого миссис Эллисон никогда не могла вспомнить, с помощью шланга наполнял бак на восемьдесят литров. Керосин служил Эллисонам в качестве горючего и топлива. Но сегодня, вместо того, чтобы выйти из машины и размотать шланг, он, не выключая мотора, сурово уставился на миссис Эллисон.

— Я полагал, вы уехали, — сказал он.

— Мы остаемся еще на месяц, — весело ответила миссис Эллисон.— Погода стоит замечательная, и кажется, что. .

— Мне сказали это, — прервал ее человек. — Ну так вот, я не могу вам дать керосина.

— Что? — Миссис Эллисон высоко подняла брови.— Но нам необходимо. . .

— После Праздника Урожая керосину мне выделяют очень мало.

Как обычно, когда она бывала несогласна со своими соседями, миссис Эллисон подумала, что городской опыт общения не помогает в деревне. Не стоит надеяться убедить сельского работника теми же средствами, что и городского. Она подбадривающе улыбнулась ему:

— Но не могли бы вы получить его еще, по крайней мере на то время, пока мы здесь?

— Понимаете, — сказал служащий, нервно постукивая пальцами по рулю, — понимаете. . . я уже отправил заказ на керосин в одно место за восемьдесят километров отсюда. Я отправляю заказ в июне как раз на то количество, которое мне нужно на лето. Следующий заказ я делаю в ноябре. . и сейчас я начинаю быть более или менее точным.

— Но послушайте, — настаивала миссис Эллисон,— вы ведь могли бы дать нам совсем немного. Разве нет какого-нибудь другого поставщика?

Человек прекратил постукивать по рулю и обхватил его ладонями, готовый отъехать.

— Я не вижу никого другого, кто мог бы вам сейчас поставить керосин. Я не могу.

Машина тронулась прежде, чем миссис Эллисон успела открыть рот. Затем остановилась, и служащий глянул на нее через заднее стекло.

— А лед? — крикнул он. — Если хотите, могу вам дать его.

Миссис Эллисон в гневе помотала головой. Лед ей был не нужен. Она побежала к машине.

— Не могли бы вы попробовать привезти нам керосину на будущей неделе?

— Думаю, что нет, — ответил человек. — После Праздника Урожая это трудно.

Машина уехала. Миссис Эллисон утешила себя тем, что может раздобыть керосину у мистера Бэбкока или на худой случай у Холлов.

«Следующим летом он может каждый день предлагать мне свой керосин», — злорадно представилось ей.

И на этот раз в корреспонденции не было ничего, кроме газеты, которая случайно пришла в установленный день. Мистер Эллисон вернулся сильно рассерженным, и история с керосином, рассказанная женой, похоже, не увеличила его раздражения. Он объяснил:

— Вероятно, он придерживает его, чтобы зимой продать подороже. Что происходит, на твой взгляд, с Анной и Джерри?

Анна и Джерри — это были их дети, жившие каждый со своей семьей, один в Чикаго, другая на Западе. Их еженедельные письма запаздывали. Так запаздывали, что раздражение мистера Эллисона было справедливым.

— Они же знают, с каким нетерпением мы ждем писем от них! Это эгоистичные, бесчувственные дети.

— Ну-ну, милый, — сказала миссис Эллисон, пытаясь его успокоить.

Гневом не решить вопроса с керосином, подумала миссис Эллисон и несколькими минутами позже добавила:

— Желать писем еще недостаточно для того, чтобы они пришли. Пойду позвоню мистеру Бэбкоку, попрошу прислать керосину вместе с остальным нашим заказом.

— Они могли бы написать хотя бы по открытке, — сказал мистер Эллисон, когда она направлялась к дому.

С той же безропотной покорностью, с какой сносили они все домашние неустройства, Эллисоны терпели строптивый норов телефона. Это был настенный аппарат, нигде, кроме некоторых деревень, уже не встречающийся. Чтобы связаться с почтовым отделением, миссис

Эллисон должна была повернуть рукоятку и позвонить один раз. Обычно эту операцию приходилось повторять многократно, прежде чем удавалось склонить телефонистку к ответу. Со смирением и каким-то отчаявшимся терпением миссис Эллисон приблизилась к телефону. Мистеру Бэбкоку, чтобы снять трубку с аппарата, расположенного за прилавком мясного отдела, понадобилось еще больше времени, чем телефонистке.

— Бакалея Бэбкока, — настороженно произнес он, обнаруживая свой недоверчивый характер.

— Это миссис Эллисон, мистер Бэбкок. Я хотела бы сделать свой заказ на день раньше, чтобы быть уверенной в том, что вы могли бы мне доставить...

— ...Что вы говорите, миссис Эллисон?

Миссис Эллисон немного повысила голос. Она заметила на лужайке мистера Эллисона, повернувшего голову и бросившего ей сочувственный взгляд.

— Я говорила, мистер Бэбкок, что делаю заказ на день раньше, чтобы вы могли поставить мне...

— За заказом вы придете в магазин, миссис Эллисон, — ответил мистер Бэбкок.

— В магазин?

От удивления она произнесла это своим обычным голосом.

Мистер Бэбкок, наоборот, перешел на более громкий.

— Что вы говорите, миссис Эллисон?

— Я думала, вы доставите его, как обычно.

— Видите ли, миссис Эллисон... — сказал мистер Бэбкок.

Он замолчал. Миссис Эллисон ждала, глядя на небо поверх головы мужа. Наконец, мистер Бэбкок продолжил.

— Сейчас скажу. У мальчика, работающего в магазине, вчера начались занятия в школе, и у меня никого больше нет, чтобы делать доставки на дом. Доставщик у меня бывает только летом, понимаете?

— Я полагала, вы можете доставлять заказы круглый год.

— Но не после Праздника Урожая, — с твердостью ответил мистер Бэбкок. — Вы в первый раз остаетесь здесь так долго. Поэтому и не знаете, как все это происходит.

— В таком случае, — сказала миссис Эллисон, исчерпав все доводы...

И снова повторила себе: «Бесполезно относиться

к деревенским жителям, как к городским. Сердиться не из-за чего».

— Это действительно невозможно? — спросила она еще. — Вы могли бы, пожалуй, доставить сегодня.

— По правде говоря, миссис Эллисон, вряд ли я смогу. Не стоит труда добираться до озера из-за одного клиента.

— А Холлы? Они живут в четырех с половиной километрах от нас. Мистер Холл смог бы передать мне заказ?

— Холл? Джон Холл? — переспросил мистер Бэбкок. — Он вместе со своими уехал навестить родственников.

— Но они приносят нам яйца и масло! — сказала миссис Эллисон в панике.

— Они уехали вчера. Должно быть, не думали, что вы останетесь.

— Но я сказала мистеру Холлу, — начала миссис Эллисон... затем остановилась. — Мистер Эллисон заедет за продуктами завтра.

— До сих пор вы получали все, что вам нужно, — произнес мистер Бэбкок с удовлетворением.

Он не спрашивал, он утверждал.

Повесив трубку, миссис Эллисон вернулась в сад и села рядом с мужем.

— Он не хочет доставлять на дом. Придется тебе завтра ехать. Горючего как раз хватит дотуда.

— Он мог бы сказать об этом раньше.

Стояла чересчур великолепная погода, чтобы продолжать терзаться из-за неурядиц. Природа никогда не выглядела столь привлекательно; сквозь деревья сада внизу поблескивала легкая рябь на поверхности озера. Пейзаж был исполнен невыразимой нежности. Миссис Эллисон вздохнула от удовольствия: чудесно иметь предназначенный только им вид на озеро, зеленые холмы, быть единственными, кто наслаждается этим ласковым ветерком.

Погода продолжала оставаться прекрасной. На следующее утро мистер Эллисон, снабженный списком для бакалейщика, сверху которого стояло заглавными буквами слово «керосин», спустился по тропинке в гараж, пока его жена изготовляла другой пирог в своей новой формочке. Замешав тесто, она чистила яблоки, когда дверь кухни широко распахнулась и на пороге возник мистер Эллисон.

— Эта дьявольская машина не желает ехать! — объявил он в бешенстве.

— Что с ней? — спросила миссис Эллисон, держа в одной руке нож, в другой яблоко. — Во вторник она работала очень хорошо.

— Может быть, — сказал мистер Эллисон сквозь зубы, — но в пятницу она не работает.

— Ты не можешь ее исправить?

— Нет. Не могу. Нужно кого-нибудь вызывать.

— Кого? — спросила миссис Эллисон.

— Парня с заправочной станции. Он уже приводил ее в порядок прошлым летом, — сказал мистер Эллисон, направляясь к телефону.

Миссис Эллисон опять принялась за яблоки, со страхом предчувствуя, что сейчас произойдет.

Мистер Эллисон бился с телефоном, звонил, перезванивал, снова ожидал. Наконец он с грохотом повесил трубку.

— Никого нет, — сказал он, возвращаясь в кухню.

— Он, наверное, вышел на несколько минут, — подала мысль миссис Эллисон, но она и сама уже начинала нервничать.

Странное беспокойство охватывало ее. Быть может, она боялась, что муж совсем потеряет выдержку?

— Он один на станции,— вернулась она к своему.— Если он в отсутствии, то там нет никого, кто бы подошел к телефону.

— Ты, вероятно, права, — ответил он, но в его голосе слышалась не свойственная ему ирония.

Он упал на стул и оглядел миссис Эллисон, продолжавшую чистить яблоки. И она сказала ему, чтобы отвлечь:

— Нужно сходить за корреспонденцией. Вернувшись, ты снова позвонишь.

Мистер Эллисон, немного подумав, согласился:

— Хорошо.

Он тяжело поднялся и на пороге кухни повернулся:

— Но если корреспонденции не будет...

Он не закончил фразы и в этой угрожающей тишине вышел к тропинке.

Миссис Эллисон поспешила закончить свой пирог. Дважды она подходила к окну, посмотреть, не наползли ли облака. В комнате быстро темнело, и она чувствовала какое-то напряжение, как перед грозой. Однако небо было светлым и ясным, совершенно безразличным

к тому, что происходило в летнем доме Эллисонов и во всем остальном мире. Когда пирог был готов, миссис Эллисон еще раз поглядела в окно и увидела мужа, поднимавшегося по тропинке. Заметив ее, он помахал рукой: в ней было письмо.

— Это от Джерри, — крикнул он, когда подошел достаточно близко... — Наконец-то письмо!

С беспокойством миссис Эллисон подметила, что поднимается он с трудом, хотя тропинка и не крутая. Толкнув входную дверь, он тяжело дышал.

— Я его еще не открывал, — сказал он.

Миссис Эллисон с удивлением поймала себя на том, что внимательно изучает почерк сына, вроде обычный, и никак не может объяснить, что именно ее смущает. Не было никакой причины тревожиться на этот счет. Конечно, она их давно не получала. Это должно быть любезное, исполненное почтения письмо, в мельчайших деталях рассказывающее все, что делает Алиса и дети, сообщающее об их положении, постоянно улучшающемся, о погоде в Чикаго и заканчивающееся поцелуями. Мистер и миссис Эллисон могли бы наизусть пересказать типовое письмо, которое дети имели обыкновение присылать им.

Мистер Эллисон медленно вскрыл конверт, развернул письмо и положил его на кухонный стол. Они склонились, чтобы читать вместе. «Дорогая мама, дорогой папа,— стиль Джерри был немного детским,— счастлив послать вам это письмо на берег озера, как обычно. Уже давно мы думали, что вы возвращаетесь в город чересчур рано и что вы должны оставаться там как можно дольше. Алиса говорит, что теперь вы уже не так молоды и что вы не имеете никакого занятия, которое бы требовало вашего присутствия в городе. Развлекайтесь, сколько вы еще можете. И поскольку вы там счастливы, то это замечательная мысль — продлить ваше проживание».

Ощущая какую-то неловкость, миссис Эллисон бросила взгляд на мужа. Он читал с большим вниманием. Она взяла в руки пустой конверт, еще не зная толком, чего ожидает от него. Адрес был надписан, как обычно, рукой Джерри, почтовый штемпель города Чикаго. Естественно, подумала она, с чего бы вдруг он был проштемпелеван в другом месте? Когда она снова принялась за чтение, муж уже перевернул страницу: «...и конечно, если они подхватят сейчас корь, то бу-

дут избавлены от этого. Алиса чувствует себя хорошо; я тоже. В последнее время я часто играю в бридж с людьми, которых вы не знаете, с Каррутерами, с прекрасной парой, приблизительно нашего возраста. На этом заканчиваю, так как думаю, вам неинтересно, когда вам рассказывают истории, которые происходят так далеко от вас. Скажи папе, что старый Диксон из нашей конторы в Чикаго умер. Он часто расспрашивал о папе. Хорошего вам пребывания на берегу озера, и не спешите возвращаться. Наши нежные поцелуи, Джерри».

— Забавно, — высказался мистер Эллисон.

— Можно подумать, что письмо писал не Джерри, — сказала она робко. — Он никогда не писал нам о такого рода вещах...

Она замолчала.

— Какого рода? — спросил мистер Эллисон. — А о какого рода вещах он писал?

Миссис Эллисон перевернула письмо и нахмурила брови. Невозможно было найти фразу, слово, которые не были бы похожи на то, что он писал обычно. А может, это из-за того, что письмо пришло с сильным опозданием, или потому, что конверт заляпан отпечатками пальцев?

— Я не знаю, — сказала она с нетерпением.

— Попробую еще раз позвонить, — сказал мистер Эллисон.

Миссис Эллисон перечитала письмо дважды, так и не найдя фразы, которая прозвучала бы фальшиво. Мистер Эллисон вернулся и спокойным голосом сказал:

— Телефон умер.

— Что? — вскрикнула миссис Эллисон, роняя письмо.

— Телефон умер, — повторил мистер Эллисон.

День прошел быстро. Они позавтракали печеньем с молоком, потом вышли на лужайку. После полудня над озером начали собираться облака, потом заволокло небо над домом. К четырем часам стало совсем темно. Однако гроза не разражалась, похоже было, она упивается злобным удовольствием, заставляя себя ждать. Время от времени небо прорезалось зигзагом молнии, но дождь все никак не решался пойти. Вечером мистер и миссис Эллисон, прикорнув друг к другу, слушали транзистор, привезенный с собой из Нью-Йорка. Только мерцающий глазок приемника да краткие вспышки молнии освещали комнату.

Грохот оркестров, выходящий из этого миниатюрного транзистора, казалось, вот-вот взорвет дом.

Между двумя рекламными объявлениями миссис Эллисон глянула на мужа и слабо улыбнулась:

— Я спрашиваю себя, есть ли что-нибудь, что... можно было бы *сделать*?

— Нет, — ответил, поразмыслив, мистер Эллисон, — не думаю. Остается только ждать.

Миссис Эллисон вздохнула, и мистер Эллисон повысил голос, чтобы перекрыть шум танцевального оркестра:

— Ты знаешь, машина саботирует. Даже я об этом догадался.

Миссис Эллисон поколебалась в нерешительности и сказала очень мягко:

— Телефонные провода, вероятно, были оборваны?

— Может быть.

Танцевальная музыка кончилась. Они внимательно прослушали новости. Мелодичный голос диктора, не переводя дыхания, описывал пышную свадьбу в Голливуде, объявил результаты бейсбольного матча, предсказал возможное на будущей неделе повышение цен на продукты питания. Он говорил им так, словно они еще имели право слушать новости мира, с которым связаны были только умирающими батареями приемника со слабеющим голосом. Однако, как ни тонка и призрачна была эта нить, одной лишь ею держалась еще связь с миром.

Миссис Эллисон бросила взгляд в направлении гладкого озера, темной массы деревьев, на небо, набухшее грозой, и сказала, чтобы не дать умереть беседе:

— Я немного успокоена письмом Джерри.

— Я все понял еще вчера, не увидев огней у Холлов.

Резко налетел ветер, вихрем закружил вокруг дома, яростно сотрясая оконные рамы. Радио смолкло. Инстинктивно Эллисоны потянулись друг к другу, и мистер Эллисон взял жену за руку. И когда вспышка разодрала небо и грянул первый удар, старые супруги, одни в летнем доме, тесно прижались друг к другу и принялись ждать.

Джон **КОЛЬЕР**

ВЕЧЕРНЯЯ ПРИМУЛА

21 марта. — Мое решение принято. Сегодня я покидаю этот обывательский и конформистский мир, который ненавидят поэты. Я ухожу, оставляю дом, сбегаю...

Я только что претворил в жизнь мой план. Я свободен. Свободен, как насекомое, пляшущее в лучах солнца. Свободен, как домоседливая мушка, в один прекрасный день улетевшая на роскошный океанский корабль и опустившаяся в первом классе. Свободен, как стихи, которые я слагаю. Отныне я буду питаться бесплатно, записывать свои стихотворения на бумаге, которую не буду покупать, я стану носить тапочки, подбитые нежным мехом, за которые не буду платить и которые будут мягко скользить по полу.

Сегодня утром я не имел ни цента в кармане. Сейчас я здесь, и у меня ощущение, что я ступаю по бархату. Вы, конечно же, горите желанием узнать, где находится такое убежище; вам бы хотелось организовать сюда поездку, разграбить это место, прислать вашу законную семью и, может быть, приехать самому. Однако этот дневник попадет в ваши руки только после моей смерти! В этом я почти уверен.

Я в универсальном магазине Брасей, такой же счастливый, как мышь посреди огромного сыра, и мир никогда больше не узнает обо мне.

Теперь я буду жить с радостью, с упоением, полностью скрытый громадным штабелем ковров, в хорошо защищенном уголке, который я наметил обложить пуховиками, свитерами из ангорской шерсти и грудами подушек. Я устроюсь очень удобно.

Я проник в святилище в конце дня и вскоре услышал удаляющиеся шаги последних покупателей. Начиная с этого момента, единственной моей заботой будет избегать ночного сторожа. Поэты умеют избегать проблем.

Я уже провел первую разведку. Я отважился про-

никнуть на цыпочках в писчебумажный отдел и бесшумным бегом вернулся в свое убежище, унося предметы первейшей нужды поэта. Сейчас я размещу их и отправлюсь за другими необходимыми товарами: пищей, вином, подушками для моего дивана и элегантной домашней курткой. Это место действует на меня возбуждающе. Я смогу здесь писать.

Следующий день — на рассвете. Готов поспорить, что никто в мире не был так поражен, как я в эту ночь. Это невероятно. И все же, я в это верю. Насколько интересней жизнь, когда она происходит таким образом!

Я выбрался от себя, как и решил, ползком и нашел весь магазин купающимся одновременно в свете и тени. Центральная часть была полуосвещена, в то время как круговые галереи пребывали в темноте. Винтовые лестницы и пешеходные мостки приняли сверхъестественный вид. Шелка и бархат отбрасывали призрачный отсвет. Сотни манекенов, едва одетых, жеманились и протягивали руку. Кольца, броши и браслеты сверкали в сумерках холодными отблесками. Но не было ни души.

Хотя нет, был ночной сторож. Я забыл о нем. Когда я пересек открытое пространство на антресолях и скрылся на балконе, где были развешаны великолепные шали, мне показалось, что я слышу размеренный шум, который мог быть и ударами моего собственного сердца. Внезапно я понял, что шум идет снаружи. Это был звук шагов, совсем близких. Быстрый, как молния, я схватил переливающуюся мантилью, завернулся в нее и замер с вытянутой рукой, словно Кармен, окаменевшая в презрительном жесте. Уловка удалась. Он прошел рядом со мной, потряхивая цепочкой и насвистывая песенку. «Ступай обратно, в человеческий мир», — прошептал я, осмеливаясь беззвучно рассмеяться.

Но смех застыл на моих губах. Мужество оставило меня. Новый страх завладел мной.

Я боялся сделать шаг. Я боялся посмотреть вокруг себя. Я чувствовал, что нахожусь под наблюдением чего-то, чей взгляд пронзает меня насквозь. Страх, испытываемый мной, был совершенно отличен от того, который внушил мне ночной сторож. Инстинкт заставлял меня повернуться, но тело отказывалось, и я пребывал неподвижно, застыв, глядя прямо перед собой.

Мои глаза пытались раскрыть то, во что мой разум не хотел верить. В конце концов я понял, что происхо-

дит на самом деле: мой взгляд был погружен в другой человеческий взгляд, в большие и светящиеся зрачки. Я уже видел такие глаза у ночных созданий, неожиданно возникающих в свете искусственной луны зоопарка.

Существо, которому принадлежал этот взгляд, находилось в четырех метрах от меня. Сторож прошел между нами и ближе к нему, чем ко мне. Тем не менее, он его не заметил. И я, хотя и смотрел прямо на него в течение многих минут, я тоже его не видел.

Он полулежал на низком помосте, возле которого, на полу, усыпанном рыжими листьями, элегантные девушки из воска демонстрировали среди вспененной ткани спортивные костюмы в клетку. Складки юбки одной из этих Диан скрывали его ухо, плечо и правый бок. Сам он был одет в костюм из шотландского твида последнего покроя, рубашку с зелено-розово-серыми полосками, обут в замшевые туфли. Он был так же бледен, как какое-нибудь создание, которое можно обнаружить в подземелье. Его руки заканчивались кистями, свисавшими подобно прозрачным рыбьим плавникам или кускам ткани.

Он заговорил. Голос его не был голосом, это было сипение, модулируемое языком.

— Неплохо для начинающего.

Я понял, что он делает мне комплимент, немного посмеиваясь над моим любительским камуфляжем. Я пролепетал:

— Извините, я не знал, что кто-то еще живет здесь.

Говоря, я заметил, что подражаю его туманной манере произносить слова.

— О! да. Мы живем здесь. Это восхитительно.

— Мы?

— Да, мы все. Посмотрите.

Мы были около балюстрады первой галереи. Широким жестом он указал на центр магазина. Я посмотрел. Я ничего не увидел. Я ничего не услышал, за исключением мерных шагов ночного сторожа, удалявшегося в сторону подвала.

— Вы не видите?

Знакомо вам то ощущение, когда бросают взгляд в сумерки вивария? Видны булыжники, несколько листьев и ничего больше. Затем внезапно один камень вздыхает: это жаба, что-то другое шевелится: это хамелеон, узел развязывается: это змея. Листья начинают жить. . .

То же самое было в магазине. Я смотрел: пусто. Я посмотрел еще: из-за огромных уродливых часов появилась старая дама. Обнаружились три увядающие инженю, невероятно худые, которые жеманились у входа в парфюмерный отдел. Их волосы были блеклыми и тонкими, как осенние паутинки. Таким же хрупким и бесцветным выглядел мужчина, похожий на полковника южан, который, рассматривая меня, поглаживал усы, напоминающие креветочные усики! Одетая в кретон женщина, вероятно, страстно увлекающаяся литературой, вышла из-за портьер и драпировок.

Они толклись вокруг меня, посвистывая, порхая, как кисейные вуали на ветру. Глаза их были широко распахнутыми и блестящими. Я заметил, что их радужные оболочки не имели цвета.

— У него совершенно неопытный вид!

— Это сыщик. Позовите Черных Людей!

— Я не сыщик. Я поэт. Я отказался от мира.

— Это поэт. Он пришел к нам. Его обнаружил мистер Роскоу.

— Он нами восхищается.

— Нужно познакомить его с миссис Вандерпант.

Меня подвели к миссис Вандерпант. Я понял, что она Знатная Дама магазина. Она была почти совсем прозрачной.

— Итак, мистер Шнелль, вы поэт? Вы обретете здесь вдохновение. Я, так сказать, самая давняя обитательница этого магазина. Было три объединения и одна полная реконструкция. И тем не менее, они не смогли от меня избавиться.

— Дорогая миссис Вандерпант, расскажите, как вас чуть было не купили, приняв за «Мать» Уистлера!

— Это произошло перед войной. В то время я выглядела более крепкой. Но на кассе сразу заметили, что картина не обрамлена. И когда за мной вернулись. . .

— Она исчезла!

Их смех походил на стрекотание призрачного оркестра кузнечиков.

— Где Элла? Где мой бульон?

— Она вам его сейчас принесет, миссис Вандерпант. Подождите несколько мгновений.

— Элла забавное маленькое создание. Это наш найденыш, мистер Шнелль. Она не такая, как мы.

— Это правда, миссис Вандерпант? Боже мой,

— Несколько лет я прожила здесь одна. Я укрылась в этом магазине в 1880 году. Я была совсем юной и, судя по тому, что люди говорили, очень красивой. К несчастью, мой бедный папа потерял все свое состояние. Магазин Брасей в ту пору был очень престижным в Нью-Йорке, особенно для молодой девушки, мистер Шнелль. Мне казалось ужасным, что я не смогу больше приходить в него за покупками. И тогда я решила устроиться здесь всерьез. Я была сильно раздосадована, когда, после краха 1907 года, каждый в свою очередь, начали прибывать другие. Но это были дорогой судья, полковник, миссис Бильби...

Я поприветствовал. Меня стали представлять другим.

— Миссис Бильби пишет пьесы. И она принадлежит древнему роду из Филадельфии. Здесь исключительно благородные люди, мистер Шнелль.

— Я чрезвычайно польщен, миссис Вандерпант.

— Все наши молодые люди, естественно, прибыли в 1929 году. Их бедные отцы выбросились из небоскребов.

Я рассыпался в свисте и поклонах. Представления длились долго. Кто бы мог подумать, что в магазине Брасей обосновалось столько людей?

— А вот, наконец, и Элла с моим бульоном.

И тут я заметил, что молодые девушки не так уж и молоды, несмотря на улыбки, жеманство и платья инженю. Элле не было еще и восемнадцати лет. И хотя одета она была всего лишь в куски ткани, подобранные на прилавке, у нее был вид цветка между кладбищенских надгробий или русалки среди водорослей.

— Иди же, маленькая дурочка.

— Миссис Вандерпант ждет.

Цвет ее лица не имел той меловой белизны, что у остальных, он был жемчужным.

Элла! Единственная жемчужина в этом заброшенном и фантастическом подземелье! Маленькая русалка, окруженная, сдавленная, удушенная смертоносными щупальцами! Сегодня я не могу более писать об этом.

28 марта. — Итак, я быстро привык к этому новому миру и светотени, к странным людям, окружающим меня. Постепенно я постигаю сложные законы соблюдения тишины и маскировки, которые управляют нашими прогулками, по-видимому случайными, и собраниями этого ночного племени. Как ненавидели все они сторожа, чье существование угрожало порядкам этих фестивалей праздности!

— Какое грубое и отвратительное создание! Он распространяет вокруг себя зловоние солнца!

В действительности же это был молодой человек, не без индивидуальности. Он был слишком молод для ночного сторожа, я думаю, он пошел на это вследствие ранения на войне. Но они, они хотели разорвать его на кусочки!

Со мной они вели себя очень любезно. Они были счастливы, что к ним пришел поселиться поэт. Я же любил их не столь сильно. Кровь застывала у меня в жилах, когда я видел, как старые дамы ловко карабкались по балюстрадам, перебираясь с этажа на этаж. Или же это было из-за их неучтивого обращения с Эллой?

Вечерами мы играли в бридж. А сегодня будет представление пьесы миссис Бильби: *Любовь в Мире Теней.* Поверите ли вы мне? На это представление, полным составом, прибудет другая колония — из магазина Уэйнемэкер. По всей вероятности, во всех универсальных магазинах обитают люди. Этот визит расценивается как большая честь, поскольку все эти создания величайшие снобы. С ужасом они говорят о банде люмпенов, покинувших изысканное заведение на Мэдисон Авеню и переселившихся в одну из бакалейных лавок, где они пожирают специи. И с огромным волнением рассказывают историю человека, укрывавшегося у Альтмана, который воспылал такой страстью к куртке из шотландки, что внезапно вырос перед покупателем, приобретшим ее, и вырвал куртку из его рук. Кажется, поселение у Альтмана, боясь облавы, было вынуждено покинуть это элегантное место и переселиться в какой-то дешевый универсальный магазин. Но мне нужно собираться на представление пьесы.

14 апреля. — Мне выдался случай поговорить с Эллой. Я пока еще не осмеливался сделать это. Здесь все время такое ощущение, что за тобой следят пустые глаза. Но прошлой ночью, во время спектакля, на меня напала икота. Мне предложили удалиться в подвал, туда, где расположены мусорные ящики — в это место ночной сторож никогда не заходит.

Там, в темноте, населенной крысами, я услышал приглушенные рыдания.

— Что такое? Кто там? Элла? Что огорчило вас, малышка? Почему вы плачете?

— Они не разрешили мне смотреть пьесу.

— И всего лишь? Позвольте мне вас утешить.

— Я так несчастна.

Она поведала мне свою короткую трагическую историю. Что вы думаете? Когда она была совсем маленькой — ей было шесть лет, — она потерялась и заснула за прилавком, пока ее мать примеряла шляпку. Когда она проснулась, весь магазин уже погрузился в темноту.

— Я плакала, и они собрались вокруг меня, чтобы увести. «Если позволить ей уйти, она все расскажет»,— говорили они. Кто-то добавил: «Приведите Черных Людей». — «Пусть она останется здесь, — сказала, наконец, миссис Вандерпант, — она будет моей маленькой служанкой, о которой я давно мечтала».

— Кто они, эти Черные Люди, Элла? Когда пришел я, они тоже о них говорили.

— Вы не знаете? О! это ужасно. Ужасно!

— Объясните мне, Элла. Я хочу разделить ваши печали.

Она дрожала.

— Вы знаете служителей погребения, тех, что появляются в доме, когда умирают люди?

— Да, Элла.

— И вот, в похоронных бюро, у Джимбела, к примеру, или Блумингдэйла, живут, так же как и здесь.

— Но чем они могут жить в похоронном бюро?

— Об этом я ничего не знаю. Туда посылают умерших для бальзамирования. О! это омерзительные существа. Даже здешние их очень боятся. Но когда кто-нибудь умирает или сюда забирается какой-нибудь несчастный грабитель, тогда.

— Тогда? Продолжайте.

— Тогда вызывают Черных Людей.

— Божественная доброта.

— Да, в этом случае появляются Черные Люди. можно сказать, порождение тьмы. Один раз я их видела, это было ужасно.

— Что они делали?

— Они вошли и взяли умершего или несчастного грабителя. При себе у них имелись воск и различные инструменты. А после них на столе остался лежать манекен. В таких случаях наши надевают на него платье или купальный халат и смешивают с другими восковыми фигурами. И потом нельзя узнать, что произошло.

— А они, эти манекены, не тяжелее, чем настоящие? Можно было бы отличить. . .

— Нет, не тяжелее остальных. Думаю, очень многие люди исчезли таким образом.

— О! Боже, и они хотели сделать это с вами, когда вы были маленькой?

— Да, и спасла меня миссис Вандерпант, сказав, что я буду ее служанкой.

— Я не люблю этих людей, Элла.

— Я тоже. Мне так хотелось бы увидеть птицу!

— Почему же вы не пойдете к вольере?

— Это совсем другое. Я хочу увидеть птицу, сидящую на ветке, покрытой листьями.

— Элла, нам нужно встречаться почаще. Приходите сюда, чтобы поболтать. Я буду вам рассказывать о птицах, ветках и листьях.

1 мая. — Уже несколько ночей подряд магазин охвачен лихорадкой: шепотом говорят о большом собрании, которое будет иметь место у Блумингдэйла. Итак, сегодняшняя ночь — великая ночь.

— Все согласны? Мы отправляемся ровно в два часа.

Роскоу был назначен, или сам себя назначил, моим то ли гидом, то ли телохранителем.

— Роскоу, я еще желторотый. Я боюсь улиц.

— Глупости! Бояться нечего. Мы покинем магазин тайком в два или три часа, подождем на тротуаре, пока подойдет такси, в которое мы и сядем. Вы никогда, в прежнее время, не выходили ночью? В этом случае вы нас несомненно встречали.

— Бог мой, конечно, и я часто себя спрашивал, откуда вы появляетесь? А вы выходили из магазина Брасей! Но, Роскоу, у меня горит лоб. Мне трудно дышать. Я боюсь подхватить насморк.

— Тогда вам лучше остаться. Вся наша встреча будет испорчена, если случится злосчастное чихание.

Я рассчитывал на их неукоснительный и строгий этикет, основанный большей частью на боязни быть обнаруженными, и оказался прав. Вскоре все они исчезли, словно листья, унесенные ветром. Я немедленно переоделся во фланелевые брюки, элегантную спортивную рубашку, обул парусиновые туфли — последние новинки. Нашел тихое местечко, подальше от нескромных взглядов ночного сторожа. Там, в протянутой руке одного манекена, пристроил прекрасный папоротник, взятый в цветочном киоске. Его можно было принять за свежий весенний кустик. Ковер по цвету напоминал песок на берегу озера. Белая, как снег, скатерть, пирог

украшен вишней. Осталось только представить озеро и найти Эллу.

— Бог мой, Чарльз, что это значит?

— Я поэт, Элла, а когда поэт встречает такую девушку, как вы, он тут же думает о загородном пикнике. Видите это дерево? Назовем его — наше дерево. Вот озеро — самое прелестное озеро, какое только можно вообразить. Вот трава, а вон цветы. А также птицы, Элла. Вы мне говорили, что любите птиц.

— О! Чарльз, вы чересчур любезны. У меня ощущение, что я слышу, как они поют.

— А вот наш завтрак. Но прежде ступайте за скалу посмотреть, что там есть.

Я услышал, как она вскрикнула от радости, увидев летнее платье, которое я приготовил для нее. Когда она вернулась, весна улыбалась ей, а озеро блестело ярче.

— Элла, давайте завтракать. Давайте развлекаться. Давайте купаться. Я стараюсь представить вас в одном из этих новых купальных костюмов.

— Чарльз, лучше сядем и поговорим.

Мы сели и принялись болтать. Время проходило, как сон. Мы могли бы сидеть так часами и часами, забыв обо всем, если бы не паук.

— Что вы делаете, Чарльз?

— Ничего, милая. Просто по вашему колену бежит гадкий паучок. Совершенно воображаемый, конечно, но этот вид самый опасный. Я пытаюсь поймать его.

— Нет, Чарльз, не надо этого. Уже поздно, ужасно поздно. Они вернутся с минуты на минуту. Мне нужно идти домой.

Я проводил ее в подвал, где она жила в отделе хозяйственных товаров, и пожелал спокойного дня. Она подставила мне щеку для поцелуя. Это потрясло меня.

10 мая. — «Элла, я вас люблю».

Я сказал ей так, совсем просто. Мы встречались множество раз. В течение дня я грезил о ней. Я даже не вел мой дневник. Что касается стихов, то об этом не было и речи.

— Элла, я вас люблю. Пойдемте в отдел для новобрачных. Не принимайте этот испуганный вид, милая. Если вы захотите, мы уйдем отсюда немедленно. Мы отправимся жить в маленький ресторанчик Центрального Парка. Там тысячи птиц.

— Я прошу вас, я прошу вас... не говорите об этом.

— Но я люблю вас всем сердцем.

— Не надо.

— Наоборот, я думаю, что надо. Я не могу удержаться от этого. Но Элла, не любите ли вы кого-нибудь другого?

Она всплакнула.

— Да, Чарльз.

— Вы любите другого, Элла? Одного из них? Я полагал, что они все вас пугают. Это, вероятно, Роскоу. Он единственный, у кого еще сохранился человеческий облик. Мы говорим с ним об искусстве, литературе, вообще о жизни. Это он похитил ваше сердце?

— Нет, Чарльз, нет. Он такой же, как и другие, и я их всех ненавижу. У меня от них мурашки по коже.

— Кто же тогда?

— Это он.

— Кто он?

— Ночной сторож.

— Невозможно.

— Возможно: от него пахнет солнцем.

— О! Элла, вы разбили мое сердце.

— Я бы хотела, чтобы вы все же остались моим другом.

— Я останусь им. Я буду вашим братом. Как вы в него влюбились?

— О! Чарльз, это было чудесно. Я думала о птицах и забыла об осторожности. Но не говорите ничего им, Чарльз. Они меня накажут.

— Нет, я ничего не скажу. Продолжайте.

— Я была неосторожной и не заметила, как он зашел за прилавок. Мне некуда было бежать. На мне было это голубое платье. А вокруг стояли лишь манекены в нижнем белье.

— Умоляю вас, продолжайте.

— Мне ничего не оставалось. Я скинула платье и замерла неподвижно.

— Понимаю.

— Он остановился передо мной, Чарльз. Он посмотрел на меня и погладил по щеке.

— Он ничего не заметил?

— Нет, моя щека была холодной. Но, Чарльз, он заговорил, он сказал: «Ну, душенька, хотелось бы, чтобы девочки с Восьмой Авеню походили на вас». Чарльз, ведь это же восхитительный комплимент, не правда ли?

— Лично я бы скорее сказал «с Парковой Авеню».

— О! Чарльз, не становитесь таким же, как здеш-

ние ужасные люди. Иногда мне кажется, что вы начинаете на них походить. Название улицы не имеет никакого значения. В любом случае это восхитительный комплимент.

— Да, но мое сердце разбито. И на что вы можете надеяться? Этот человек принадлежит другому миру.

— Действительно, Чарльз, он принадлежит к миру Восьмой Авеню. Именно туда я и собираюсь отправиться. Чарльз, вы и в самом деле мой друг?

— Я ваш брат, но мое сердце разбито.

— Послушайте меня: я останусь стоять здесь еще раз; так, чтобы он опять меня заметил.

— А потом?

— Может, он снова мне что-нибудь скажет.

— Дорогая моя Элла, вы себя мучаете. Вам станет еще хуже.

— Нет, Чарльз, потому что теперь я ему отвечу. И он возьмет меня с собой.

— Элла, я не вынесу этого.

— Т-с-с, кто-то идет. Я увижу птиц.. настоящих птиц, Чарльз, и цветы, которые растут на земле. Это они. Вам нужно уходить.

13 мая. — В течение этих трех дней я вынес пытку. Сегодня вечером я сломался. Ко мне пришел Роскоу. Он смотрел на меня некоторое время. Он положил мне руку на плечо. Он сказал:

— У вас неважный вид, старина; почему бы вам не сходить к Уэйнамэкеру покататься на лыжах?

Его любезность обязывала меня ответить искренне.

— Это гораздо серьезнее, Роскоу. Я погибаю. Я не могу есть, я не могу спать. Я не могу писать, дружище, я даже не могу писать.

— Что происходит? Вы соскучились по дневному свету?

— Роскоу. это любовь.

— Надеюсь, Чарльз, не к продавщице или покупательнице? Это абсолютно запрещено.

— Нет, Роскоу, не то. Но так же безнадежно.

— Дорогой друг, я не могу вас видеть в таком состоянии. Я хочу помочь вам. Позвольте мне разделить ваши печали.

И тогда я рассказал ему всю эту историю. Она разразилась, как гром. Я доверял ему. Думаю, я не имел намерения предать Эллу, сорвать ее побег, задержать здесь до тех пор, пока ее сердце не обратится ко мне.

А если это и было моим намерением, то, клянусь, бессознательным.

Как бы там ни было, но я рассказал ему все. Все! Он выглядел сочувствующим, но я заметил в его сочувствии легкую сдержанность.

— Вы сохраните тайну исповеди, Роскоу? Это останется между нами?

— Я буду нем, как могила, старина.

И он, должно быть, отправился прямо к миссис Вандерпант. Сегодня вечером атмосфера изменилась. Люди мечутся тут и там, улыбаясь нервно, зловеще, с садистской восторженностью. Когда я пытаюсь с ними заговорить, они отвечают уклончиво, дергаются и исчезают. Бал в городской одежде отменен. Я не могу найти Эллу. Я собираюсь выйти скрытно. Я отправляюсь искать ее.

Позднее. — Небо праведное! Это случилось. Доведенный до отчаяния, я забрался в кабинет директора, застекленное окно которого возвышалось над всем магазином. Я следил до полуночи. Затем заметил маленькую группу, тянущуюся процессией, как муравьи, несущие свою добычу. Они несли Эллу. Они уносили ее в отдел хирургических инструментов. У них были и еще какие-то предметы.

Когда я возвращался, меня обогнала порхающая и лепечущая орда. Направляясь к своему укрытию, они оглядывались, одновременно испуганно и восхищенно. Я тоже спрятался. Как описать эти мрачные и бесчеловечные существа, скользнувшие мимо меня, молчаливо, как тени?

Что я могу сделать? Только одно. Я иду искать ночного сторожа. Я расскажу ему. Он и я, мы найдем ее. А если мы будем побеждены... Итак, я оставляю этот дневник на прилавке. Завтра, если мы будем живы, я смогу его забрать.

Если нет, смотрите на витрины. Ищите трех новых манекенов: двух мужчин, один из которых чувствительного вида, и девушку. У нее голубые, как барвинок, глаза, а верхняя губа немного вздернута.

Ищите нас.

Выгоните их, выкурите! Заставьте их исчезнуть! Отомстите за нас.

Бретт ХОЛЛИДЭЙ

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ

Гринго Терстон? Да, сеньор. Я хорошо его помню. Я был одним из тех, что отправились в экспедицию, предпринятую им в район холмов на поиски нефти.

В экспедицию, сеньор, из которой он не вернулся.

Вы спрашиваете, что с ним стало? На этот вопрос никто не может ответить с уверенностью. Даже я, хотя я имею американское образование и репутацию самого хитрого на перешейке Техаунтепек.

Понимаю, сеньор. Вы посланы страховой компанией и в Техаунтепек прибыли за доказательством смерти Терстона. Я расскажу вам эту историю так, как я ее знаю, и вы сами решите, является ли она доказательством, которое вы ищете.

Садитесь поудобнее здесь, под навесом, и слушайте внимательно. История не длинная, но начаться она должна с того момента, когда гринго Терстон сошел на берег в Порто Бланко с парохода, поднимавшегося вверх по реке.

Быть может, вы его знали? Нет? Высокий мужчина с широкими плечами и холодными, как лед, глазами; грубый голос, отдающий приказания, словно бы собакам, а не мужчинам, в жилах которых течет голубая кровь испанских грандов, смешанная с кровью туземных племен, которые были хозяевами этого континента задолго до того, как его открыл скитающийся итальянский моряк.

Понимаете, сеньор, мы, мексиканцы, народ, который впадает в гнев медленно. Американские гринго ошибаются, принимая это за слабость или страх, и, случается,

они замечают свою ошибку только тогда, когда становится чересчур поздно.

Терпение, сеньор. Я и рассказываю вам историю Терстона. Но чтобы понять ее конец, вы должны себе представить, каким он был, когда высадился на нашем берегу, переполненный высокомерием, с грубыми словами на губах и презрением к нам в сердце.

Ах! и с тем выражением в глазах, которое появлялось у него, когда он смотрел на наших женщин, и которое не было добрым. Он ничего не понимал в тропиках и принимал одежды, что носят наши женщины, за приглашение к дурному.

Не будьте нетерпеливым. Я стараюсь дать вам возможность увидеть гринго Терстона таким, каким видели его мы, люди Телуокана... Так вы лучше поймете, что произошло в голове этого человека, когда он увидел в джунглях Лолиту Симпсон.

Да, сеньор, сеньор Симпсон тоже американец, но он не гринго, как Терстон. Маленький человек с лысой головой и мягким голосом. Он приехал в Телуокан из Эстадос Унидос двадцать лет назад.

Быть может, вы с презрением скажете, что он стал туземцем. Действительно, он взял себе жену из племени гурийо, индейцев с холмов. Но она была верна ему, и думаю, сеньор Симпсон не пожалел о своем выборе.

С нею он поселился возле истоков Рио Чико, раскорчевал землю под плантацию бананов, завел шестерых детей, из которых дочь Лолита самая старшая.

Сеньор Симпсон закупал в городе провизию, когда туда на корабле прибыл Терстон.

Я видел, как они встретились на этой веранде, сеньор, а также я был рядом с ними тремя ночами позже, когда Лолита танцевала флуенситу при свете пылающих факелов и был подписан приговор гринго Терстону.

Гринго возвышался над Симпсоном на целую голову. Он обрушил на него взгляд, полный холода, и сказал:

— Мне говорили, что у вас маленькая плантация в верховьях реки и вы можете провести меня туда. Затем я продолжу мою экспедицию к холмам.

Сеньор Симпсон поднял на гринго глаза, затем отвел их. Он словно учуял что-то недоброе. Но он ответил:

— Да. В Телуокане я за продуктами. Домой возвращаюсь рано утром.

— Я поднимусь по реке сразу же после завтрака. Вот вам десять долларов, чтобы найти мне мексиканских носильщиков и довести до вашей плантации.

— После завтрака время сиесты, — заметил сеньор Симпсон. — У них здесь есть поговорка, которая гласит, что одни лишь собаки да идиоты гринго отваживаются высунуться под солнце во время сиесты.

Гринго закинул голову назад и захохотал:

— Мне плевать, что ко мне отнесутся как к идиоту гринго. Я и не то еще слышал!

— Чересчур жарко, чтобы люди передвигались с багажом. Завтра мы тронемся с самого утра.

— Идите к дьяволу с вашей сиестой и вашим *«маньяна»*, — сказал Терстон.

Это правда, сеньор, он клял все, что шло не так, как хотелось ему.

— Если вам не нужны десять долларов, я отправлюсь один.

Не раздражаясь, Симпсон признался, что десять долларов ему пригодятся. В стране, где песо редки, американские доллары ценятся высоко. Но почему, спросил Симпсон, американцы всегда стремятся к холмам?

— Я работаю по нефти. Геологическая разведка. Я слышал о подземных слоях. Видели ли вы выходы?

Сеньор Симпсон пожал плечами и сказал, что не знает.

Гринго расхохотался:

— Беда с этими американцами, которые, подобно вам, становятся туземцами. Вы погружаетесь в хозяйство с вашей толстой грязной женой и теряете всю вашу американскую энергичность.

Я смотрел на сеньора Симпсона и видел выражение его лица, когда Терстон говорил ему это. Это было не очень приятное выражение. Ведь у его жены действительно была уже не такая тонкая талия, как в то время, когда он повел ее к священнику.

Но он свернул сигару из маиса и ничего не сказал. Было видно, что он думает, насколько бесполезно пытаться объяснить Терстону..., а десять американских долларов в Телуокане не валяются каждый день под копытами лошади.

В конце концов гринго добился своего. Когда нача-

лась сиеста, мы уже поднимались вверх по реке. Шестеро нас с тюками, сеньор Симпсон с двумя ослами, которые везли провизию на плантацию.

И слушайте внимательно, сеньор! Гринго шел впереди с самым тяжелым грузом.

Полуденная жара на перешейке, вы понимаете, не похожа на жару, которую вы найдете в любом другом месте. Раздавливающая тяжесть. Дыхание не достигает легких, потому что воздух влажный и насыщенный испарениями.

Джунгли молчаливы, так как даже птицы и обезьяны прячутся в своих укрытиях в тени. Одуряющее зловоние, поднимающееся от сырой гнили, которое мы, жители этой страны, привыкаем терпеть, не испытывая от этого никакой радости.

Гринго Терстон двигался в таком темпе, который ни один человек, знающий тропики, никогда не примет. Подобный человек, сеньор, трудный руководитель. И кто нанят на деньги этого человека, не может позволить себе прохлаждаться.

В течение трех часов мы, замыкавшие движение, подстраивали свои шаги под шаги Терстона. Альберто, самый молодой из нас, уже не выдерживал.

У него болел живот, и он не мог больше идти. Его старший брат Педро приблизился к сеньору Симпсону сказать, что мы должны остановиться, чтобы дать Альберто отдохнуть.

— Хозяин не я, — ответил ему сеньор Симпсон с сожалением. — Сеньор Терстон идет без отдыха.

— Но у него не болит желудок, — сказал Педро. — Другой хозяин остановится, если вы ему скажете, сеньор.

Зная страну и наших людей, сеньор Симпсон понимал, что лучше сделать привал из-за «желудка» Альберто. Он остановился и крикнул:

— Терстон, один из ваших носильщиков болен.

Гринго оглянулся и крупными шагами подошел к нам с покрасневшим от ярости лицом.

— Который из вас утверждает, что болен? Кому тут нужен отдых?

Альберто не был лишен храбрости. Он поднял голову и сказал:

— Это я. Болезнь очень быстро пройдет. Чересчур сильная жара.

Гринго был не из тех, кто принимает извинения слабых людей.

— Тебе не более жарко, чем мне, — сказал он Альберто. — Иди впереди меня, чтобы я мог пинать тебя в зад, когда болезнь вернется.

Таких вещей не говорят больному человеку. На всех лицах появилось выражение ненависти, и за спиной гринго рука Педро скользнула за пояс, где у него всегда был спрятан нож.

Ругательство молнией сверкнуло в глазах Альберто, но он был чересчур болен, чтобы противостоять гринго. Он передернул плечами и уронил свой тюк, сказав только:

— Я отдохну здесь, пока болезнь не пройдет.

— Нет,— сказал гринго,— нет, я не за это плачу мои деньги. Уноси свой больной живот в город.

Дыхания стали тяжелыми и прерывистыми. Полная ненависти тишина опустилась на караван. Не один горел желанием выхватить свой нож, но огромный гринго рыча стоял перед нами.

Он стоял лицом к нам, но не к Педро. Педро, к счастью, находился за его спиной, припав к земле, как тигр в джунглях. Горячий луч солнца заблестел на стальном полированном лезвии в его правой руке.

Сеньор Симпсон попытался спасти гринго. Он шагнул вперед и сказал:

— Вы совершаете ошибку, Терстон. Эти люди не выносят, когда с ними говорят таким образом.

Сеньору Симпсону, своему соотечественнику, гринго сказал:

— Заткнитесь.

Эти слова выпали из его рта, как куски льда.

Смотреть на отступающего сеньора Симпсона не было приятным зрелищем. Никто не любит видеть друга, гнущего спину.

Педро потихоньку приближался к гринго сзади. Мы ждали в молчании, поскольку всем известно, что нож Педро приносит быструю смерть.

Что-то в наших глазах, очевидно, насторожило гринго.

Он сделал полуоборот с резвостью, замечательной для такого крупного человека... и засмеялся, увидев нож Педро, готовый вспороть ему живот.

Смех, сеньор, был более пугающим, чем проклятие.

Его кулак, твердый, как копыто подкованного мула,

рванулся вперед. Педро рухнул на тропу, а его нож, описав блеснувшую на солнце дугу, упал в болотный ил.

Нас оставалось четверо... все вооружены. Но едва мы двинулись к нему, гринго повернулся к нам лицом. Его рука нырнула под рубашку, и он выхватил один из ваших американских револьверов.

У нас в тропиках есть поговорка, гласящая, что раскаленный свинец быстрее холодной стали. Никто из нас не захотел ее проверять. Мне приятнее быть повешенным, сеньор, чем вспоминать, какой сворой побитых собак были мы, когда гринго велел Альберто исчезнуть с глаз, а нам приказал разделить его груз и двигаться вперед.

Педро отправился с нами, слизывая кровь, сочащуюся изо рта, и оставив свой нож там, где он упал. И до самого вечера этого дня мы держались достаточно далеко от гринго, чтобы не попасть в пределы досягаемости его револьвера. Солнце спустилось уже ниже верхушек деревьев, когда он отдал приказание сделать остановку. Среди нас не нашлось ни одного, кто думал бы о чем-либо другом, кроме как поесть и спать.

Темнота падала на джунгли. Когда солнце скрылось и ночная мгла легла на тропу, мы зажгли огонь.

Гринго не делал никаких распоряжений и не сказал нам ни слова. Он уселся спиной к дереву, там, где костер отбрасывал свет на его лицо.

От гринго исходило что-то, мешающее нам поднять на него руку. Мы не были робкими, но пятеро из нас были охвачены каким-то страхом, который превосходил боязнь его пистолета.

Как передать это? Нет средств объяснить власть на остальных людей такого человека, как Терстон. Ощущение ничем не сдерживаемого злодейства, возникающее возле него, подавляло нашу смелость.

То же самое недоброе ощущение страха подгоняло нас на следующий день. Об этой экспедиции еще много лет будут говорить тихими голосами. Мы двигались в голове каравана, гринго шел позади нас; сеньор Симпсон следовал за своими ослами, покалывая их, чтобы не задерживались, заостренной палкой.

Послушайте, сеньор, от Телуокана до плантации сеньора Симпсона три дня пути, и тем не менее мы увидели ее уже после полудня... через полтора дня на-

шего путешествия. Нет ничего странного в том, что американцы умирают молодыми.

Вид плантации подбодрил нас, бывших уже словно мертвецы, которые еще держались на ногах. Из джунглей выступили дома, крытые пальмовыми листьями, и банановые деревья, тянущиеся вдоль излучины реки.

Навстречу нам выскочила лающая собака, за ней бежала девушка. У начала тропы она остановилась, увидев сопровождающих ее отца носильщиков, нагруженных ящиками.

Да, сеньор, девушка была Лолитой Симпсон.

Ледяным холодом застыла у меня в жилах кровь, когда она появилась перед Терстоном, который смотрел на нее глазами, светящимися нечистым огнем.

Как описать вам Лолиту, сеньор?

Но она все равно была прекрасней, чем я могу это передать. Под хлопковым платьем виделись нежные линии хорошо сложенного юного тела, заставляющие сердце любого мужчины биться сильнее. Вопрошающий взгляд молодости в глазах, девственная свежесть на щеках, и тем не менее было заметно, что в ее жилах течет горячая индейская кровь матери.

Ей было всего шестнадцать лет, но в тропиках девушка в шестнадцать лет уже женщина.

Она не смотрела на нас, проходивших мимо нее по тропе. Ее глаза были прикованы к высокой фигуре Терстона. Сеньор, с моего лба стекал пот, когда я повернулся, чтобы увидеть эту встречу.

Гринго остановился и принялся ее разглядывать с тем выражением в глазах, которое заставило бы ее убежать, если бы она смогла понять его.

Но она не разбиралась в дурных желаниях мужчин. Она была так же невинна и безрассудна, как любое дикое животное джунглей. И все же с небольшим различием. Американская кровь смешивалась в ее жилах с кровью индейского племени с холмов.

Думаю, Терстон был первым американцем, которого она видела помимо отца. Кто знает, что происходило с ней. Какое тайное желание, скрывавшееся в ее груди, было воспламенено наглым взглядом гринго?

Я видел, как это случилось, сеньор. Я видел, как она медленно идет к нему. Ее взгляд был пуст, как у загипнотизированной. Никто не скажет, что произошло бы, не подоспей в этот момент сеньор Симпсон. Он задыхался, и на лице его обозначились глубокие мор-

щины, морщины, причиной которых была не усталость.

Я услышал, как гринго сказал:

— Здесь в вас нет надобности. Ступайте своей дорогой... а девушка останется со мной.

И сеньор Симпсон ответил:

— Это моя дочь, Лолита.

Его голос был тонким, как натянутый провод, звенящий на ветру.

Терстон разразился смехом:

— Нет необходимости говорить мне это. Я различаю метисок за полмили!

Удар не был бы сильнее, сеньор, ударь он Симпсона в лицо.

Он повернулся к девушке и сказал ей два слова:

— Иди сюда.

Не было никакого звука, кроме дыхания ее отца. На джунгли была наведена порча, разрушенная голосом Симпсона, который крикнул Лолите «Нет».

Она успела продвинуться лишь на один шаг. Она отступила с испуганным выражением, словно только что очнулась.

— Иди в дом, — сказал ей Симпсон хриплым голосом. — Быстро.

Она послушно ушла, не оглядываясь. А Терстон сказал:

— Вы не можете ее держать далеко от меня. Она придет, стоит мне шевельнуть мизинцем. Смешанная кровь говорит в ней.

В глазах Симпсона сверкнуло убийство. Смертный зной сгущался в воздухе. Губы его обнажили зубы, и на лице больше не было выражения мягкости.

Гринго засмеялся. Такой оборот нравился ему. Убить человека, вставшего между ним и Лолитой, это было гораздо приятнее. Его рука скользнула под рубашку, он ждал.

Думаю, сеньор, никогда в моей жизни не будет более долгой минуты, чем та, которая длилась, пока сеньор Симпсон не отвел взгляд и не начал сворачивать сигару. Его пальцы дрожали, и он просыпал табак на тропу. Затем он прошел мимо гринго и направился к дому.

Он не предложил Терстону остановиться у себя. Он взял деньги гринго и не сказал ему ни слова.

Терстон все понял, но он был человеком, любящим возбуждать в других ненависть.

Он поднялся по реке на двести шагов и заставил нас разбить лагерь в этом месте. Непохоже было, чтобы он собирался двигаться дальше, и нам он сказал, что, может, задержится в этом лагере надолго.

Ночью ко мне пришел сеньор Симпсон, воспользовавшись темнотой... Он отвел меня в сторонку, туда, где Терстон не мог нас услышать.

Он спросил, когда мы уходим, и я повторил ему слова гринго.

— Я боюсь за Лолиту, — сказал он грустным голосом. — После встречи с Терстоном она ведет себя странно.

Я понял и обещал ему сделать все, что в моих силах.

Он спросил, могу ли я отправиться этой же ночью к холмам, передать послание Руэйю Урргегану, сыну вождя племени гурийо, которому Лолита была обещана в жены.

Я согласился. Послание было таким: «Церемония обручения между вами и моей Лолитой должна состояться немедленно, а не в следующем месяце, как задумано. Приходите завтра вечером, но бойтесь прибыть чересчур поздно».

Я понял, сеньор. Мудрая тактика, чтобы уберечь молодую девушку от себя самой. У гурийо помолвка связывает так же крепко, как и свадьба. А это суровое и ревнивое племя, дорожащее невинностью своих дев.

Я выбрался из лагеря гринго и сел на мула сеньора Симпсона.

Я был горд своей ролью в наказании гринго.

Я доставил послание и вернулся в лагерь еще до того, как взошло солнце и начались приготовления к «балу», которым вечером должно было отмечаться обручение.

Не зная причины суматохи, Терстон просидел под банановым деревом три часа, ожидая прихода к нему Лолиты.

Действительно, сеньор, трудно понять, чем руководствуется подобный человек. Другой бы попытался встретиться с девушкой украдкой. Но это было не в повадках гринго. Для него было бы гораздо приятнее унизить отца, заставив Лолиту прийти в его расположение на виду у всех. Но она не пришла.

В полдень Терстон появился у дома Симпсона и начал стучать.

Я был во дворе, подготавливая вместе с другими древесный уголь и печь, где зажарят свинью для гостей, которую они съедят ночью.

Сеньор Симпсон открыл дверь. В руках он держал двуствольное ружье, которое уперлось в живот Терстона. Не знаю, почему он не выстрелил. Некоторые манеры вас, американцев, нам кажутся удивительными.

Стоя на пороге, он объявил гринго о помолвке и захлопнул перед его носом дверь.

Не сказав никому ни слова, Терстон вернулся в свой лагерь на берегу реки. О чем он думал? Никому это не известно.

В разгаре приготовлений о нем забыли. Во все стороны были отправлены посланники с сообщением о празднестве, и после полудня начали прибывать приглашенные. Местные плантаторы верхом на ослах, с женами и детьми, идущими за ними пешком, как полагается. Индейцы из джунглей, носящие лишь набедренные повязки. Возле причала расчистили площадку для танцев. Она была окаймлена цветами, розовыми и белыми, мимозы, перемешанные с пылающими гибискусами, были посыпаны благоухающим жасмином. Обмазанные смолой ветки, связанные в пучки с бамбуком, висели на длинных шестах, собираясь послужить факелами.

Во дворе слышалась болтовня женщин и пронзительные крики голых детей, бегающих под ногами старших, плавал приятный запах дымящегося дерева и жарящейся на углях свиньи.

Ах, сеньор, радостная атмосфера праздника вызывала улыбку даже на лице хозяина. Временами он присоединялся к своим гостям, отводя глаза от лагеря у реки, где, неподвижный и настороженный, сидел Терстон.

Ближе к вечеру с холмов спустилась группа молодых индейцев из племени гурийо, сопровождающих Руэйя Уррегана на церемонию его обручения.

Верхом на туземных длинношерстных пони, потрясая копьями с железными наконечниками, они вылетели под предводительством молодого и гордого Уррегана на поляну, как порыв ветра.

Боги! Да, это был мужчина! Настоящий сын многих поколений рода вождей племени. Высокий, с узкими бедрами и широкими плечами, с перекатывающимися под кожей мускулами.

У гринго, я думаю, округлились глаза, когда он, сидя в молчании на берегу реки, увидел все это.

Вместе с ними, для проведения церемонии, прибыл шаман. Это был маленький сморщенный человек с черными проницательными глазами. На вид ему было больше тех ста пятидесяти лет, которые он себе приписывал.

В наступающих сумерках все разместились в полукруг перед домом, и молодые люди, держа перед собой копья, запели тихими голосами под барабан, в который бил шаман.

Когда открылась дверь дома и на пороге появилась Лолита под руку с отцом, Руэй Урреган двинулся им навстречу.

Ах! это была прекрасная картина, сеньор, картина, которую нелегко забыть. Лолита в испанской мантилье и платье с черными кружевами, свадебном подарке ее отца матери, и жених, высокого роста индеец в узких белых штанах и красном поясе поверх куртки.

Бок о бок они стояли перед шаманом, и тишина плыла над зрителями.

Я, сеньор, человек образованный и не верю ни в колдовское действие зловонной травы, сожженной на углях, ни в магические заклинания старика. Но, говорю вам, на поляне, которую мало-помалу захватывали сумерки, творилось волшебство.

Терпение, сеньор, конец приближается. Я должен рассказать вам эту историю именно так, потому что все случившееся этой ночью прочно запечатлено в моей памяти и занимает свое необходимое место в развитии событий.

Позже начались танцы, «бал». Под музыку гитар. Над площадкой пылали факелы, бросая свет и тени на танцующие пары.

Неподалеку в темноте горел костер лагеря Терстона. Уже глубокой ночью он появился на «балу», на который не был приглашен. Когда гитары играли медленное танго и Лолита танцевала в руках своего жениха, я увидел, как гринго подходит к сеньору Симпсону, стоявшему возле площадки.

Я сделал шаг, кровь застывала в моих жилах при мысли о том, что сейчас произойдет.

Глаза гринго, устремленные на Лолиту, любовались телом девушки, которая, изгибаясь, следовала движениям своего жениха. Действительно, Лолита, танцую-

щая танго, зрелище, способное привлечь взгляды любого мужчины.

Другие танцующие покинули площадку, чтобы освободить место помолвленным. Танго — это танец молодости, вы понимаете, танец, позволяющий продолжать ухаживание.

Не отрывая взгляда от Лолиты, гринго сказал стоявшему рядом Симпсону:

— Вероятно, после «бала» ее жених вернется на холмы. До свадьбы он не имеет права крутиться возле нее, не так ли?

В его голосе была насмешка, но сеньор Симпсон ответил:

— Да, он вернется на холмы. Туда, куда и вы собираетесь.

Слова Терстона не могли обрадовать Симпсона:

— Я отправляюсь завтра утром. Закончу свою работу и вскоре вернусь... чтобы отдохнуть перед отъездом в Соединенные Штаты. Дела прежде удовольствий, это мой девиз.

Я был недалеко от сеньора Симпсона и видел, как он содрогнулся всем телом.

Гринго облизал губы. Глаза его, разглядывающие Лолиту, вылазили из орбит.

Я тихонько приблизился к ним, и не стану отрицать, что моя рука лежала на рукоятке ножа. Сеньор Симпсон был моим другом, и я пока еще не знал, что у него на уме. Он был отцом, вы понимаете, а гринго рассматривал его дочь. И не о танго он, должно быть, думал.

Когда танец закончился, раздались аплодисменты. Лолита и ее жених гурийо, переводя дыхание, стояли лицом друг к другу. И в это мгновение тишины начала наигрывать гитара в странном ритме, похожем на далекий звук барабана в джунглях.

Одна за другой другие гитары подхватывали ритм, и Лолита прогнулась назад, облитая светом факелов, грудь приподнимала черные кружева свадебного платья ее матери. Выражение мечтательности преобразило ее лицо.

От всех нас взлетели восторженные крики:

— *Ола Браво, ла Флуенсита! Э, ла Флуенсита!*

Руэй Урреган, напряженно выпрямившись, стоял посреди площадки со скрещенными на груди руками и блестящими глазами. Он медленно поворачивался, а Лолита описывала вокруг него круги, щелкая паль-

цами поднятых над головою рук, как кастаньетами.

Это была флуенсита, сеньор. Танец-страсть гурийо. Зрелище, которое всякий мужчина сохранит в своей памяти до самой старости, пока у него еще будет необходимость в подобных воспоминаниях. Танец, который одна лишь невеста имеет право танцевать для своего возлюбленного.

Ах! в звучании гитар была горячечная лихорадка джунглей. Странная нота безумия, которая проникает в сердце человека, заставляя кровь в жилах двигаться толчками.

Быстрее, еще быстрее, таков был темп музыки, и Лолита описывала круги все быстрее и быстрее, неистово притопывая ногой и не отрывая глаз от своего жениха. Странная дрожь пробегала по мышцам ее юного тела, выгнутого назад, подобно натянутому луку.

Ах! сеньор, увидеть Лолиту, танцующую флуенситу, значит заставить в ваших жилах течь бешеный огонь молодости и любви. Даже сейчас, закрывая глаза, я оказываюсь возле той площадки...

Но кончилось это совсем неожиданно. Через головы зрителей перелетели и со звоном упали к ногам Лолиты с полдюжины американских долларов.

Музыка оборвалась. Лолита опустила округлившиеся глаза на монеты. Ее щеки залила краска стыда. Руэй Урреган обогнул это место с лицом, обагренным гневом.

Понимаете, сеньор? Это крайнее оскорбление. Знак презрения, адресованный танцовщице в кабаре, которая, чтобы заработать на жизнь, танцует с мужчинами.

Гринго повернулся и крупными шагами направился в темноту. Урреган бросился за ним с рукой на рукоятке кинжала, спрятанного в поясе.

Но сеньор Симпсон поймал его за руку и задержал. Я слышал, как он сказал молодому человеку на ухо:

— Нет. Под его рубашкой скрывается револьвер. Завтра он выходит в холмы на поиски нефти.

Это был конец «бала», сеньор. В сторону лагеря гринго бросались черные взгляды и бормотались угрозы. Руэй Урреган сказал своим друзьям несколько слов, и они отправились на холмы, не отомстив за обиду.

На следующий день мы сняли лагерь. Дела прежде удовольствий, вы понимаете.

В тот день мы прошли долгий путь, прежде чем разбить лагерь. На следующее утро мы углубились в хол-

мы. А в полдень к нам приблизились двое индейцев верхом на длинношерстных пони. Они сказали, что им сообщили об американце, ищущем на холмах следы черной нефти.

Терстон ответил им возбужденным голосом и спросил, действительно ли они слышали об этой замечательной нефти?

Они рассказали ему о недалеком источнике, покрытом бурлящей черной пеной, которая горит. Он предложил им денег, чтобы они отвели его туда, и они согласились, сеньор.

Он отправился с ними, приказав нам разбить лагерь и ждать его возвращения.

Мы стояли все вместе и смотрели, как он и индейцы исчезают на горизонте за небольшим холмом. Педро перекрестился и сказал: «Ступай с богом!», с трудом шевеля губами, разбитыми кулаком гринго.

Потом мы вернулись назад, и с тех пор уже никто не видел гринго.

Нет, сеньор, ждать его было бесполезно. Индейцы, которые увели его, были из племени гурийо. У них существует родовой закон: человек, оскорбивший женщину их племени, должен умереть до того, как солнце зайдет дважды.

И они повинуются этому закону.

Нет, сеньор, это бесполезно и, возможно, опасно искать доказательства его смерти. Даже для страховой компании это было бы неразумно.

Закон племени гурийо требует, чтобы тело приговоренного было обмазано медом, после чего его кладут на муравейник и привязывают веревками, сплетенными из трав. Муравьи, вы понимаете, не знакомы с американскими страховыми законами и не оставляют ничего, что могло бы быть опознано.

Это было идиотским поступком, говорите вы, бросать серебро к ногам Лолиты, когда она танцевала флуенситу для своего жениха?

Ну, конечно, это было бы со стороны гринго совсем идиотским поступком.

Вы меня плохо поняли, сеньор. Серебро к ногам Лолиты бросил не гринго Терстон. Конечно, нет!

Не настолько же он был идиотом. На самом деле, когда это случилось, он уже повернулся, чтобы уйти.

Но он имел безрассудство заплатить сеньору Симпсону американскими серебряными долларами.

Рэй БРЭДБЕРИ

ВЕСЬ ГОРОД СПИТ

Стоял жаркий летний вечер. Маленький городок, расположенный в самом центре провинции Иллинойса, отделялся от остального мира рекой, лесом и глубокой лощиной. Тротуары еще не остыли от жгучего дневного солнца. Лавочки закрывались, и улицы погружались в темноту. Было две луны: одну образовывал светящийся циферблат часов над черным и торжественным зданием суда, другая, настоящая, цвета ванили, медленно всходила на темно-синее небо.

В аптеке гудели вентиляторы, в тени старомодного навеса сидели невидимые с улицы люди. Дети играли на дороге, мощенной кирпичом, которому сумерки придавали багровый оттенок. С сухим хлопанием закрывались двери, проскрипев напоследок несмазанными петлями. Трава и деревья стонали от жары.

На веранде дома сидела в одиночестве Лавиния Неббс. В свои тридцать семь лет она оставалась тонкой и стройной. Время от времени она подносила к губам стакан лимонада, который держала длинными белыми пальцами. Она ждала.

— А вот и я, Лавиния.

Лавиния обернулась. У дома, среди зарослей цинний и гибискусов, наполнявших ночь ароматами, стояла Франсина. Одетая во все белое, она, несмотря на свои тридцать пять лет, выглядела молодой девушкой.

Мисс Лавиния Неббс поднялась, поставила на перила пустой стакан и закрыла дверь дома на ключ.

— Прекрасный вечер, чтобы пойти в кино.

— Куда это вы собрались? — крикнула бабушка Хэнсом с веранды дома напротив.

Они ответили с другого берега темноты, разделявшей их:

— Идем в кинотеатр «Элита» смотреть Гэрольда Ллойда в *«Да здравствует опасность!»*.

— В такую-то ночь могли бы и не ходить, — проворчала бабушка Хэнсом. — Да еще этот Бродяга, который душит женщин. Лично я закрываюсь вместе с моим ружьем...

Дверь в доме старухи хлопнула, и послышался скрежет ключа, поворачивающегося в замке.

Женщины вышли на дорогу. Лавиния вдыхала горячий воздух, поднимавшийся с тротуара, как с раскаленной плиты.

Под их ногами, словно корка пережаренного хлеба, потрескивал асфальт. Жар обволакивал ноги, проникал под юбки.

— Лавиния, ты совсем не веришь тому, что рассказывают об этом Бродяге?

— Ты же знаешь, женщины обожают почесать языки.

— Однако, Хэтти МакДоллис месяц назад была убита; Роберта Ферри за месяц до того. А сейчас вот пропала Элиза Рэмселл...

— Могу поспорить, что Хэтти МакДоллис сбежала с коммивояжером.

— Да, но другие... которые были задушены... Их уже четверо. Говорят, их нашли с синими лицами и вывалившимися языками.

Они подошли к краю лощины, разделяющей город на две части. Позади оставались освещенные дома и далекая музыка, звучавшая по радио. Перед ними чернел глубокий провал, из которого тянуло сыростью.

— Может, лучше было бы не ходить в кино? — спросила Франсина. — Бродяга вполне способен выследить нас и убить. Не нравится мне эта лощина. Посмотри, какая она мрачная, принюхайся к ее запаху и послушай.

Со дна лощины, где застаивались таинственные и зловонные туманы, поднимался вверх слитный гул тысяч жужжащих мух и москитов.

— Во всяком случае, не я буду жертвой, — снова заговорила Франсина. — Потому что не я стану переходить через эту лощину поздней ночью. Это будешь ты, Лавиния. Ты спустишься по ступенькам, ведущим на раскачивающийся мост, потом пойдешь по нему к дру-

гому берегу. А Бродяга, возможно, спрятался за деревом и поджидает тебя. Я и в церковь ни за что не соглашусь идти, если мне придется проходить над лощиной одной, даже средь бела дня.

— Глупости, — сказала Лавиния Неббс.

— Это ты на тропинке станешь прислушиваться к звуку собственных шагов. Ты, а не я. И потом, там будут тени... Лавиния, как можешь ты жить совершенно одна в этом доме?

— Старые девы любят жить в одиночестве, — ответила Лавиния.

Она указала на маленькую тропинку, тенистую и знойную.

— Пойдем здесь, — объявила она, — так ближе.

— Я боюсь.

— Еще не опасно. Бродяга выходит позже.

Лавиния, холодная, как ледышка, взяла свою спутницу за руку и повела по извилистой тропинке, полной шума стрекоз, москитов и лягушек.

— Бежим, — Франсина задыхалась.

— Нет.

Если бы Лавиния не повернула голову именно в этот момент, она бы ничего не заметила. Но она как раз повернула голову и увидела. Тогда и Франсина в свою очередь посмотрела и тоже увидела. Они замерли неподвижно на тропинке, не веря своим глазам.

В темноте, наполовину скрытая в зарослях кустарника, но так, будто хотела еще поглядеть на звезды, лежала Элиза Рэмселл.

Франсина завизжала.

Женщина покоилась на земле, словно покачиваясь на поверхности воды: серебристые пятна лунного света подрагивали на ее лице, глаза — как у белых мраморных статуй, язык зажат между губами.

Лавиния почувствовала, что лощина поворачивается вокруг нее, как бывает на карусели. Франсина хватала воздух ртом, и прошло немало времени, прежде чем Лавиния смогла разобрать:

— Надо сообщить в полицию.

— Держи меня, Лавиния, я тебя прошу, поддерживай меня. Мне холодно. О! мне никогда не было так холодно, с зимы.

Лавиния поддерживала Франсину, полицейские рассыпались по лощине. Там загорались пятна света, пере-

кликались голоса. Было восемь с половиной часов вечера.

— Мне нужен свитер, как в декабре, — бормотала Франсина, закрыв глаза и уткнувшись лицом в плечо Лавинии.

Полицейский сказал:

— Вы можете идти, миссис. Завтра я вас прошу зайти в комиссариат для подробных показаний.

Лавиния и Франсина отошли от полицейского и от тела, лежащего в траве и стыдливо прикрытого одеялом.

Лавиния чувствовала, как колотится сердце. Ей тоже было холодно, холодно, как в феврале. Казалось, что маленькие снежинки липнут к телу и что ее пальцы в свете луны имеют восковую бледность. Она вспомнила, что одна отвечала на вопросы, в то время как Франсина рыдала.

Голос полицейского поинтересовался:

— Хотите, миссис, вас проводят?

— Нет, не стоит, — ответила Лавиния.

И они продолжали идти. «Я не могу ничего вспомнить о том моменте, — думала Лавиния, — я не могу даже вспомнить, на что она была похожа, лежа на земле. Я даже не верю, что это произошло. Я уже забываю. Я стараюсь забыть».

— Я никогда не видела мертвых, — сказала Франсина.

Лавиния бросила взгляд на часы, которые показались ей очень далекими.

— Всего восемь с половиной. Захватим Элен и пойдем в кино.

— В кино?!

— Конечно. Именно это сейчас нам необходимо.

— Лавиния, ты не думаешь об этом!

— Мы должны забыть. Не надо ничего вспоминать.

— Но Элиза еще там, и...

— Нам нужно смеяться. Мы идем в кино, как будто ничего не было.

— Но Элиза была твоей подругой, моей...

— Мы ничего не можем для нее сделать. Нам надо сделать что-нибудь для нас самих. Я настаиваю. Я не собираюсь возвратиться домой и причитать. Я не хочу думать об этом. Я хочу занять себя чем угодно, только не этим.

Они начали взбираться в темноте по каменистой тропинке. Услышав голоса, остановились.

Под ними, возле струящегося по дну лощины потока, кто-то тянул утробно:

— Я Бродяга. Я Бродяга. Я убиваю людей.

— А я Элиза Рэмселл. Посмотрите на меня, я мертвая. Видите мой язык, вывалившийся изо рта? ..

Франсина закричала:

— Подлые, мерзкие детишки! Немедленно по домам, вылазьте из лощины, вы меня слышите? А ну по домам, по домам, по домам!

Дети бросили свою игру и разбежались. Их смех затихал в ночи, в то время как они поднимались к верхнему краю и летней жаре.

Франсина принялась всхлипывать, но продолжала идти.

— Я уж думала, вы никогда не доберетесь, мисс,— воскликнула Элен Гриэ, постукивая ногой по ступени крыльца.— Вы опоздали всего лишь на час. Вы хоть понимаете это?

— Мы ... — начала Франсина.

Лавиния ущипнула ее за руку.

— Там все в шоке. В лощине нашли Элизу Рэмселл, мертвую.

Элен икнула.

— Кто ее обнаружил?

— Этого мы не знаем.

Женщины замерли, глядя друг на друга, в этом прекрасном летнем вечере.

— Я, пожалуй, запрусь в доме, — сказала, наконец, Элен.

Однако, поддавшись на уговоры, все же решилась пойти поискать свитер, и во время ее отсутствия Франсина прошептала раздраженно:

— Почему ты ей не сказала?

— К чему ей сейчас такое потрясение? И завтра будет достаточно времени, — ответила Лавиния.

Все трое отправились по улице, обсаженной темными деревьями, по этому городу, где каждый запирался на два оборота, закрывая окна, задвигая ставни, гася свет. Они чувствовали на себе взгляды, направленные из-за задернутых занавесок.

«Как все это странно, — думала Лавиния Неббс. — В такой вечер дети должны бегать на свободе и объедаться мороженым. А их, наоборот, закрывают в домах

с запертыми дверями и окнами. Мячи и бейсбольные биты валяются на пустынных лужайках. Классики, нарисованные мелом на еще горячем тротуаре, никому не нужны».

— Мы с ума сошли, выходя в такой вечер, — сказала Элен.

— Бродяга не убьет трех женщин сразу, — ответила Лавиния. — То, что нас трое, делает прогулку безопасной. Кроме того, еще рано. Убийства происходят не чаще, чем раз в месяц.

Впереди мелькнула тень. Появился неясный силуэт. Женщины заорали так, будто их кто-то ударил.

— Вот я вас! — В лунном свете внезапно возник человек, вышедший из-за дерева; он смеялся.

— Это я, Бродяга!

— Том Диллон!

— Том!

— Том,— сказала Лавиния,— если вы еще когда-нибудь возьметесь за такую скверную шутку, желаю вам получить по ошибке несколько пуль.

Франсина заплакала.

Том резко перестал улыбаться:

— Я искренне огорчен...

— Вы знаете, что случилось с Элизой Рэмселл? — перебила его Лавиния. — Она убита. А вы развлекаетесь, пугая женщин. Вам должно быть стыдно. Никогда больше не заговаривайте с нами.

— Ох!..

Он хотел было пойти за ними.

— Оставайтесь там, где вы есть, мистер Бродяга, и забавляйтесь, пугая себя самого, — сказала Лавиния. — Сходите же, посмотрите на лицо умершей и, если найдете это смешным, сообщите мне!

Она потащила подруг вдоль улицы, освещенной звездами. Франсина вытирала глаза платком.

— Франсина, — взмолилась Элен, — это была всего лишь шутка. С чего так сильно плакать?

— Я думаю, Элен, будет лучше сказать тебе. Это мы обнаружили Элизу. А увидеть такое... Мы делаем все возможное, чтобы забыть. Поэтому и пошли в кино. Мы не хотим больше об этом говорить. Хватит. Приготовь деньги на билет, мы уже почти прибыли.

В аптеке большие вентиляторы деревянными лопастями перемешивали тяжелый воздух, переполненный

запахами арники, лимонада и соды, распространяющимися и на улицу.

— Дайте мятных леденцов на десять центов, — попросила Лавиния приказчика.

Его лицо было бледным и осунувшимся, как и лица всех, кто встретился им на полупустых улицах.

— Мы съедим их в кино, — объяснила она продавцу, наполнявшему бумажный пакет.

— Вы прекрасно выглядите, — заметил он. — Вы были так свежи в полдень, когда заходили за шоколадом, и так хороши, что кое-кто вами заинтересовался.

— А! правда?

— Вы становитесь знаменитой. Человек, сидевший у прилавка, посмотрел, как вы выходите, и спросил: «Скажите, *кто это*?» — Продолжая говорить, он добавил в пакет несколько леденцов. — Человек был одет в темный костюм, лицо худощавое и бледное. «О, это Лавиния Неббс, самая симпатичная незамужняя женщина в нашем городе», — ответил я. «Она красивая, — сказал он. — Где она живет?»

В этот момент приказчик замолчал и отвел взгляд.

— Но вы ведь не дали ему адреса? — застонала Франсина. — А? вы его ему не дали, я надеюсь, а?

— Да, я виноват, я не подумал. Я сказал: «Она живет где-то на Парковой улице, вы знаете, это возле лощины». Тогда я не придал значения. Но сейчас там нашли труп. Я узнал минуту назад и сказал себе: «Что ты наделал?»

Он протянул набитый доверху пакет.

— Идиот, — завыла Франсина, и ее глаза наполнились слезами.

— Я сожалею. Но, может, в этом ничего серьезного.

— Что вы говорите, — ответила Франсина.

Лавиния замерла под взглядами всех троих. Она не способна была сказать, что чувствует. Действительно, она ничего не почувствовала, кроме, быть может, легкого пощипывания в горле. Машинально она забрала свои деньги назад.

— Я дарю их вам, эти леденцы.

Продавец опустил голову и принялся рыться в бумагах.

— Ну теперь я знаю, чем мы займемся и немедленно, — сказала Элен, выходя из магазина. — Мы возвращаемся прямо домой. Я не желаю присутствовать при охоте на человека, цель которой ты, Лавиния.

Поскольку именно о тебе расспрашивал человек. Ты следующая жертва. Ты хочешь, чтобы тебя нашли мертвой в лощине?

— Полноте! это такой же человек, как другие, — медленно произнесла Лавиния.

— Том Диллон тоже такой же человек, как другие. И, может, Бродяга он.

— Я думаю, мы совсем изнервничались, — спокойно сказала Лавиния. — Я хочу в кино. Если я должна стать следующей жертвой, тем хуже! У женщины так мало случаев увлечься чем-нибудь в этой жизни, особенно у старой девы, как у меня, которой тридцать семь лет! Если вам все равно, не мешайте мне развлекаться. Во мне много здравого смысла. Разумнее всего предположить, что он не выйдет сегодня, так скоро после убийства Элизы. Вот через месяц, да. Тогда и бдительность полиции притупится, и желание совершить преступление у него появится. Понимаете, нужно *хотеть* убивать людей. По крайней мере, это относится к такого рода убийце. Сейчас он отдыхает. А я не собираюсь сидеть дома наедине со своими переживаниями.

— А разве тебе не вспоминается лицо Элизы, лежащей в лощине?

— Я на нее взглянула только один раз. Я не бесчувственная, как вы думаете. Просто я могу, увидев что-нибудь, тут же решить, что я этого никогда не видела. Это позволит вам понять, до какой степени я сильная. И в любом случае, спор не имеет никакого смысла, потому что я не красивая.

— Да нет, Лавиния, ты красивая. Ты самая красивая из незамужних теперь, когда Элиза... — Франсина остановилась и помолчала, прежде чем продолжить.— Если бы ты только смотрелась чуть-чуть полюбезнее, давно бы вышла замуж.

— Перестань хныкать, Франсина. Мы уже у кинотеатра. Вы с Элен можете идти домой. А я пойду в кино одна и возвращаться буду одна.

— Лавиния, ты с ума сошла, мы не собираемся бросить тебя здесь...

Несколько минут они спорили. Элен было сделала вид, что уходит, но потом, заметив, как Лавиния достает деньги, чтобы купить билет, вернулась. Элен и Франсина прошли за ней в зал.

Первая часть представления закончилась. На слабоосвещенной сцене, перед потертым занавесом, возник

директор и объявил:

— Полиция требует, чтобы сегодня мы закрыли пораньше. Таким образом все смогут вернуться домой в надлежащее время. Мы пропускаем короткометражки и начинаем сразу с фильма. Сеанс окончится в одиннадцать часов. Советуем всем направляться прямо домой и не разгуливать по улицам. Мы не располагаем значительными полицейскими силами, и несколько агентов, которых мы имеем, не способны обеспечить в городе полную безопасность.

— Эта речь обращена к нам, Лавиния. К нам.

Лавиния почувствовала, как с обеих сторон ее локти прижимают к бокам.

Посреди темноты, на экране, зажглась надпись: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОПАСНОСТЬ!»

— Лавиния, — прошептала Элен.

— Ну что тебе?

— Когда мы входили в кинотеатр, какой-то человек в темном костюме шел через улицу. Теперь он здесь. Сел в задних рядах.

— Оставь, Элен!

— Сейчас он прямо позади нас.

Лавиния смотрела на экран.

Элен медленно повернулась, чтобы украдкой глянуть назад.

— Я позову директора, — закричала она, резко вскакивая. — Остановите показ. Свет!

— Элен, сядь, — прошептала Лавиния, закрывая глаза.

Когда они поставили на стол пустые стаканы, у каждой на верхней губе оставались усы от шоколада. Смеясь, они слизывали следы языком.

— Вы отдаете себе отчет, до какой степени идиотской выглядела эта сцена? — спросила Лавиния. — Весь скандал из-за ничего. Было жутко неловко.

Часы аптеки показывали 11.25. Выйдя из кинотеатра, они веселились и забавлялись. Даже Элен посмеивалась над своим поведением.

Лавиния сказала:

— Когда ты побежала по проходу, крича: «Свет!», я думала, умру.

— Бедняга!

— Это, оказалось, брат директора.

— Я извинилась, — оправдывалась Элен.

— Теперь видишь, к чему может привести паника?

Большие вентиляторы крутились, перемешивая горячий воздух ночи, разгоняя запахи ванили, малины, мяты и дезинфекции, скапливающиеся в аптеке.

— Мы не должны задерживаться. Полиция предупредила

— К дьяволу полицию, — ответила Лавиния, смеясь. — Бродяга находится за миллионы километров отсюда. Вернется не раньше, чем через несколько недель. Полиция его арестует, вот увидишь. А фильм на редкость забавный, верно?

Улицы были чисты и пустынны. Ни одной машины, ни одного грузовика, ни одного человеческого существа в поле зрения. Яркие лампы еще освещали витрины магазинов с восковыми манекенами. Их пустые глаза следили за тремя женщинами, идущими по улицам.

— Сделают ли они что-нибудь, если мы закричим?

— Кто они?

— Манекены... эти, что в витринах.

— О! Франсина.

— Ну ладно!

В витринах стояли тысячи людей, неподвижных, безмолвных, и только три человека шли по городу, три человека, шаги которых гремели, как ружейные выстрелы, когда каблуки ударяли по камням мостовой. Красная неоновая вывеска мигала и жужжала, словно насекомое, которое вот-вот умрет.

Три женщины прошли мимо.

Звойная и раскаленная, протянулась перед ними длинная улица. Высокие деревья, чуть тронутые ветром, стояли на страже с обеих сторон идущих женщин.

— Сначала мы проводим тебя, Франсина.

— Нет, это я вас провожу.

— Не будь смешной. Ты живешь ближе всех. Если вы проводите меня, вам придется переходить лощину одним. И если какой-нибудь падающий лист заденет вас, вы тут же умрете со страху.

Франсина предложила:

— Я могу переночевать у тебя. Ведь это ты у нас самая красивая!

— Нет.

Издалека они виделись тремя изящными силуэтами, плывущими по призрачно-белесому морю лунного света. Лавинии, смотревшей на деревья, проплывающие слева и справа, и слушавшей своих подруг, казалось, что

ночь торопится. Они продвигались медленно и в то же время выглядели бегущими. Все предметы принимали цвет блистающего снега.

— Споем, — предложила Лавиния.

Они запели, тихо, спокойно, держа друг друга под руки и не оборачиваясь назад. Под их ногами шевелился тротуар, шевелился, остывая.

— Послушайте, — сказала Лавиния.

Они слушали летнюю ночь, сверчков, далекий перезвон часов над зданием суда, отбивающих три четверти двенадцатого.

— Послушайте.

В темноте хлопнула дверь веранды. М-р Терль стоял в одиночестве на крыльце дома, докуривая свою последнюю сигару. Проходя мимо, они заметили розовое свечение, возникающее то слева, то справа от него.

Один за другим гасли огни. Теперь все они были потушены: в больших домах и маленьких, на верандах, выключены электрические, прикручены керосиновые лампы, задуты свечи. И все казалось закрытым стенами бронзы, железа, стали. «Все, — думала Лавиния, — упаковано, уложено в ящики, расставлено по местам». Она представляла себе этих людей, лежащих в кроватях, освещенных лунным светом; все дыхания смешивались в ночи жаркого лета; каждый чувствовал себя в безопасности. «А мы, — думала она, — мы здесь, слушаем шум наших одиноких шагов, звучащих на тротуаре, еще горячем от полуденного солнца. И над нами уличные фонари раскачивают миллионы причудливых теней, отражающихся на дороге».

— Вот ты и дома, Франсина. Спокойной ночи.

— Лавиния, Элен, останьтесь у меня. Уже поздно. Почти полночь. У мисс Мэрдок есть комната для вас. Я приготовлю по чашке шоколада, и мы славно проведем время.

Франсина удерживала их обеих.

— Нет, спасибо, — ответила Лавиния.

Франсина опять принялась плакать.

— О нет, Франсина, не начинай заново, — сказала Лавиния.

— Я не хочу увидеть вас мертвыми, — рыдала Франсина, с мокрым от слез лицом. — Вы такие милые и хорошие. Я хочу, чтобы вы жили, я вас прошу, я вас умоляю.

— Франсина, я и не знала, что ты потрясена до та-

кой степени. Я обещаю позвонить, как только приду домой.

— Точно?

— Да, и я сообщу тебе, что жива и здорова. А завтра мы отправимся в парк на пикник, хорошо? Будем есть сэндвичи, которые я сделаю сама. Ты довольна? Вот увидишь, я буду жить вечно.

— Ты позвонишь мне?

— Обещала я или нет?

— Спокойной ночи, спокойной ночи.

В одно мгновение Франсина исчезла за дверью и заперла ее на два оборота.

— А сейчас, — сказала Лавиния Элен, — я отведу домой тебя.

Часы над зданием суда пробили двенадцать ударов полночи.

Звуки прокатились по пустынному городу, более пустынному, чем когда бы то ни было. Они пересекли пустые улицы, пустые площади, пустые лужайки.

— Десять, одиннадцать, двенадцать, — считала Лавиния, за руку которой уцепилась Элен.

— Ты не чувствуешь ничего странного?

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что мы с тобой на улице, идем под деревьями, в то время как все остальные спят в надежных убежищах. Держу пари, что мы с тобой единственные, кто разгуливает среди ночи.

Шум лощины, темной, глубокой и жаркой, приближался.

Но они уже дошли до дома Элен. Они долго смотрели друг на друга. Ветерок приносил запахи скошенной травы и влажных лилий. Луна стояла высоко в небе, где начинали собираться облака.

— Вероятно, тебя бесполезно просить остаться у меня, Лавиния?

— Я продолжу свою дорогу.

— Иногда...

— Что иногда?

— Иногда мне кажется, что люди хотят умереть. Ты очень странно вела себя весь вечер.

— Просто, я не боюсь, — ответила Лавиния. — Помимо того, я, наверное, любопытна. И я правильно рассуждаю. По логике, Бродяга не может сейчас находиться в наших краях. Повсюду полиция.

— Наша полиция, наша малочисленная полиция, состоящая из стариков? Агенты уже по домам, в своих постелях, укрытые с головой одеялом.

— Тогда, скажем, я забавляюсь, вроде неосторожно, но все же наверняка. Если бы был хоть малейший риск, можешь быть уверена, я бы осталась у тебя.

— Возможно, подсознательно ты и не хочешь прожить дольше.

— Ты и Франсина, вы меня смешите.

— Я чувствую себя виноватой. Я сейчас выпью горячего кофе, а ты в это время, добравшись до лощины, будешь идти в темноте по мосту.

— Что ж, выпей одну чашечку за мое здоровье.

Лавиния Неббс шла в ночи, сквозь ночную тишину лета. Она видела дома с темными окнами и слышала издалека лай собаки. «Через пять минут, — думала она, — я буду дома, в безопасности. Через пять минут я позвоню этой глупышке Франсине».

Она услышала мужской голос, певший вдали под деревьями.

Она пошла чуть быстрее.

Человек, слабо освещаемый луной, двинулся к ней. Шагал он спокойно и непринужденно.

«Если понадобится, — решила про себя Лавиния, — я всегда могу побежать и постучать в один из этих домов».

Человек пел «Сияй, луна, во время жатвы!», в руке он держал толстую дубинку.

— Вот тебе на! Весьма неожиданно, — воскликнул он. — Мисс Неббс, что вы здесь делаете в столь поздний час?

— Инспектор Кеннеди!

Ибо это был он, конечно, он. Инспектор Кеннеди совершал свой обход.

— Лучше, если бы я проводил вас до дома.

— Не стоит. Доберусь сама.

— Но ведь вы живете на другой стороне лощины.

«Да, — подумала она. — Но ни за что на свете я не пойду через лощину в компании мужчины. Откуда мне знать, кто из них Бродяга?»

— Нет, спасибо, — ответила она.

— Я постою здесь, — сказал он. — Если понадобится помощь, кричите что есть силы. Я прибегу со всех ног.

Она продолжила дорогу, оставляя насвистывающего Кеннеди одного под уличным фонарем.

«Вот я и здесь», — подумала она.

Лощина.

Она стояла на первой из ста тринадцати ступеней, спускавшихся к откосу, заросшему ежевикой; оттуда можно было выйти на мост, длиной в сто метров, который выводил к дороге, поднимавшейся к холмам и переходящей затем в Парковую улицу. И всего один фонарь, чтобы осветить путь. «Через три минуты, — думала она, — я всуну ключ в замок моей двери». Ничего не может случиться на протяжении ста восьмидесяти секунд.

Она начала спускаться по темным и сырым ступенькам, которые вели ее в непроглядную ночь лощины.

— Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять ступенек, — шептала она.

У нее было ощущение, что она бежит, и тем не менее она не бежала.

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, — считала она в полный голос.

«Я прошла пятую часть пути», — сказала она себе.

Лощина была глубокой, глубокой и темной, и мрачной. И мир исчез. Мир, где люди спали в безопасности. Закрытые двери, город, аптека, кинотеатр, огни — все исчезло. Существовала только лощина. Жила одна лощина, сдавливающая ее, черная и необъятная.

— Ничего не случилось, нет? Никого, нет? Двадцать четыре, двадцать пять ступенек. Помнишь ту старую историю о призраках, которую рассказывали, когда были маленькими?

Она прислушалась к звуку своих шагов по ступеням.

— Эту историю о черном человеке, который входил в дом и направлялся к комнате, где спали. Вот он на первой ступеньке лестницы, ведущей в комнату. Вот он на второй. Вот на третьей, четвертой, пятой. Как кричали и визжали, слушая эту историю. И вот страшный человек на двенадцатой ступеньке, открывает дверь комнаты, приближается к кровати. «Ага, попались!»

Она заорала. Никогда в жизни она не слышала подобного крика. Она никогда не кричала так сильно. Она остановилась, заледенев от ужаса, вцепившись в деревянные поручни. Сердце колотилось в груди. Звуки этих ударов наполняли весь мир.

«Там, там,— кричала она себе самой,— внизу лест-

ницы. Человек под фонарем. Нет, сейчас он спрятался. Он ждет там».

Она прислушалась.

Тишина. Мост был пуст.

«Ничего нет, — думала она, успокаивая сердце. — Ничего нет. Глупая. Эта история, которую я себе рассказала. Смешная. Что я делаю?»

Сердце стало биться ровнее.

«Позвать ли инспектора, слышал он мой крик? Или же, на самом деле, я не кричала в голос?»

Она прислушалась. Ничего. Ничего.

«Я сейчас вернусь к Элен и переночую у нее». Но говоря себе это, она продолжала спускаться. «Нет, — подумала она, — к своему дому я теперь ближе. Тридцать восемь, тридцать девять ступеней. Осторожней. Не упади. О! я с ума сошла. Сорок ступенек. Сорок одна. Я прошла уже почти половину дороги». Снова она почувствовала себя заледеневшей от ужаса.

«Подожди», — сказала она себе, останавливаясь.

Потом сделала шаг. Отозвалось эхо. Она сделала другой шаг. Другое эхо... долей минуты позже.

— Кто-то идет за мной, — прошептала она лощине, черным сверчкам, темно-зеленым лягушкам и мутным испарениям. — Кто-то спускается по лестнице за мной. Я не осмеливаюсь повернуться.

Еще один шаг. Еще одно эхо.

«Каждый раз, как я двигаюсь, он двигается тоже». Шаг и эхо.

Слабым голосом она обратилась к лощине:

— Инспектор Кеннеди, это вы?

Внезапно сверчки замолчали. Сверчки слушали. Ночь тоже слушала. На какое-то время все лужайки, благоухающие в летней ночи, все деревья, ласкаемые ночным бризом, стали безмолвными. Листья, кусты, звезды, травы перестали шевелиться, чтобы слушать сердце Лавинии Неббс. И, может быть, за тысячи километров отсюда, на пустом вокзале, забытом поездами, ночной и одинокий пассажир, читавший газету в тусклом свете голой лампочки, поднял голову, чтобы прислушаться. «Что такое? — спросил он себя. — Вероятно, сурок, набросившийся на ветку». Но в действительности это была Лавиния Неббс. Сердце Лавинии Неббс.

Быстрее. Еще быстрее. Она спускалась по лестнице. Она бежала.

Она услышала музыку. Это была безумная музыка, которая захватывала и переполняла ее. И неожиданно, в то время как бежала, она осознала, что воспроизвела в уме, драматизируя ее, музыкальную партитуру одного, когда-то виденного, фильма. Музыка кружилась вихрем, охватывала и влекла за собой ко дну лощины.

«Еще несколько шагов, — просила она. — Сто десять, одиннадцать, двенадцать и тринадцать ступенек! Дно. Теперь беги. Через мост!»

Она обращалась к своим ногам, своим рукам, своему телу, своему страху. В этот ужасный момент она умоляла все, что было ее частью. Она бежала по мосту из плохо пригнанных досок, который нависал над стоячими водами. Позади звучали неизвестные шаги и музыка, преследовавшие ее.

«Он гонится за мной. Не оборачивайся. Не смотри. Если ты его увидишь, больше не сможешь двигаться. Ты будешь поражена страхом. Заледенеешь от ужаса. Беги... Беги. Беги!»

Она бежала через мост.

«О! Господи, Господи, сделай так, чтобы я взобралась на холм. Тропинка, дорога в холмах. О! Господи, как темно и как все это далеко. Если я сейчас закричу, будет совершенно бесполезно. Да и в любом случае, я неспособна кричать. Конец тропинки, вот улица. Слава Богу, я на низких каблуках. Могу бежать, бежать. О! Господи, сделай так, чтобы я была жива и здорова. Если я вернусь домой живой и здоровой, я никогда больше не буду ходить одна. Я сошла с ума. Да, я знаю это, я сошла с ума. Я не знала, что такое ужас. Я отказывалась об этом размышлять, но если я доберусь до дома, я никогда больше не выйду без Элен или Франсины. Теперь улица».

Она перебежала улицу и вскочила на тротуар.

«О! Господи, крыльцо. Мой дом!»

Она заметила пустой стакан из-под лимонада, который оставила на перилах несколько часов назад, когда все было мирно, спокойно и чудесно. Всем сердцем ей захотелось оказаться в том времени, снова сидеть на веранде, попивая лимонад в начинающемся вечере.

«О! сделай так, чтобы я смогла войти, отпереть дверь и быть, наконец, в безопасности!»

Она слышала свои неловкие шаги по крыльцу, чувствовала, как руки на ощупь ищут замок. Она слышала свое сердце. Она слышала крики внутреннего голоса.

Ключ вошел в замок.

«Открывай дверь, скорей, скорей!»

Дверь открылась.

«Теперь входи. Захлопни дверь».

Она захлопнула дверь.

«Сейчас закрывай на два оборота, — кричала она жалобно.— На два, на три оборота».

Музыка остановилась.

Она прислушалась к своему сердцу. Удары больше не были слышны.

Наконец-то, она была у себя. Она была у себя, и она была жива и здорова. Послушай. Ни малейшего шума. Жива и здорова. Слава Богу, жива и здорова, у себя. «Я никогда больше не выйду ночью». Жива и здорова, у себя. Надежно замкнувшись внутри, дверь на запоре. «Минутку,— подумала она,— нужно глянуть в окошко».

Она глянула. Она смотрела в окно более полуминуты.

«Однако никого! Абсолютно никого. Никто не бежал за мной. Никто за мной не гнался».

Она сдержала дыхание и засмеялась над собой.

«Это вполне очевидно. Если бы меня преследовал мужчина, он бы поймал меня. Не такая уж я хорошая бегунья. Нет никого ни на крыльце, ни во дворе. Как я глупа. Я бежала от самой себя! Лощина была совершенно безопасной. Но в любом случае, у себя дома замечательно. Нет ничего подобного дому. Это единственное место, где хорошо быть».

Она протянула руку к телефону и остановилась.

— Что? — спросила она. — Что? Что такое?

Позади нее, в темной гостиной, кто-то кашлянул...

Джордж ХИТЧКОК

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОХОТУ

Первым побуждением, возникшим у него при получении, было бросить его в огонь. Он не принадлежал к этому обществу и находил высокомерным с их стороны включать его в свои планы только потому, что они, возможно, обменялись с ним несколькими словами в магазинах или где-то случайно встречали. Естественно, он часто видел их, прогуливающихся за высокими железными решетками, которые окружали их поместье, женщин в чайно-пастельных платьях, подающих коктейли на столы, расположенные на лужайке в тени полосатых зонтов, и мужчин, учтивых и загорелых, одетых в смокинги или морские кители. Но он никогда не имел ничего общего с этими светскими вельможами.

Он сказал Эмилии:

— Лучше всего считать, что приглашение послано по ошибке.

— Но как бы это могло произойти? — ответила жена, держа худыми покрасневшими пальцами длинный конверт. — На Мэрин Гарденс лишь один Фред Перкинс, да и номер дома наш.

— И все равно я не понимаю, почему приглашен. Или почему именно я?

Помогая ему надевать пальто и укладывая в его карман два сэндвича, аккуратно завернутых в фольгу, Эмилия продолжала свое:

— Мне кажется, ты должен быть доволен. Для тебя это большой шаг вперед. Ты часто жаловался, что, с тех пор как мы не живем в городе, у нас нет никаких связей.

— Это невероятно, — сказал Перкинс. — И конечно же, я туда не пойду.

Он выскочил из своего одноэтажного домика, выстроенного в стиле калифорнийского ранчо, перебежал лужайку и сел в машину, собиравшую служащих, которая уже дожидалась у тротуара.

На протяжении всего пути он обдумывал эту неразрешимую проблему: какого дьявола привлек он их внимание? Имелось ли в его облике или манерах что-нибудь, отличавшее от других? Ах да, был день, когда молодежь появилась в бухте на своем гоночном катере. Совершенно случайно он оказался единственным человеком на молу, способным принять швартовы. Несмотря ни на что, он с удовольствием вспоминал блондинку, позолоченную солнцем, которая наклонилась над бушпритом, держа в руке канат. «Ловите!» — крикнула она, и в ту же секунду канатная петля полетела в его сторону. Он поймал и закрепил ее на кнехте, помогая таким образом их катеру причалить. «Спасибо»,— сказала она, стоя на другом берегу узенького пролива голубой воды, разделявшего их, но не показала, что знает его, когда минуту спустя яхта пришвартовалась к молу. В дальнейшем она никогда не звала его на борт и никогда не приветствовала, если ей случалось встретить его на набережной. Нет, не из-за этого происшествия он приглашен.

В Агентстве, погруженный в море накладных, он попытался не думать больше над этим вопросом, но тот упрямо возвращался на ум. В конце концов, побежденный беспокойством, он покинул канцелярию и направился к телефону у входа (после того как получил письменное порицание от Хендерсона, он больше не осмеливался пользоваться телефоном Агентства для частных дел). Он опустил жетон и вызвал своего партнера в гольф Бьянши.

Они встретились, чтобы пообедать в тихом ресторане на Мэйден Лайн. Бьянши был недавним выпускником юридической школы и еще живо реагировал на внешний блеск хорошего общества. «Это заставит его попереживать, — подумал Перкинс, — родители его из Италии, и он никогда, вероятно, не видал подобного приглашения».

— Дело в том, — сказал он громко, — что я не знаю в точности, почему они меня пригласили. Я едва знаком с ними. В то же время мне не хотелось бы совершить то, что можно истолковать... как... м-м-м... как...

— Недоверие? — предположил Бьянши.

— Может быть. Если только ты не предпочтешь назвать это ненужной грубостью. Мы не имеем права недооценивать их влияния.

— Итак, глянем сначала на само приглашение,— сказал Бьянши, допивая вермут.— Оно при тебе?

— Естественно.

— Тогда дай посмотреть.

Бедняга Бьянши! Конечно же, он умирает от желания и самому иметь приглашение! Однако, со своим плохим английским и угрями на лице он его никогда не получит. Перкинс дотянулся до портфеля, вынул плотный картон с серебряной каймой и положил на стол.

— Оно выгравировано,— сообщил он.

— Такие приглашения всегда гравируются,— ответил Бьянши, надевая очки в черепаховой оправе,— но это еще ничего не доказывает. Если нет водяных знаков, они не настоящие.

Он подвинул конверт поближе к свету лампы, надеясь обнаружить, подумал Перкинс, что речь идет о дурной шутке.

— Водяные знаки на месте,— рассмотрел Бьянши,— слава Богу, они на месте! — И Перкинс уловил оттенок уважения в его голосе, когда тот указал пальцем на двух ползущих львов и щит, разделенный на четыре части.— Никакого сомнения, это исходит от МакКойев, настоящих МакКойев.

— И что же мне теперь делать? — спросил Перкинс с ноткой раздражения.

— Прежде поглядим поподробнее.

Бьянши принялся изучать гравировку старого английского шрифта:

МЫ БЫЛИ БЫ СЧАСТЛИВЫ, ЕСЛИ БЫ ВЫ ДОСТАВИЛИ НАМ УДОВОЛЬСТВИЕ БЫТЬ СРЕДИ НАС НА ОХОТЕ 16 АВГУСТА СЕГО ГОДА. ОХОТНИЧИЙ КОСТЮМ ОБЯЗАТЕЛЕН.

— Все правильно.

— Я знаю.

— В чем же дело тогда?

— Дело,— начал объяснять Перкинс излишне громким голосом,— в том, что у меня нет ни малейшего намерения туда идти.

Он видел, что Бьянши смотрит на него недоверчиво, но это только укрепляло его решимость.

— Пойти туда было бы для меня сущим наказа-

нием. Я их не знаю, и у меня совсем другие планы на шестнадцатое.

— Хорошо-хорошо,— проговорил Бьянши, стараясь его успокоить, — нет нужды орать. Я и так тебя слышу.

Красный от смущения, Перкинс бросил беглый взгляд по сторонам и заметил полные упрека глаза официантов. Явно, трудная ситуация, в которой он находился, взбудоражила его нервы до того, что он потерял хладнокровие. Он быстро вложил приглашение обратно в конверт и сунул в портфель. Бьянши встал, бросив салфетку на стол.

— Делай, как хочешь, — сказал он, — но я знаю десятки людей в этом городе, которые пожертвовали бы своей правой рукой, чтобы иметь такое приглашение.

— Я не охочусь.

— Ты всегда можешь научиться, — холодно ответил Бьянши. Затем, подозвав официанта, он оплатил свой счет и ушел.

Тем временем, новость о приглашении, полученном им, распространилась, вероятно, по всему Агентству, так как Перкинс заметил, что относиться к нему начали с интересом и уважением. Мисс Нейзерсоул, самая пожилая из библиотекаршей, подошла к нему возле бака с водой и заговорила сладким голосом:

— Я так взволнована, мистер Перкинс! В этой конторе нет никого, кто более вас заслуживал бы подобного приглашения.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил он и, чтобы скрыть смущение, наклонился к крану. — Но на самом деле я не пойду.

— Вы не пойдете? — сладчайший, как мед, голос (результат бесчисленных занятий дикцией) выдал целый каскад смеха. — Как можно говорить такие вещи и сохранять серьезность? Вы уже были в службе ротогравюры?

— Нет, — коротко ответил Перкинс.

— Там есть все. Список приглашенных, список устроителей обеда и даже план пути, по которому последуют охотники. Я бы отдала все на свете, чтобы тоже быть приглашенной.

«В этом я уверен, — подумал Перкинс, искоса глянув на плоскую грудь и квадратные плечи библиотекарши. — Именно этот вид спорта подошел бы вам больше всего». Но вслух он просто добавил:

— У меня другие дела.

Затем вернулся на свое место.

После завтрака он нашел на столе список, составленный ротогравюрой. Зная, что взгляды коллег прикованы к нему, он не осмелился развернуть его, а сунул в карман куртки. Немного погодя он поднялся и с небрежным видом прошел между столами, направляясь в туалет. Там, в укромном одиночестве закрытой кабинки, достал лист, развернул его дрожащими руками и положил на колени. Мисс Нейзерсоул оказалась права: перечень приглашенных поистине был впечатляющим. Имена, набранные полужирным шрифтом, занимали три колонки; титулы сверкали посреди печатного текста, как бриллианты. Были генералы, государственные деятели, промышленники, ректоры университетов, издатели крупных журналов, продюсеры, кинозвезды, путешественники, банкиры, писатели, чьи произведения удостоились международных премий. Но Перкинс не успел изучить весь список, его глаза просматривали слоги, беспорядочно плясавшие перед ним, и, наконец, остановились на имени, которое он неосознанно искал: «М-р Фред Перкинс». И все. Никаких других указаний. Он перечитал свое имя четыре раза подряд, потом свернул бумагу и положил в карман.

«Ну и что, — сказал он себе, сжав губы, — я не пойду, и все тут».

Но, очевидно, и Эмилия видела этот список.

— Телефон звонил весь день, — сообщила она, как только он вошел в дом и положил портфель на плетеный стул возле телевизора. — Естественно, они тебе страшно завидуют, не желая того признать. Они меня засыпали поздравлениями для тебя.

Она помогла ему снять пальто.

— Зайди в столовую, — произнесла она с загадочным видом. — У меня для тебя маленький сюрприз.

Зазвонил телефон.

— Нет, подожди, — остановила она его, — я не хочу, чтобы ты входил без меня. Я через минутку.

Чувствуя неловкость, он стоял на месте, переминаясь с ноги на ногу, ожидая, когда она вернется.

— Это Корриганы, — сообщила она. — Бэт хочет, чтобы мы побывали у них на маленьком приеме семнадцатого. Конечно же, — прибавила Эмилия, — дата вы-

брана не случайно. Они надеются узнать все подробности раньше других. Теперь идем.

И как счастливый ребенок рождественским утром, она взяла его за руку и повела в столовую.

Перкинс последовал за ней, невнятно протестуя.

— Чудесно, не правда ли?

На столе из красного дерева (за него еще не было полностью выплачено) лежали пара штанов для верховой езды из камвольной пряжи, охотничья куртка, красный сюртук с медными пуговицами. Посреди стола, на месте, предназначенном главным образом для цветов, возвышалась пара сверкающих сапогов.

— И вот хорошо подобранная вещь, — говорила она, встряхивая кусок желтого шелка перед глазами мужа. — Ты можешь взять одну из моих булавок. Эта, из оникса и нефрита, тебе подойдет. Еще я заказала стек с ручкой из серебра. Его доставят завтра.

— Ты чересчур спешишь, — сказал Перкинс.

Он взял сапоги и ощутил под рукой гибкость хорошо начищенной кожи.

— Они должны дорого стоить. Где ты достала денег?

Эмилия засмеялась:

— Дурачок, впереди для уплаты двенадцать месяцев!

— В этом сюртуке у меня будет смешной вид.

— Вовсе нет. Ты красив, и я всегда говорила, что в тебе есть что-то аристократическое.

— В конце концов, — сказал Перкинс, колеблясь, — я смогу, вероятно, все это вернуть, если не пойду туда.

После обеда приехал Бьянши на своем старом студебеккере. Он был слегка ошеломлен множеством выпитых коктейлей. Открыла ему Эмилия.

— Фред в комнате, примеряет свой новый охотничий костюм. Сейчас выйдет.

— Кто там? — крикнул Перкинс и, когда жена ответила, быстро скинул сюртук (слегка жавший в подмышках) и натянул домашнюю куртку. Он вспомнил сцену в ресторане, и ему стало немного стыдно, что он уже не столь решителен.

— Послушай, Фред, — начал Бьянши, когда они уселись в гостиной перед двумя рюмками старого *Фэшьонид*, — я надеюсь, ты, наконец, передумал... относительно... — он посмотрел в сторону Эмилии, пытаясь уяснить, знает ли она о приглашении.

— Продолжай, — подбодрил его Перкинс, — я ей все рассказал.

— Ты, конечно, можешь отказаться, если у тебя, действительно, нет желания, — произнес Бьянши лучшим своим тоном юриста,— но я тебе не советую. Если они решат, что ты им нанес оскорбление, они способны здорово осложнить тебе жизнь... и не одним способом!

— Но это же смешно, — вмешалась Эмилия. — Он не собирается отказываться. Не так ли, милый?

— Ну... — сказал Перкинс.

Она заметила нотку неуверенности в его голосе и продолжила с горячностью:

— Впервые хорошее общество признает твои заслуги, Фред. Ты не имеешь права отказаться. Подумай, через несколько лет твои дети пойдут в колледж. А ты знаешь, что это значит. Ты действительно собираешься жить в этом доме до конца своих дней?

— Дом хороший, — подал Перкинс реплику в свою защиту. И когда говорил, вспомнил, что за дом еще не полностью выплачено, но это не мешало Эмилии находить в нем недостатки.

— Предположим, приглашение послано по ошибке, — не унималась Эмилия. — Я не хочу сказать, что это, в самом деле, так, но на минутку допустим. Однако и это мне не кажется достаточной для отказа причиной.

— Но я не люблю охоты, — вяло возразил Перкинс. — А на лошади у меня будет очень смешной вид.

— Не более смешной, чем у девяноста из сотни других приглашенных. Не думаешь ли ты, что сенатор Джермен, действительно, напоминает кентавра? А твой патрон мистер Хендерсон? И в нем нет ничего от игрока в поло.

— Он тоже приглашен?

— Конечно, да. Если бы ты читал список чуть-чуть внимательней, ты бы знал.

— Ладно, — сказал Перкинс, — я иду.

— Я полагаю, что это самое разумное решение, — произнес Бьянши, стараясь вернуться к стилю юриста.

В тот же вечер Фред сообщил о принятии приглашения. Он написал ответ пером и чернилами на простой визитной карточке.

— Они-то могут использовать карточки с серебряной каймой, — заметила Эмилия, — но вполне способны посчитать это бахвальством, если сделать то же самое.

Она позвонила в курьерскую службу, объяснив:

— Это не то письмо, которое отправляют по почте.

И на следующее утро курьер в униформе понес согласие Фреда Перкинса в будку привратника.

Неделя пролетела очень быстро. Эмилия заставила мужа примерить красный сюртук и штаны для верховой езды, мелом нанесла метки и отослала портному, чтобы тот подогнал по росту. В конце концов, она решила, что желтый шелк не подходит. «Чересчур кричаще», — заметила она. И заменила кремовым шарфом, менее броским. Когда костюм был готов, понадобилось сменить булавку для галстука и пуговицы на манжетах. Эмилия выбрала украшение из черненого серебра. Затраты были разорительными, но молодая женщина преодолела сопротивление мужа.

— Очень много зависит от впечатления, которое ты произведешь, и если все пройдет хорошо, тебя снова пригласят, и ты всегда сможешь пользоваться этим костюмом. А манжетные пуговицы будут великолепно смотреться на смокинге, — добавила она в заключение.

В Агентстве он заметил, что окружен ореолом уважения. В понедельник начальник канцелярии предложил ему другой стол, поближе к окну.

— Конечно, при кондиционерах разницы гораздо меньше, чем в прежние времена. Но все же вид с этого места нарушает однообразие.

Перкинс поблагодарил за внимание.

— Не за что, — ответил начальник. — Это пустяк, но пусть он вам покажет, как высоко мы ценим вашу работу здесь, мистер Перкинс.

А в пятницу после полудня сам Хендерсон, директор Агентства, остановился возле его стола. Фред Перкинс, которому он едва ли кивнул головой за двенадцать лет, был поражен этим поступком.

— Как я понимаю, завтра мы встретимся, — сказал Хендерсон, чуть ли не на минуту расположив свою ягодицу на угол стола Перкинса.

— Думаю, что так, — ответил Перкинс, не роняя достоинства.

— Надеюсь, нам подадут виски, черт возьми, — воскликнул Хендерсон. — Горячий пунш, возможно, и входит в давние традиции псовой охоты, но от него я косею.

— Я полагаю принести с собой маленькую бутылочку, — сказал Перкинс так, словно он был завсегдатаем на этих охотах.

— Хорошая идея, — похвалил Хендерсон, вставая.

И уже в дверях канцелярии повернулся и бросил через плечо:

— Оставьте в ней глоточек и для меня, Фред.

Вечером, после обеда, Эмилия уложила детей в постель. Потом они с мужем отправились прогуляться по Мэрин Гарденс. Они смотрели на большие дома, скрывавшиеся за железными решетками, посреди полей. Даже с их удаленного места были видны признаки деятельности. Аллея под вязами казалась заполненной черными лимузинами, а на лужайках служащие поставщиков устанавливали столы для раннего завтрака. Они заметили конюха, въезжающего верхом на каурой кобыле в ограду. За ним тянулось около сорока глянцево-черных лошадей, направляющихся к конюшням, расположенным в глубине усадьбы.

— Погода будет великолепной, — сказала Эмилия, когда они повернули к дому. — В воздухе ощущается легкий и терпкий запах осени.

Перкинс ей не ответил. Он был погружен в свои мысли. Не было у него желания идти на эту охоту, и до сих пор какая-то часть сознания отказывалась. Он чувствовал, как постепенно возрастающая нервозная встревоженность начинает трясти его. Но в этом не было ничего удивительного: он вступал в новый мир, он боялся оказаться не на высоте, допустить какую-нибудь оплошность, словом, боялся потерпеть неудачу. Это и объясняло дрожь пальцев и неровное биение сердца.

— Надо вернуться пораньше, — сказала Эмилия. — Тебе необходимо выспаться.

Перкинс согласился, и они вошли в дом. Но, вопреки намерению, Перкинс спал в эту ночь очень мало. Он ворочался с боку на бок, представляя себе все унижения, которые ему придется, возможно, испытать. Наконец, жена недовольным голосом пожаловалась:

— Ты так неспокоен, что я не могу сомкнуть глаз.

Она взяла подушку и одеяло и отправилась спать в детскую.

Будильник он завел на шесть часов (выйти нужно было рано), но разбужен был задолго до этого времени.

— Перкинс? Фред Перкинс?

Он сел в постели.

— Да?

Было светло, но солнце еще не всходило. В спальной, возле кровати, стояли два человека. Высокий —

тот, что тряс его за плечо — одет был в черную кожу, на голове желто-красная кепка.

— Пора! Вставайте! — сказал человек.

— Поторопитесь, — добавил второй, ниже ростом и старше, также одетый в кожу.

— Что происходит? — спросил Перкинс, окончательно просыпаясь. Кровь в жилах двигалась толчками.

— Вылазьте из постели, — приказал высокий и сдернул одеяло. И тут Перкинс различил на кожаной одежде двух ползущих львов и позолоченный щит, разделенный на четыре части. Дрожа, он поднялся в кальсонах с кровати. Утренний воздух был холодным и знобким.

— Что происходит? — машинально повторил он.

— Охота, охота, пора на охоту, — проговорил пожилой.

— Тогда дайте одеться.

Спотыкаясь, Перкинс двинулся к шкафу, где в полутьме виднелись штаны из камвольной пряжи и чудесный красный сюртук, висевшие на плечиках; казалось, они ожидали его. В этот момент он содрогнулся от удара дубинкой, которую не заметил в руке высокого.

— Они вам не понадобятся, — засмеялся ударивший.

Краем глаза Перкинс увидел, как старший взял сюртук и, растянув его за фалды, разорвал надвое.

— Что вы делаете? — начал он, но высокий резко заломил ему руку за спину и вытолкнул на улицу, под холодное предрассветное небо.

Оглянувшись, он заметил на пороге Эмилию в ночной рубашке, услышал ее крик и звон разбитого стекла, выпавшего, когда маленький человек хлопнул дверью. Бегом он пересек лужайку, но два егеря быстро его догнали. Схватив под мышки, они потащили его по улице, туда, где кончалась Мэрин Гарденс и начинались поля. Они бросили его в жнивье, и маленький достал хлыст.

— Теперь беги, сучий сын! — заорал высокий.

Перкинс ощутил резкий ожог хлыста на голой спине. Пошатываясь, он поднялся и бросился бежать по полю. Стерня ранила босые ноги, по голой груди струился пот. Его рот начал изрыгать бессвязные протесты и ругательства. Но он бежал, бежал, бежал. Он все понял, так как уже слышал в позолоченных кончающимся летом полях свору захлебывающихся собак и жуткий звук охотничьего рога, трубящего *улюлю.*

Эдвард Л. ПЭРРИ

СОРВАВШЕЕСЯ ДЕЛО

Идея возникла у Тони. Мы только что вышли из кино. Я, он и моя маленькая подружка Джейн. На дрянной фильм истратили последние гроши. Поздно, около полуночи. Нужно что-то придумать, чтобы раздобыть деньжат. И срочно. Тут-то и замечаем этого парня.

Он стоит у выхода и пялится на девчонок. Толстый тип, со складками жира на боках, но он потрясающе одет. Шикарная спортивная куртка и чертовски роскошные пуговицы на манжетах. Из настоящего золота!

Но различаем не только эти штуки. Отмечаем его лицо. Круглое белое пятно, с маленькими свиными глазками, которые вас раздевают. На верхней губе капли пота, и он не перестает вытирать лицо носовым платком. Когда одна из девчонок проходит мимо него, он изображает улыбку и наклоняется к ней, как собака, обнюхивающая кость.

Затем он замечает Джейн и снова принимается утираться. Словно у него паровой котел в брюхе. Меня он злит. А Джейн и вправду сегодня классно выглядит. На ней юбка из белой тонкой ткани, которая так облегает бедра, что все видно. И красная блузка с глубоким вырезом. Она молоденькая и симпатичненькая.

Доходим до конца улицы и останавливаемся. Тони достает сигарету и прикуривает. Он кивает на толстяка:

— Клеим.

Мне его идея не по душе, и я говорю об этом.

— Что с тобой, приятель? — спрашивает он. — У этого толстяка куча денег. Видал его шмотки?

— Мне не нравится его лицо. По-моему, он повернутый.

— Ты хочешь сказать, что он повернут на сексе? Старина, ты сам больной. Он лишь старается не разевать рот, вот и все.

— В любом случае, мне это не нравится.

— Это клиент, настоящий клиент.

Я знаю, что уступлю Тони. Я всегда ему уступаю. Смотрю на Джейн:

— Что ты об этом думаешь?

— Не знаю, — отвечает. — Мне не нравится, как он на меня глядел. Даже дрожь берет.

Тони медленно выпускает дым и бросает окурок в люк.

— Послушай, старик, — говорит. — Улицы быстро пустеют... А этот парень, по всему видно, фрайер.

— Не знаю, Тони. Только..

— Слушай, старик, я бы не стал рисковать, если б не знал, что получится. Что скажешь, а?

— Ладно, — отвечаю, продолжая глядеть на Джейн. Она знает, что я уступлю Тони, и она боится. Здорово боится. Лицо совсем бледное, переминается с ноги на ногу. В рэкете она новичок, но готова сделать все, что я попрошу. Я вижу, что она беззащитна, и у меня возникает желание послать Тони к черту. Но я не осмеливаюсь. Он может подумать, что я тряпка и трус.

— Ты уверен, что получится, Тони?

— Запросто, старик, запросто.

Я не решаюсь глянуть на Джейн, но слышу, как она с трудом сглатывает слюну. Она берет меня за руку.

— Ты как, Джейн? — спрашиваю.

Она колеблется, затем медленно соглашается. Но когда говорит, ее голос дрожит:

— Я сделаю, что ты захочешь, Джек.

Тони потирает руки.

— Замечательно. Тогда начнем?

— Да, — отвечаю, — конечно.

— Значит, делаем так. Ты, Джейн, возвращаешься к кинотеатру и даешь толстяку пристать к тебе. Потом ведешь его на какую-нибудь улочку потемнее. Как только доводишь, мы подскакиваем, бросаемся на твоего ухажера и сматываемся вместе с добычей. Уловила? Все очень просто.

Я достаю окурок и прикуриваю. Я дрожу, как лист, но стараюсь скрыть страх за шуточками. Я говорю себе, что со времени знакомства с Джейн стал мокрой кури-

цей. Мы уже занимались подобными делами раньше. И всегда проходило нормально.

— Ладно, — говорит Джейн тихим голосом, — но обещайте не отставать. Я боюсь его.

— Мы пойдем за вами, малышка. Раз я сказал, значит, так и будет.

Джейн привстает на цыпочки и целует меня прямо перед Тони. Действительно, классная девчонка!

Я опираюсь о фонарный столб и смотрю, как она уходит к кинотеатру. Опять я чувствую себя нехорошо. Что-то в этом толстяке меня пугает.

Улицы уже пустынны. Не видать никого, кроме Джейн и Толстяка. Он замечает ее и начинает вытирать лицо. Да, старина, он пускает пар отовсюду. Он не видит ни Тони, ни меня. Наблюдаем встречу. Она молода. Шестнадцать лет. Но свое дело знает. Она останавливается. Некоторое время они стоят, разговаривая. Потом я вижу, как Толстяк запускает палец в вырез ее блузки. Я слышу, этот тип гогочет, и мне хочется выпустить ему кишки.

— Спокойней, спокойней, — шепчет Тони, и я сознаю, что грозил Толстяку вслух.

Он обвивает рукой талию Джейн, и они поднимаются по улице, проходя мимо нас. По неловкой походке моей маленькой подружки я понимаю, что она ужасно боится парня.

— Пошли, Тони, — говорю, рванувшись.

— Рано, идиот. Что с тобой, а? Хочешь, чтобы все сорвалось?

Я беру себя в руки. Я знаю, что он прав. Если Толстяк нас увидит, сразу заподозрит неладное. Я затягиваюсь сигаретой, как сумасшедший, но это не помогает. Я чувствую себя совсем плохо.

Джейн и Толстяк доходят до переулка в конце жилого квартала и скрываются в нем.

— Догоняем, — говорит Тони, и мне не нужно повторять. Поднимаемся по улице. Быстрей. Меня тянет побежать. Мне холодно. Я весь застыл. До переулка по крайней мере сто пятьдесят километров. Мы никогда не доберемся!

— Иди нормально, — вмешивается Тони. — Иди нормально.

И в этот момент у тротуара останавливается полицейская машина, и из нее вываливаются два фараона.

— Обоим стоять, — приказывает хриплый голос.

— А что мы такого сделали? — спрашивает Тони.

— Сейчас узнаешь, паренек. Туда, к стене.

— Но послушайте. . — я пытаюсь протестовать.

— Ты меня не слышал? Вперед.

Против такого тона не поспоришь. Двигаемся к стене, руки подняты вверх. Фараон охлопывает меня. Ничего не находит.

— Где ты был? — спрашивает Хриплый Голос.

— В кино. Мы только что вышли.

— Вот как?

— Конечно. Нет закона, который бы запрещал ходить в кино, верно?

— А у другого? — спрашивает Хриплый Голос.

— Ничего нет, — отвечает второй фараон. — Думаешь забрать?

Тут я чувствую, сейчас упаду в обморок. Колени так трясутся, что я вынужден навалиться на стену здания. Я *трудный*. Я не люблю фараонов. Я их никогда не любил и этого от них не скрываю. Но не в сегодняшнюю ночь. Я беспрерывно думаю о том, что происходит сейчас в темном переулке, и начинаю просительно заискивать, потому что участок в полутора километрах, и если нас повезут туда...

— Послушайте, мы в самом деле были в кино. Честное слово!

Хриплый Голос, похоже, раздумывает.

— Отведи вон того в кинотеатр, пусть подтвердят их алиби, — говорит он через минуту.

Другой фараон двигает по улице в обратную сторону. Тони следует за ним. Мне хочется закричать.

Хриплый Голос достает сигарету и прикуривает. Он-то не спешит. Прищуренным глазом осматривает меня с ног до головы:

— У тебя очень нервный вид, паренек. Что-то не в порядке?

Я заставляю себя улыбнуться:

— Да нет, все нормально. Почему вы так решили?

— Не знаю. Как раз об этом я тебя и спрашиваю.

Я смеюсь через силу. Нет, все нормально. При условии, что Толстяк не повернутый. При условии, что мы попадем в переулок вовремя. Я бросаю взгляд в том направлении. Никакого шума. Ничего. Обращаюсь к фараону:

— Кого ищете? — спрашиваю, хотя мне глубоко плевать на это.

— Негодяев, которые ограбили магазин в квартале.

— Это не мы, — говорю.

Фараон внимательно рассматривает свой окурок.

— Сейчас узнаем, паренек.

Мой взгляд снова направляется к переулку. Я чувствую, как по телу струится пот, и принимаюсь скрести кирпичную стену ногтями, так что они горят адским огнем.

Из переулка вышел Толстяк. На несколько мгновений он замирает посреди дороги, глядя через плечо, словно что-то забыл. Я вижу какую-то штуку, которая падает на обочину. Он ничего не замечает. Потом видит меня и двигается в противоположном направлении. Быстро.

Язык мой немеет, становится вязким, как тесто. Я хочу открыть рот, чтобы сказать, но не могу произнести ни одного слова. Я слежу глазами за Толстяком, который исчезает. Я даже не вижу, как возвращается Тони с сопровождающим фараоном.

— У них алиби, — говорит фараон. — Девушка в кассе узнала этого.

— Все в порядке, ребята. Можете возвращаться домой.

Но я не слушаю. Ноги ведут меня к переулку. Тони вплотную следует за мной. Фараоны забираются в машину. Я иду все быстрее и вскоре уже бегу. Черт с ними!

Подбегаем к началу переулка. Тони наклоняется и подбирает штуку, которую уронил Толстяк. Это нож. Лезвие в крови. Наши взгляды встречаются, и целое мгновение мы смотрим друг другу в глаза, затем бросаемся в переулок. Мне дурно, меня тошнит. Я чересчур хорошо знаю, что мы сейчас найдем.

Джон ГУДВИН

КОКОН

Комната отца, расположенная на нижнем этаже, была украшена трофеями его охотничьих подвигов: головами каменных баранов, серн, лосей, пекари, снежных барсов, а Денни на стенах своей комнаты наверху развесил, приколов их булавками, хрупкие тела махаонов, нимфалид, данаид и ванесс.

Его отец устраивал экспедиции, переносил лишения, пробивался сквозь джунгли, карабкался на скалы, чтобы добыть эти экспонаты, Денни же собирал свои на полях и в садах, по соседству с домом. Карьера коллекционера для отца Денни, вероятно, закончилась; его же едва начиналась.

Денни было одиннадцать лет, его отцу сорок шесть, дому, в котором они жили, век или больше, еще никто не смог указать точный возраст. Мистер Пирибог, бывший деревенский почтальон, теперь уже неспособный к работе, рассказывал, что он помнит время, когда круглого окна лестничной площадки второго этажа еще не существовало, а миссис Блисс говорила, что в прежнюю пору нынешняя кухня была кабачком. Она знала это от своего отца. Сердце дома, используя термины отца Денни, было очень старым, но в целом здание претерпело значительные изменения, расширения, стены были заново оштукатурены. Отец Денни достроил комнату, в которой сейчас и располагались его трофеи; комната ребенка по своему происхождению была, надо полагать, чердаком, поскольку на стропилах потолка, высоких и очень покатых, проглядывали гвозди с квадратными шляпками, и кое-где балки еще соединялись при помощи деревянных колышков.

Комната, служившая спальней и игровой Денни, не имела на первый взгляд ничего старинного. Голубой ковер покрывал паркетный пол, портьеры были желтыми, а низ кровати сине-белым. Обои, которые мать мальчика выбрала перед тем, как их покинуть, изображали желтые ивы на бледно-голубом фоне, и пришпиленные

к стенам бабочки смешивались с этим рисунком. Уже давно отец Денни не входил в комнату. Он хорошо знал, что коллекция чешуекрылых, как он ее называл, приколота булавками к стенам, но он оставался в неведении, какие повреждения нанесла она красивым обоями, и, следовательно, не мог делать сыну внушения. Под каждым образцом на голубых обоях расплывалось пятно цвета мастики. Это был жир, сочившийся из трупов насекомых по мере их высыхания.

В углу комнаты находился обитый кретоном ящик, скрывавший в себе остатки прошлых увлечений Денни: погнутые поезда и обломки рельсов, старый трансформатор, батареи, покрытые кристаллами цинковой соли, грузовики, ветряные мельницы, представляющие собой кое-как соединенные кубики и планки, измятые и изорванные книги, страницы и гравюры которых были изрисованы цветными карандашами, подпись Денни, гироскоп, резиновый мяч, и где попало в глубинах покоились медведь, обезьяна и кукла — мужского пола — со шрамом на щеке, там, куда Денни ударил ее ногой, обутой в конек. В другом углу были гордо разложены инструменты его нынешней деятельности. Сачок для бабочек, приставленный к стене, и на низкой подставке располагались банка с цианидом, маленький пинцет и булавки, блестевшие в своем футляре из черной бумаги так же зловеще, как хирургические инструменты.

Посвятив себя год назад коллекционированию бабочек, Денни обнаружил, что может разнообразить свои занятия дополнительным, намекающим, интересом, вводя в коллекцию не только самих бабочек, но и этих же насекомых на первых стадиях развития. Набивая молочные бутылки, коробки из-под обуви и другие подходящие емкости гусеницами и куколками, он участвовал с выжившими в каком-то алхимическом действе. Стоя на коленях, полностью погруженный в свое занятие, он наблюдал кропотливые превращения гусеницы, освобождающейся от оболочки, выпотевание, служащее прикреплению покрова куколки к веточке или нижней стороне листа, и наконец, результат, который ничто не позволяет предвидеть: законченное совершенное насекомое. Это было так, словно открываешь коробочку с сюрпризом, поскольку Денни еще не научился предсказывать, какой цвет, какой размер, какая форма гусеницы даст в итоге капустницу, ванессу или махаона.

Приближался конец лета, и Денни запретил молодой

служанке открывать для проветривания комнаты окна. Резкое колебание температуры, говорил он, повредило бы гусеницам и куколкам. Когда же служанка сообщила его отцу, что в комнате Денни из-за всех этих насекомых и препаратов стоит нездоровый запах, последний лишь повторил ее замечание сыну, без особой, впрочем, настойчивости. Денни издал короткое бурчание, показывающее, что он хорошо расслышал, и на этом все кончилось. Его отец, писавший книгу о джунглях, скалах и хищниках, очень мало беспокоился тем, что происходит на верхнем этаже.

Таким образом едкий запах разложения органических веществ, прошедших преобразование в телах насекомых, распространялся по мансарде, а жировые пятна, красовавшиеся под экспонатами, постепенно расползались по стенам, все более и более обесцвечивая обои.

В книге «Бабочки, которых мы должны знать лучше», присланной ему на Рождество тетей, Денни вычитал, что можно сделать «замок» для гусеницы, поместив ламповое стекло, закрытое сверху, в цветочный горшок, наполненный землей. На собственные сбережения он купил ламповое стекло в деревенской лавчонке и приготовил описанное жилище. Это устройство было таким изящным и, несмотря ни на что, таким чарующим, что он решил предназначить его для особо редкого образца. Ему пришлось ждать до конца октября, чтобы найти экземпляр, достойный «замка».

Он проводил обследование лесосеки между двумя полями. Почва была здесь столь каменистой, что ее никогда не возделывали, и она протянулась, как шпага, разделяя плодородные земли, прилегавшие к ней с обеих сторон. Денни ни разу не добирался до этих краев, и только возрастающая вера в свою власть над природой придавала ему в этот момент смелости. Месяц назад он отказался бы от какого-либо путешествия в это место; из предосторожности он обошел бы даже оба поля, окружавших его. Но сейчас, когда ползающая в этом мире из стекла и картона жизнь, пресмыкавшаяся перед его глазами, обретала форму, изменялась и прекращалась, Денни испытывал подобие тех чувств, которые, по его мнению, были чувствами Бога. Эту метаморфозу, защищенную от всяческого нежелательного контакта и от непредвиденного воздействия, Денни наблюдал от гусеницы и куколки до законченного существа, только что появившегося на свет, с

его таинственно подрагивающим телом. В его власти было прервать эту волшебную цепь их развития на любой стадии, которая бы ему понравилась. В маленьком масштабе он действительно был подобен Богу. И эта мысль придала ему храбрости перелезть через камни старой стены и проникнуть в пол-арпана густого леса.

Осеннее солнце, косым лучом подсвечивающее хрупкий пейзаж, низко зависло на западе, как блуждающий огонек. Редкие птицы, не покинувшие эти края, устраивали хриплый концерт: самые благозвучные и яркие уже пустились в свой полет к югу. Хотя листья деревьев выставили напоказ желтизну старости и охру угасания, кустарники, как и повилика, большей частью были зелеными. Вооруженный своим пинцетом и всемогуществом, Денни обследовал еще живые веточки и листья.

Колючие кусты рвали его обувь и царапали колени, но ничем, кроме обычных шелкопрядов с диких вишен, старания Денни не были вознаграждены. Но в сумерках, продолжая свои изыскания среди листьев, облепленных сассафрасом, он обнаружил экземпляр, превзошедший все его самые честолюбивые ожидания. На первый взгляд, в частности из-за сумерек, это походило скорее на съежившегося дракона, чем на гусеницу. Когда Денни дотронулся до него, он увидел, что одутловатое тело сжалось, как то делают гусеницы; подобное поведение убедило его, что перед ним на самом деле гусеница и, стало быть, нечего пугаться. С помощью пинцета он осторожно отделил чудовище от веточки, положил в спичечную коробку, которую всегда носил при себе, и, задыхаясь на ходу и не обращая внимания на повилику и кусты ежевики, помчался домой.

Когда он вошел, был час обеда; отец уже сидел за столом. Правой рукой он подносил ко рту ложки супа, а левой перелистывал страницы книги. Денни взбежал по лестнице, стуча башмаками, прежде чем отец его заметил.

— Ты опаздываешь, мой мальчик,— сказал он между двумя напечатанными фразами и двумя ложками супа.

— Знаю, папа,— ответил Денни, не останавливаясь,— но я кое-что поймал.

Еще одна фраза и еще одна ложка.

— Сколько раз я тебе говорил выражаться более определенно? Кое-что! Это может быть чем угодно, от привязного аэростата до свинки.

Денни бросил с площадки второго этажа:

— Это именно кое-что, я не знаю, что это такое.

Отец заворчал, но когда он дочитал абзац, подбирая в супе последний кусочек мяса, и произнес в адрес сына: «Что бы то ни было, оно подождет, пока ты пообедаешь», глаза Денни уже не отрывались сквозь ламповое стекло от этой штуки.

Даже при ярком электрическом освещении это походило на рептилию. Для гусеницы размер очень большой, от десяти до двенадцати сантиметров, прикидывал Денни; окрас мутно-фиолетовый, а в нижней части темно-желтоватый. На каждой оконечности находилось по три выступа в форме рожек киноварного цвета; они заметно загибались внутрь и были покрыты маленькими жесткими волосками. Изо рта выдавались наружу небольшие щупальца, напоминающие клешни ракообразных; кожа была морщинистой, как у черепах, брюшные сегменты четко выделены. Ножки не были еще снабжены подобиями хоботков, присущих обычно гусеницам; они имели форму маленьких чешуйчатых шипов.

Экземпляр был действительно достоин своего «замка». Он не фигурировал ни в одном из иллюстрированных атласов Денни; он сохранит его в тайне, и потом, когда после метаморфозы он предъявит миру крылатое насекомое, известность отца, которую тот приобрел, добывая редких животных, побледнеет рядом с его собственной. Единственное, о чем он смог догадаться, исключительно из-за размеров, это то, что он имеет дело с личинкой бабочки скорее ночной, чем дневной.

Он все еще был погружен в созерцание, когда служанка принесла поднос.

— Вот,— сказала она,— поскольку мистер настолько занят, что не находит времени, чтобы пообедать как все маленькие мальчики. Если бы это зависело только от меня, вы бы остались голодным.— Она опустила поднос на стол. — Фу, — скривилась она. — Что же может так вонять в этой комнате! Что там у вас теперь?

Она собралась осмотреть комнату поверх плеча Денни.

— Выйдите отсюда,— заорал он, готовый на нее броситься.— Выйдите!

— Нет и речи, чтобы я отсюда вышла, если вы так со мной разговариваете.

Он поднялся и в бешенстве вытолкал массивную служанку наружу, захлопнул дверь и закрыл на ключ. Она принялась что-то кричать за дверью. Денни не

разобрал, что именно, да ему и дела до этого не было, поскольку он сам орал изо всех сил: «И больше никогда не приходите!» После чего девушка скатилась с лестницы и отправилась искать отца Денни.

Как можно было ожидать, тот посочувствовал ее судьбе, согласился, что необходимо принудить сына к известной дисциплине, а затем, вернувшись к своей трубке и рукописи, выкинул все это из головы.

На следующий день Денни сказал горничной, что отныне он запрещает ей входить в комнату, ни для того, чтобы заправлять постели, ни делать уборку.

— Еще посмотрим,— сказала она,— не будет ли это тем удовольствием, на которое я и не смела рассчитывать в этом мире, если мне никогда не придется входить в эту вонючую комнату.

Она снова воззвала к отцу Денни, и на этот раз, явно неохотно, он позвал ребенка.

— Этель рассказывает, что ты не хочешь ее пускать в свою комнату,— сказал он, глядя на него поверх очков.

— С этим нельзя больше мириться,— ответил Денни.— Понимаешь, папа, она ничего не смыслит в гусеницах, коконах и во всех этих вещах, и после нее повсюду такая неразбериха.

— Но кто же станет заниматься заправкой твоей постели, уборкой пыли и остальным?

— Я,— объявил Денни. — Это справедливо. Если я не хочу, чтобы входили в мою комнату, то должен буду заняться всем этим сам, убирать постель, например, наводить порядок.

— Сказано по-солдатски, мой мальчик. Я понимаю твои чувства, и если ты действительно желаешь принять участие в этом соглашении, взяв на себя определенные обязательства, то я не вижу, почему этому не быть. Но,— и он навел на ребенка разрезной нож, выточенный из клыка моржа,— если твоя комната не будет чистой и приведенной в порядок, мы будем вынуждены отменить эту привилегию; не забывай об этом.

Отец, радуясь тому, что встреча не приняла тягостного оборота, которого он боялся, сказал сыну, что тот может идти. С этого дня Денни носил ключ от комнаты в своем кармане.

Так как гусеница отказалась от всего набора листьев, предложенного ей, а они переставали есть перед выходом в состояние куколки, Денни понял, что в тот момент, когда он снял ее с ветки сассафраса, она как

раз была занята приготовлением своего кокона. Теперь гусеница находилась в состоянии возбуждения, близком к конвульсиям; она передвигалась в своем ламповом стекле, на первый взгляд бесцельно, переползая с сучка на сучок, выискивая маленькими чешуйчатыми лапками, где бы прикрепиться. После целого дня, проведенного в этом блуждании, гусеница прицепилась к разветвлению веточки и принялась плести свой кокон. Через двадцать четыре часа шелковый аламбик был закончен.

Теперь Денни нечего было наблюдать; тем не менее он простаивал на коленях часы напролет, уставив глаза на кокон, обвисавший на сучке сассафраса, как паразитический нарост. Сосредоточенность Денни была такой, что, казалось, его взгляд разрывал шелковый покров и просматривал в мельчайших деталях таинство, разворачивающееся внутри.

Дневные выходы Денни на поиски под открытым небом обычных куколок случались все реже и реже. Они представляли для него интерес не более, чем гранаты для любителя изумрудов. Его худое и загорелое лицо сделалось отекшим, а ладони белыми и постоянно влажными.

Месяцы зимы тянулись нескончаемо, и равнодушное нетерпение Денни распространялось лишь на то, что находилось внутри кокона. Его комната была холодной, никогда не проветривалась, так как необходимо было поддерживать низкую и постоянную температуру, чтобы кокон мог просуществовать в забытьи до весны. Постель заправлялась лишь изредка, и толстый слой пыли и грязи покрывал паркет. Один раз в неделю горничная оставляла у двери половую щетку и совок для мусора, а также чистые простыни. Денни забирал только эти последние, и они образовывали на полу его комнаты кипу, к которой он не притрагивался неделями. Отец интересовался его здоровьем лишь для того, чтобы к положенному по закону и ипохондрическому письму своей жене добавить постскриптум, упоминающий о том, что их сын чахнет, и когда он получал встревоженный ответ, спрашивал мимоходом у Денни, хорошо ли тот себя чувствует. Утвердительный, хотя и осторожный, ответ ребенка, похоже, вполне его удовлетворял. Он посылал жене открытку, сообщавшую, что сын уверяет его в своем добром здравии, и на этом считал собственные обязанности исполненными.

Когда апрель подходил к концу, Денни переместил

свои сокровища поближе к окну, чтобы солнце пробудило то, что пребывало внутри в состоянии летаргического сна. Через несколько дней у Денни возникла уверенность, что оно старается освободиться, так как кокон казался бестолково пляшущим на своей нити. Он бодрствовал всю ночь, с красными и опухшими глазами, прикованными к кокону, словно к предмету с гипнотической властью. Отец позавтракал один, и к девяти часам его озабоченность возросла до такой степени, что он послал горничную узнать, все ли в порядке. Она со всей поспешностью вернулась рассказать, что в Денни еще достаточно жизни, для того чтобы нагрубить ей. Отец в ответ пробормотал что-то о матери, здорово устроившейся со своей ответственностью. Горничная заявила, что она, не в обиду будь сказано, хотела бы получить неделю отпуска. Она рвалась лишь перечислить побудительные причины, но хозяин небрежным жестом отпустил ее, попросив только остаться до того, как он сможет найти кого-нибудь для замены.

В десять часов Денни был абсолютно уверен, что кокон собирается вот-вот раскрыться; в десять с половиной у него не осталось ни тени сомнения. Это произошло без нескольких минут одиннадцать. Внутри возникло конвульсивное движение, и с легким шелковым шорохом кокон разорвался на вершине. Подвижные усики и передние лапки высунулись наружу, лапки вцепились в кокон, чтобы протащить тело сквозь узкое отверстие. Мохнатое и вытянутое брюшко, на котором сочленялись смятые крылья, было освобождено. И немедленно животное начало неловко карабкаться на веточку, к которой был подвешен кокон. Денни, бесчувственный ко всему остальному миру, наблюдал за процессом. Достигнув конца веточки и не имея, следовательно, возможности двигаться дальше, насекомое принялось отдыхать; с обоих боков его вздутого тела свисали мокрые и неуклюжие крылья. С каждой пульсацией брюшко на глазах сокращалось, и постепенно, очень постепенно, усики выпрямлялись, а крылья разворачивались, благодаря сокам, посылаемым телом.

Менее чем за час метаморфоза, подготавливаемая столько месяцев, завершилась. Насекомое, влажные крылья которого уже достигли полного своего разворота, тихо трепетало под взглядом ребенка. Оно освободилось от кокона, но оставалось пленником стеклянной тюрьмы.

Внезапно бледное лицо Денни зарделось. Он схватил ламповое стекло, будто собираясь в порыве прижать насекомое к груди. Это чудо его, и только его. С чувством собственности, смешанным с почтительным страхом, смотрел он на это создание, которое взмахивало крыльями, словно было еще чересчур слабо, чтобы отправиться в свой полет. Несомненно, экземпляр, находившийся перед ним, являлся уникальным. Крылья имели добрых двадцать пять сантиметров в ширину, а цвет их был так тонко нюансирован, что исчезала возможность сказать, где черный переходит в пурпурный, пурпурный в зеленый и где зеленый возвращается к черному. Единственно определенными рисунками были подобие краба в середине обоих задних крыльев и на каждом переднем орнамент, имитирующий пасть, обнажившую зубы. Крабы и пасти были выписаны белым и киноварным цветами.

В полдень Денни проголодался; однако нервное истощение так обессилило его, что он было решил отказаться от еды. Но, зная, что его отсутствие за столом два раза подряд ускорит вторжение отца в лице горничной, он неохотно покинул свою спальню и спустился к завтраку.

Несмотря на послушание, проявленное Денни, от внимания отца не ускользнула произошедшая с сыном перемена.

— Весна, кажется, придала жизни этому мальчику,— сказал он.— Этим ты похож на свою мать, и только этим, слава Богу. Она тоже в холодное время не чувствовала себя хорошо.

При Денни он вспомнил о его матери в первый раз после того, как пять лет назад он вынужден был прибегнуть к уловке, чтобы окольным путем объяснить ее отъезд. Мальчик испытал тогда потрясение. Однако сейчас, пользуясь представленным случаем, он сразу же решил продолжить эту тему. Не подобало всякое чувство выставлять напоказ: он колебался и обдумывал свой вопрос.

— Почему она не пишет и не присылает мне подарков? — спросил он.

Мгновенно возникшая тишина вызвала в нем ощущение той почти непереносимой боли, которую возродил в душе отца начатый разговор. Не поднимая глаз, он ответил:

— Закон не позволяет ей этого.

Окончание завтрака проходило в молчании и обоюдной неловкости. Денни вернулся к себе в комнату, как только смог, не проявляя неучтивости, подняться из-за стола. В течение ужасного мгновения, когда он поворачивал ключ в замке, подозрение, что бабочка исчезла, что ее, возможно, никогда и не было, мучило его. Она оставалась на том же месте, разве что слегка изменив свое положение. Ее крылья были расправлены почти горизонтально, и это показало Денни, что ламповое стекло чересчур узко ей для свободного движения.

Более крупного сосуда в его комнате не было.

Перед мысленным взором Денни проплывали горшки, вазы и другая домашняя посуда, служившая ему время от времени для содержания экспонатов. Но ни один из предметов не был достаточно большим. Если не хватит места, бабочка, как только попробует полететь, повредит себе крылья. Чуть ли не в бешенстве Денни ломал себе голову, пытаясь найти подходящий сосуд. Неожиданно его мысли, наподобие хорька, кинулись к тому, что пока от него ускользало. В комнате отца на полочке из слоновой кости под головою тигра стояла хрустальная табакерка с крышкой из чеканного серебра.

Времени терять было нельзя, потому что через пять часов после своего выхода из кокона бабочки пускаются в полет. Задыхаясь на ходу, он бросился вниз по лестнице, поколебавшись всего мгновение, постучал в дверь отцовского кабинета.

— Да? — откликнулся тот недовольным голосом; Денни повернул ручку и вошел.

— Папа, — начал он, еще не восстановив дыхания.

— Но говори же, мой мальчик, и перестань трястись. Я никогда так не трясся, даже оказавшись лицом к лицу с одиноким слоном.

— Я хочу... взя... взять у тебя одну вещь, — пролепетал наконец ребенок.

— Выражайся определеннее! Что ты хочешь? Билет в Фолл Ривер? Стодолларовую банкноту? Немного рвотного корня? Это последнее, судя по твоему виду, кажется наиболее подходящим.

Ненавидя отца так, как никогда до этого его не ненавидел, мальчик выговорил:

— Я хочу взять у тебя табакерку.

— Какую именно? — спросил отец, выигрывая время. — Слоновью лапу, подаренную мне президентом?

Бронзовую статуэтку Бенареса? Голландскую посудину? Музыкальный ящик?

Мальчик не смог переносить далее этот насмешливый тон.

— Я хочу вот эту, — и он указал пальцем на предмет, наполовину наполненный табаком.

— Что ты собираешься с ней делать? — спросил отец.

Отвага малыша внезапно испарилась.

— Но говори же. Если представляешь необычную просьбу, то должен быть готовым подкрепить ее причиной.

— Она нужна для одного из моих экземпляров.

— А почему не какой-нибудь из сосудов, позаимствованных тобой на кухне, в буфетной, гостиной?

Денни не хотелось говорить, что они недостаточного размера. Интерес отца мог возрасти до такой степени, что он решился бы своими собственными глазами увидеть это чудовище. Денни представил себе отца, завладевающего бабочкой и спешащего приколоть ее к стене кабинета в добавление к другим своим трофеям.

— Они не подходят, — сказал Денни.

— Почему они не подходят?

— Потому что не подходят.

— Выражайся определеннее,— бросил отец, гневаясь.

— Я хочу положить туда кое-что, для чего другие не подходят.

— Ты останешься на том месте, где стоишь, не двигаясь до тех пор, пока не скажешь, что ты подразумеваешь под этим «кое-что». — Отец снял очки и уселся в кресле поудобнее, чтобы подчеркнуть, что готов, если понадобится, ждать весь день.

— Куколки, землю, веточки и чем их кормить, — пробормотал мальчик.

Мужчина уставился на ребенка так, словно перед ним находилось затравленное животное при последнем издыхании.

— Ты хочешь поместить всю эту мерзость в табакерку?

Денни ничего не ответил, и отец продолжил:

— Уж не сомневаешься ли ты случаем в том, что она мне была подарена магарани Юдэпюра? Имеешь ли ты хоть малейшее понятие о действительной стоимости этого предмета, не говоря уже о его ценности как памяти? И, исключая другие возражения, которые я мог бы привести, разве не видишь ты, что эта вещь служит именно для того, для чего предназначена? Если

ты хоть на мгновение подумал, что я высыплю лучший табак из лучшей табакерки, чтобы ты использовал ее для гусениц, то ты сильно ошибся, мой мальчик.

Он подождал, какое впечатление произведет его речь, потом добавил:

— Сходи спроси у Этель, пусть она даст тебе цветочный горшок.

Бесполезно было объяснять, что тогда он не сможет наблюдать за своим экспонатом. Ни слова не говоря, Денни повернулся и вышел, не закрыв за собой двери.

Отец окликнул его, но он сделал вид, что не услышал. Когда он поднялся на площадку второго этажа, внизу хлопнула дверь.

Он потерял полчаса, а бабочка, ставшая, он был уверен в этом, хозяином своего тела, уже пыталась взлететь.

Сделать можно было только одно. Денни направился в угол, где хранились инструменты. Возвратившись, снял крышку с лампового стекла, залез пинцетом внутрь, ухватил бабочку, не без грубости, хотя и стараясь не попортить крылья. Достал, и еще раз ее великолепие, насчитывавшее всего несколько часов, наполнило его ощущением всемогущества. Без колебаний он погрузил бабочку в банку с цианидом.

Крылья неистово забились, прилагая усилия, которые должны были поднять ее в первый полет в весеннем ветерке. Задыхаясь, Денни выжидал, боясь, как бы крылья не повредились. Облепленное пыльцой брюшко вздрагивало во все убыстряющемся ритме, усики метались и корчились; судорожно изогнувшись, брюшко сложилось почти пополам. Внезапно глаза, так и не узнавшие солнечного света, остекленели. Но Денни показалось, что он видит собственное деформированное изображение на их поверхности черного фарфора, словно бабочка в этот момент запечатлела его образ в своей памяти.

Денни открутил крышку, вынул бабочку, проткнул тело булавкой, взятой из черного бумажного пакета, и приколол ее на стену в изножии кровати. Он выбрал для бабочки место в центре желтой ивы. Теперь это первое, что он будет видеть утром и последнее вечером.

Прошло несколько дней и ночей; Денни, нервы которого все еще были напряжены, чувствовал себя в каком-то смысле так же, как должен чувствовать герой, возвратившийся после одного из своих подвигов. Преж-

девременная смерть бабочки была, возможно, событием счастливым, поскольку отныне, в своей смерти, она стала принадлежать ему бесповоротно.

На лужайках уже часто встречались капустницы, и Денни выходил со своим сачком ловить их, но они были чересчур обыкновенны, чтобы ему хотелось их сохранить, и, поймав, он залезал рукою в сачок и давил очередную капустницу, вытирая затем измазанные пальцы о траву.

Спустя неделю после смерти бабочки Денни был разбужен ночью чем-то, что с настойчивостью билось в стекло его окна. Он соскочил с кровати, зажег свет и начал вглядываться в наружный мрак. Но при включенном свете он ничего не сумел разглядеть, и оно исчезло. Осознав, что зажженная лампа, делая невидимым находящееся снаружи, может, однако, привлечь то, что пыталось проникнуть внутрь, Денни лег в постель, оставив свет включенным, а окно открытым. Он хотел подождать, но вскоре снова заснул.

Проснувшись, он обыскал всю комнату, но не обнаружил ни малейшего следа ночного визита. Вероятно, в стекло бился майский жук или лунная бабочка, хотя, пожалуй, это выглядело более тяжелым, подумал Денни. И он отправился затем, что стало уже ежеутренним ритуалом, посмотреть на бабочку, приколотую к стене. Он не был полностью уверен, но ему показалось, что на пыльце одного из крыльев появилось пятно, а жировой потек под телом на обоях увеличился по сравнению со вчерашним. Он приблизил лицо к насекомому, чтобы рассмотреть его получше. И инстинктивно отшатнулся: запах был невыносимым.

На следующий вечер Денни оставил окно распахнутым настежь и после полуночи проснулся от прикосновения к лицу. С перепугу он ударил себя ладонями по щекам. Он почувствовал под руками нечто неприятное на ощупь. Оно было податливым и в то же время липким. И что-то вроде маленького коготка оцарапало ему ладонь.

Соскочив с кровати, Денни включил свет. В комнате ничего не было. Наверное, его задела крылом летучая мышь. От этого отвратительного предположения он содрогнулся. Но что бы то ни было, оно оставило после себя тошнотворный запах, слегка напоминающий запах от пятна на стене. Денни решительно захлопнул окно, вернулся в постель и попытался заснуть.

Утром, изучая бабочку покрасневшими глазами, он не только обнаружил пятна на крыльях, но и заметил, что рисунки, походившие на пасти и крабов, выглядят четче. Жировой потек еще более распространился по обоям, и запах стал сильнее.

В эту ночь Денни спал с закрытым окном, но в своих снах подвергался нападению множества когтистых, мягких и потных, которые избивали его тело хрупкими крыльями. Внезапно пробудившись, он услышал тот же звук, что и прошлой ночью. Что-то с размаху ударялось в стекло. Оно билось в закрытое окно всю ночь, и Денни, одеревенев под одеялом от напряжения, не мог заснуть. Вонь в комнате сделалась почти осязаемой.

На рассвете Денни поднялся и заставил себя взглянуть на бабочку. Он зажал нос; к своему великому ужасу он увидел, что пятно на обоях, а также крабы и оскаленные пасти стали совсем отчетливыми и заметно увеличились в размерах.

В первый раз за последние месяцы Денни покинул свою комнату и не возвращался до того времени, когда уже пора было ложиться спать. Он еще более оттянул момент, попросив отца почитать ему немного вслух. Это терпелось легче.

Зловоние в его комнате было таким, что Денни, не осмелившемуся открыть окно, пришлось приоткрыть дверь, выходившую на лестничную площадку. Тусклый свет вестибюльной лампы, пройдя все повороты лестницы, проникал в его комнату совсем ослабевшим. Но из какой-то зловредности плотность освещения концентрировалась на стене, там, где находилась приколотая бабочка. Лежа в постели, Денни не мог отвести от нее глаз. Два краба на задних крыльях, казалось, изо всех сил стараются доползти до оскаленных пастей на передних крыльях. Широко раскрытые пасти выглядели готовыми принять их.

Этой ночью удары крыльев в окно, едва разбудив Денни, неожиданно прекратились. Свет на нижнем этаже был потушен. В комнате царила темнота. Свернувшись в клубок, он натянул на голову простыню и, наконец, заснул.

Через некоторое время что-то проникло в дверь и полуползком-полулетом достигло кровати. Пробуждаясь, Денни заорал, но его крик был чересчур приглушен, чтобы услышали отец или Этель, поскольку то, что его

вызвало, проскользнув под простыню, залепило ему своей клейкой массой рот.

Барахтаясь, как тонущий, маленький мальчик отбросил покрывало и сумел скинуть то, что разлеглось на его лице. Когда к нему вернулась смелость, он протянул руку и включил свет. В комнате ничего не было, но на простынях оставались пятна блестящей пыльцы, почти черной, почти пурпурной, почти зеленой, не имевшей, однако, в точности ни одного, ни другого, ни третьего цвета.

Денни спустился к завтраку, не взглянув на бабочку.

— Неудивительно, что ты так бледен, — сказал ему отец.— Если этот запах, переполняющий дом, представляет всего лишь половину того, который должен стоять в твоей комнате, то, спрашивается, как ты вообще не задохнулся? Что ты устраиваешь там наверху? Кладбище для чешуекрылых? Даю тебе времени до полудня, чтобы все это выкинуть.

Весь день Денни держал окно распахнутым настежь. Майское солнце было ослепительным. Чтобы задобрить отца, он вынес коробку с образцами, имевшимися в двойном количестве. Он показал их отцу.

— Фу,— сказал тот.— Выбрось их подальше от дома.

Несмотря на дурной запах, Денни лег спать при плотно закрытых окне и двери. Светила луна, и один из ее лучей всю ночь держался на стене. Денни не мог оторвать глаз от бабочки.

Крабы и пасти занимали теперь всю ширину крыльев, и, Денни мог поклясться, крабы шевелились. Они выглядели рельефными, возможно, из-за светотени, создаваемой лунными лучами на рисунках, припудренных белой и красной пыльцой. Клешни, казалось, изготовились к нападению на пасти, или же это зубы жутко белого цвета поджидали момент, чтобы сомкнуться на крабах? Денни вздрогнул и закрыл глаза.

Наконец, пришел сон, но он был прерван ударами крыльев в стекла. Едва это прекратилось и Денни немного расслабился, как оно было уже у двери, стуча в нее с такой настойчивостью, словно впустить его являлось абсолютной необходимостью. Время от времени этот стук прерывался приглушенными ударами по дверной панели. Это, вероятно, подумал Денни, его мягкое и мясистое тело.

Если он переживет эту ночь, Денни обещал себе уничтожить бабочку на стене. Или, что лучше, чем по-

терять ее окончательно, он подарит ее отцу, а тот в свою очередь преподнесет ее, от имени Денни, какому-нибудь музею.

На мгновение ему удалось отвлечься от негромких ударов, которые теперь снова вернулись к окну, поскольку мысленно он видел витрину, где хранилась бабочка, и под ней табличку с надписью:

Уникальный экземпляр чешуекрылого. Дар м-ра Денни Лонгвуда, двенадцатилетнего возраста.

Всю ночь, сначала в окно, затем в дверь, продолжались удары крыльев, лишь изредка прерываемые глухим шумом мягкого и тяжелого тела.

Подремав час или два, Денни поутру нашел свое ночное решение неприемлемым. Бабочка дурно пахла: это было неоспоримо. Что касается истории с рисунками в форме крабов и пастей, размер которых, похоже, увеличивался, а цвет становился все ярче, то кто-нибудь разбирающийся в этих делах мог, вероятно, объяснить феномен. А легкий стук в окно и дверь — это действительно то, что он и предположил вначале: летучая мышь, или, в случае надобности, две мыши. Бабочка на стенке мертва; она его. Он ее вывел, и он знает пределы возможностей бабочки, мертвой или живой. Он осмотрел ее. Пятно так сильно расползлось, что диаметр его стал таким же, как и размах крыльев. И сверх того, это не было в точном смысле пятном. Словно по обоям оползала какая-то кашица. Со временем оно, как и другие, остановится, когда брюшко окончательно высохнет.

За завтраком отец заметил, что дурной запах не исчез, а скорее сделался еще более сильным. Денни в ответ предположил, что, возможно, понадобится один или два дня для полного его исчезновения.

В конце завтрака отец сказал сыну, что тот выглядит совсем плохо и что стоило бы показаться доктору Фиппсу.

— Сколько ты весишь? — спросил он.

Денни не знал.

— У тебя совершенно иссохший вид, как у твоих куколок.

И в эту ночь светила великолепная луна. Несмотря на логичность утренних рассуждений, у Денни возникла и окрепла уверенность в том, что движение белых и киноварных крабов к белым зубам больше, чем простая галлюцинация. Снова начались удары крыльев в окно. Затем в дверь. Затем опять в окно. В известном смысле,

это было хуже приглушенного звука, производимого время от времени телом, натыкающимся на препятствие. Он попытался подняться и выглянуть наружу, когда шум ушел от окна, но его члены отказались ему повиноваться. В отчаянии он снова посмотрел на стену. Крабы щелкали клешнями, смыкая их каждый раз, как крылья ударяли о стекло. И каждый раз, когда жирное мягкое и сырое тело глухо шумело, зубы внутри тонкогубых пастей клацали.

Неожиданно смрад в комнате сделался еще более тошнотворным. У Денни не оставалось иного выхода, кроме как добежать до двери, пока это таинственное создание бьется в окно. Он мог сколько угодно ненавидеть отца, но неверие, скептицизм последнего были предпочтительнее этого ужаса.

Боясь обнаружить свой замысел, Денни не включил света. Уже посреди комнаты, не переставая трястись, он непроизвольно повернул голову, и одно мгновение его лихорадочно горящие глаза видели это создание снаружи, перед тем как оно исчезло.

Денни бросился к двери, отомкнул ее, но когда он нажимал на ручку, что-то навалилось на дверь с другой стороны, толкнуло и открыло ее.

К концу завтрака отец Денни послал Этель наверх поглядеть, что происходит. Вернулась она настолько не в себе, что он поднялся посмотреть сам.

Денни лежал на полу, в пижаме, недалеко от двери. Кожа его лица, лица надменного отшельника, была испещрена царапинами и ранками, похожими на следы от резцов и шипов, а от носа, глаз, ушей и рта начиналась сеть клейких нитей, покрывавших все лицо и заканчивающихся на полу, словно нечто пыталось зафиксировать его голову. Отец поднял его с трудом, настолько упорно нити цеплялись за шерстинки голубого ковра.

Тело в руках отца весило не больше, чем перышко. Мысль о том, что сын, конечно же, был чересчур худым, бестолково мелькнула в его сознании.

Когда он выносил сына из комнаты, его взгляд привлекся пятном на обоях в изножии кровати. Рисунок ивы полностью исчез под какой-то расползающейся пролиферацией, заставляющей думать о грибах. Держа сына на руках, он приблизился. В центре была воткнута булавка, и зловонный запах, установил м-р Лонгвуд, исходил именно от этого пятна.

Стюарт КЛОЭТ

КОНГО

Пусть в эту историю, которую мне нужно рассказать, верит тот, кто хочет. Но ты, Ретиф, ты непременно должен поверить, ибо, если она попала в твои руки, значит, ее собственному существованию угрожает опасность. А я, пишущий эти строки, прожил ее с самого начала; на первом этапе простым зрителем, затем уже в качестве актера. Следовательно, речь идет не о романе, а о значительной части моей жизни, которая не оказывает мне чести и не бесчестит, но которая, боюсь, в конце концов меня поглотит. В самом деле, сейчас, когда я делаю из нее рассказ, я еще не знаю окончания.

В юности мне повезло стать учеником знаменитого Ле Грана из Брюссельского университета. Он выбрал меня на место своего ассистента. Он полагал, что у нас с ним много общего. Действительно, в биологии я придерживался тех же взглядов, что и он, но мы смотрели на одни и те же вещи разными глазами. Его разносторонний ум способен был объять всю вселенную, моего хватало лишь на то, чтобы со всей методичностью сосредоточиться на частных изысканиях. Именно по этой причине он взял меня на службу и попросил сопровождать его в Конго. Мы успешно завершили эксперименты в Королевском ботаническом саду, и нашу экспедицию профинансировали Научно-исследовательское общество и Фонд содействия при Тропических товарах. И в великолепных финансовых условиях мы отправились продолжать изыскания в эту отвратительную страну.

Предметом исследовательского интереса нашей экспедиции был латекс, сок каучуконосов. В результате экспериментов, проведенных в оранжереях, профессор Ле Гран обнаружил, что этот сок обладает необыкновенными стимулирующими свойствами: будучи введен в растительные ткани, вдвое ускоряет их рост. Самые

прогрессивные представители медицинского корпуса увидели в сделанном открытии грядущую революцию в терапии, но для Ле Грана эта гипотеза станет неопровержимо доказанной только после экспериментов, проведенных им за пределами ограниченных лабораторных полей.

Мне запрещено точно указывать район, где мы остановились: секретность является правилом в таких случаях. События, о которых я собираюсь сообщить, произошли давно, но исследования продолжаются нашими преемниками.

Нас встретил тропический лес во всем своем чудовищном изобилии; гигантские деревья, многие из которых, по утверждению Ле Грана, насчитывали не менее тысячи лет, стояли такой плотной массой, что солнце никогда не достигало их подножий. Изредка встречались прогалины, обрабатываемые туземцами первобытным способом, они выращивают там бананы, просо, маис, сладкий батат, круглую тыкву, арахис и несколько разновидностей фасоли. Почва плодородна, и урожаи обильны, что все-таки удивляло нас, учитывая применяемые методы.

Время от времени маисовые поля опустошают слоны, но наибольший урон плантациям наносят гориллы. Разорение обнаруживается не сразу, ибо они настолько пронырливы и хитры, что воруют малыми количествами, и если не пересчитывать стручки, то ущерб замечается не ранее сбора урожая.

Мы отправились втроем, так как незадолго до нашего отъезда Ле Гран женился. Ее звали Елена Магродвата. Это была молодая девушка русско-греческого происхождения, с волосами настолько светлыми, что они казались белыми. Она умела немного стенографировать, печатать на машинке и работала с Ле Граном, потому что являлась единственным человеком, способным разобрать его почерк. Она была почти красивой, когда не носила очки. Не знаю, что склонило профессора к женитьбе: отсутствие ли других способов получить желаемую женщину, или же он решил поставить еще один опыт. В его бумагах я не нашел ни одной записи, подтверждающей или опровергающей то или другое предположение, а в разговорах со мной он никогда не брался за эту тему.

Мы поселились в маленьком, побеленном известью бунгало, построенном специально к нашему приезду, и

в один прекрасный день Елена родила мальчика. Все прошло благополучно. Ле Гран и я были медиками, а Елена имела крепкое телосложение.

Впрочем, несмотря на заразный климат, все мы пребывали в прекрасном состоянии здоровья. Вероятно, мы были первыми белыми, способными сопротивляться мириадам *Анафолес Макулипеннис*, возбудителям малярии, употреблять, без особых последствий для себя, гнилую воду,— все, чего не выдерживают даже туземцы. Этим мы были обязаны профессору Ле Грану, который разработал и изготовил сыворотку. Когда она поступит в широкую продажу, все эти заболоченные и гибельные районы станут обитаемыми. Думаю, одной из причин, побудивших Ле Грана выбрать Конго, было желание проверить действие сыворотки на трех человеческих особях разного пола и национальности.

Одна из трех сывороток, которые он нам давал, имела очень действенные тонизирующие свойства: мы не только хорошо себя чувствовали, но, поистине, излучали здоровье.

Младенец с каждым днем прибавлял в весе; Елена была от него без ума. Из работы на ней оставалось лишь печатание еженедельного отчета — все свое время теперь она посвящала ребенку. Что касается профессора, он проявлял к новорожденному интерес, казавшийся больше профессиональным, чем отцовским, но когда ребенок умер, он обнаружил неподдельную скорбь. В тот день мы были в лесу, взвешивая латекс, когда прибежавший туземец сообщил, что младенец укушен змеей. Когда мы добрались до дома, ребенок был уже мертв, а Елена находилась на грани сумасшествия. Оставлять ее одну было нельзя. Ле Гран осознал это лишь после того, как она пыталась покончить с собой. Состояние Елены значительно осложнило нашу работу. Одному из нас приходилось оставаться присматривать за ней, и выходили мы по очереди.

Месяц спустя после этой драмы, во время нашего завтрака нам сообщили, что поймана горилла. Елена еще не вставала, и, воспользовавшись этим, мы вдвоем отправились к месту поимки: животное попалось в ловушку, устроенную среди посадок маиса, скрывавших ее. Туземцы стояли вокруг ямы и молча смотрели на истекающего кровью зверя. Создавалось впечатление, что они присутствуют скорее при совершении религиозного обряда, чем при развлечении; нечто вроде заклинания

злых духов. Впрочем, разве горилла не является демоном-опустошителем плантаций?

Мы проложили себе путь к яме; горилла выла от боли и ярости. Это была самка, и мы заметили, что она должна вскоре родить. И тогда Ле Гран изложил свой замысел.

— Поспешите, — сказал он, — я хотел бы иметь малыша живым, а матери жить осталось совсем немного.

Действительно, копье пробило ей правое легкое.

— Ступайте побыстрее за моей сумкой и хлороформом. Нужно положить конец этому жуткому зрелищу.

Таким образом родился Конго, как мы назвали его позже. Под руководством Ле Грана туземцы согласились сковать пленницу, и к моему возвращению зверь был прочно опутан проволокой и в бешенстве скрежетал зубами. Спуститься в яму, где лежит связанная самка гориллы, это подвиг, который я совершил один раз и никогда больше не повторю. Сила этих животных невероятна, согнуть дуло ружья им легче, чем нам булавку.

Она лежала, злобно оскалившись, ее вывернутые губы обнажали хищные клыки, зрачки глаз под щетинистыми бровями расширились от страдания.

Этот взгляд мне уже доводилось видеть: в глазах одного безумца, убившего трех человек. То же самое сочетание жестокости и коварства. Стало понятно, что она собирает силы для последнего броска: когда мы оказались в ловушке, мощные брюшные мышцы напряглись и из сосцов потекло молоко. Несколько мгновений мне казалось, что сейчас она разорвет путы, и в этом случае ей не понадобилось бы много времени, чтобы размазать нас по земле. Я считал свой характер более твердым, но вид этого могучего связанного зверя, перепачканного слизью и кровью, потряс меня. Вырываясь и барахтаясь, она сумела поймать руку одного туземца: он умер и никто не смог прийти ему на помощь. Но Ле Гран, одетый в белый халат, с удивительным самообладанием действующий инструментами, был так же спокоен, как при изучении бациллы в микроскоп. Удары его сердца не убыстрились, должно быть, ни на секунду, и ни одного мгновения, надо полагать, он не думал, что подвергается хотя бы малейшей опасности. Эта огромная человекообразная обезьяна являлась для него всего лишь научной проблемой.

Я был далек от того, чтобы разделять эти олимпий-

ские чувства: находился в полном смятении и, словно обладая даром провидения, уже знал, что ничего хорошего не может выйти из этой бесчеловечной затеи. На научном поприще мне приходилось участвовать во многих странных экспериментах, но никакой из них не сравнится с этим кесаревым сечением, проделанным в самом центре конголезских джунглей.

Я не помню теперь, какую дозу хлороформа мы использовали. Значительное количество, конечно, было пролито, и к концу операции бутылка стала совсем легкой. Таким образом, помимо всего прочего мы сократили агонию животного: из искусственного сна оно перешло в сон смерти. Детеныш гориллы был завернут и передан на попечение туземцу, работавшему в подобии госпиталя, устроенного в нашем лагере. Профессор отмечал размеры обезьяны, а я производил вскрытие. И тогда мы увидели внезапно появившуюся Елену, которая прижимала к груди младенца гориллы.

Я легко представляю себе, как это произошло: она встала, начала нас искать и наткнулась на туземца, несущего детеныша обезьяны, сморщенное лицо которого странным образом напоминает лицо человеческого младенца. Она вырвала новорожденного из рук Соломона — так звали туземца — и по ассоциации идей перенесла на это хрупкое создание материнскую нежность, лишившуюся недавно своего предмета. Маленькая горилла цеплялась за нее изо всех сил. Как только я увидел Елену, сразу же понял, что ее сердце усыновило этого младенца.

— Посмотрите, — сказал я профессору.

— Итак, — ответил он, распрямляясь, — она его приняла.

Я никогда не узнаю, какая мысль владела моим учителем, когда он затеял эту операцию.

А Елена, сознавала ли она свои поступки? Но что нам известно о Елене? С ее двойственным происхождением и кровью, насыщенной экспериментальными сыворотками? Ле Гран полагал, вероятно, что решение этой проблемы отыщется позже.

— Отведите ее в дом, — сказал он мне, — и пришлите пробирки и спиртного.

Он вернулся уже на закате; при его появлении Елена произнесла лишь одну фразу:

— Он мой.

В следующем году мы возвратились в Брюссель.

Теперь нас было четверо, так как для Елены это была не горилла, это был ее ребенок. Профессору пришлось употребить все свое влияние в Пароходной Компании, чтобы получить каюту, которую она могла бы разделить с этим необычным пассажиром. Малыш гориллы начинал выть, как только она делала вид, что собирается его оставить.

Елена звала его «бэби». Профессор тоже, время от времени. Я по мере возможности избегал говорить об этом. Я ничего бы не имел против, если бы она обращалась с ним как с ручным животным, но он спал в ее постели, в то время как Ле Гран жил со мной в одной каюте. Елене было тогда двадцать лет. Я не стану рассказывать о восьми последующих годах, это составляет тему, на которую предпочитают не распространяться.

Так же ничего я не скажу о нашей совместной жизни с «этим», которому было теперь около девяти лет. Но напомню, что Елена была красивой, профессор же немолодым и обычно очень рассеянным. А я не был создан иначе, чем другие мужчины. Что касается подростка гориллы, то он нас ненавидел в одинаковой степени, профессора и меня, а был он уже намного сильнее, чем мы...

Елена одевала его как мальчика соответствующего возраста: в матросский костюмчик и даже с носками и обувью; ел он с нами за столом, лицо его было морщинистым, как у старика. Он продолжал спать в комнате Елены, а профессор ложился в своем кабинете. Его кожаная постель с простынями и одеялами располагалась в углу комнаты, что в случае с ребенком являлось бы недопустимым. Елена с женской непоследовательностью относилась к нему в одно и то же время как к человеческому существу и как к собаке. Но Конго не был собакой. Он испытывал любовь и ненависть первобытного человека, поскольку, если по происхождению он являлся человекообразной обезьяной, то по воспитанию достиг уровня неандертальца. И он был влюблен в Елену.

Я сознательно употребляю слово «влюблен». Его чувства не были сыновними. На богатой протеинами пище он рано созрел. Хотя его обхождение с Еленой напоминало поведение ласкового ребенка — он цеплялся за ее руку, юбки, забирался на колени, обнимал за шею и целовал в губы, — в его глазах, когда он думал, что на него не смотрят, читалось желание. Он испыты-

вал свои силы в наше отсутствие. Он больше не ломал вещей — уже миновал эту детскую стадию,— но однажды я застал его за тем, что он нес дорожный сундук в вытянутой руке без малейшего усилия, а весил тот семьдесят пять килограммов. В эту пору он имел объем груди метр сорок, рост метр шестьдесят и вес восемьдесят пять килограммов. С того времени он стал гораздо сильнее.

Сначала говорили, что это несчастный случай, потом решили впутать меня. Мотив найти было нетрудно: ревность. Ревность к его жене, к положению, которое мой учитель занимал в научном мире,— утверждали так. Но в день несчастного случая я некоторое время отсутствовал — нужно было прочитать лекцию, — иначе ничто бы меня не спасло: он назначил меня душеприказчиком и завещал свои книги и рукописи. И вот, я не только потерял самого близкого друга, но и рисковал быть обвиненным в убийстве.

Ничто больше не препятствовало моей женитьбе на Елене. Какой же нормальный человек мог бы жить рядом с молодой красивой женщиной — да еще в таких странных обстоятельствах — и не влюбиться? Кроме того, Елена не умела обходиться без меня, даже когда Ле Гран был еще жив, а после его смерти и подавно. Я оберегал ее от внешнего мира — ее и Конго. Она продолжала быть без ума от этого мерзкого животного, и ничто не могло оторвать ее от него, даже любовь ко мне.

Ле Гран необъяснимым образом выпал из окна. Квартира, в которой мы жили, находилась на пятом этаже. В руках он держал кувшин для воды. Я очень хорошо представляю себе, как он поскреб кончиком пальца землю в цветочном горшке, прежде чем полить ее. В последнее время он как-то очень быстро одряхлел. Он не должен был услышать входящего в комнату Конго — передвигался тот с легкостью кошки, да и пол был покрыт ковром. Я представляю эту сцену так, словно сам при ней присутствовал: руки чудовища, обрушивающиеся на моего учителя, его крик и звук разбивающегося об асфальт тела.

Я уверен, что и Елена, так же точно, как я, знает убийцу своего мужа, — но ни разу нам не хватило духа заговорить об этом. И я знаю, что теперь она дрожит

за меня. Она никогда не оставляет меня одного с обезьяной. Я подумывал отравить его мышьяком, но Елена бы догадалась об этом, так как у нее достаточно медицинских познаний, и она посчитала бы меня убийцей — убийцей ее сына. Я собираюсь применить альбумин, пяти кубических сантиметров вполне хватит.

Это опасная игра; быть может, время будет на моей стороне. Ожидая, я всегда вооружен, под предлогом, что по ночам мне приходится бывать в мало безопасных районах. Елена как-то сказала:

— Пистолет мешает тебе. Он мнет костюм. Зачем ты его постоянно держишь при себе?

Это браунинг тридцать второго калибра. Я даже не знаю, могут ли его пули остановить нападающего. Все же он меня успокаивает, на короткое время. Но сегодня у меня ощущение, что моя тревога обретает явственные очертания, хотя я и не в состоянии определить, что именно мне угрожает. Поэтому я оставил научный труд и пишу это письмо. Нужно, чтобы кто-нибудь знал.

Уильям Хоуп ХОДГСОН

СВИСТЯЩАЯ КОМНАТА

Карнаки дружески погрозил кулаком, когда я прибыл с некоторым опозданием. Затем он открыл дверь, ведущую в столовую, и мы вошли все четверо: Джессоп, Аркрайт, Тэйлор и я.

Мы обедали совсем как обычно, и, так же как обычно, Карнаки не был слишком болтлив за едой. Под конец обеда мы пересели выпить вина и выкурить по сигаре, и Карнаки, удобно устроившись в своем большом кресле, начал без предисловий.

— Я только что вернулся из Ирландии, — сказал он, — и подумал, что вам будет интересно услышать последние новости. Кроме того, мне кажется, и в моей голове кое-что прояснится, если я расскажу эту историю. Должен заметить, однако, что уже вначале я был поставлен в тупик, в котором и продолжаю пребывать. Я столкнулся с самым необычным случаем, связанным с привидениями — или с дьявольской проделкой, — с каким мне когда-либо приходилось встречаться. Теперь слушайте.

Я провел несколько недель в замке Иастрэй, приблизительно в двадцати милях на северо-восток от Холуэя. Месяцем раньше я получил письмо от некоего м-ра Сида К. Тассока, который недавно купил это поместье, въехал в него и обнаружил, что его владение странное.

Когда я прибыл, он встретил меня на вокзале и отвез в замок. Я понял, что живет он там со своим братом и еще одним американцем, наполовину слугой, наполовину компаньоном. Остальные слуги, все как один,

покинули поместье, и они обходились сами, при помощи приходящей домработницы.

Они довольствовались наспех приготовленной пищей, и Тассок поведал мне о их затруднениях как раз за столом. Это была самая необычайная история, какую мне случалось слышать и в какой мне приходилось участвовать.

Тассок начал свой рассказ с середины:

— В нашем бараке есть комната, откуда исходит адский свист, словно она с привидениями. Начинается это в любое время, непонятно почему, и продолжается до тех пор, пока совсем не умрешь от страха. Это не обыкновенный свист и не ветер. Подождите, и вы услышите сами.

— У всех нас револьверы, — сказал младший брат и похлопал себя по карману.

— Это настолько серьезно? — спросил я.

Старший подтвердил:

— Вы можете посчитать меня слабонервным, но подождите, и вы услышите сами. Иногда я думаю, что эта штука дьявольского происхождения, а через минуту почти уверен, что кто-то играет с нами плохую шутку.

— Зачем? Чего он этим может достичь?

— Вы хотите сказать, — продолжил он, — что у людей обычно имеются серьезные причины, чтобы разыграть такую сложную шутку? Ладно, я объясню. В окрестностях живет дама — мисс Донэгью, — которая через два месяца станет моей женой. Она более красива, чем позволительно, и я, как понимаю, похоже, засунул руку в гнездо ирландских шершней. Есть целая банда пылких молодых людей, которые ухаживали за ней два года, и вот теперь я перебежал им дорогу, они на меня в ярости. Начинаете понимать, что может происходить?

— Да, — ответил я, — может быть. Но несколько туманно. Я не понимаю, как это может воздействовать на комнату.

— Итак, — ответил он, — когда я решил жениться на мисс Донэгью, я начал подыскивать дом и купил этот. После чего, однажды вечером во время обеда я сообщил ей, что собираюсь поселиться здесь. Тогда она спросила, не боюсь ли я комнаты, которая свистит? Я ответил, что это, должно быть, безосновательные выдумки, так как я ни разу не слышал об этом. На обеде присутствовали несколько ее друзей, и я заметил, как

на их губах появились улыбки. Задав несколько вопросов, я узнал, что за последние двадцать пять лет очень многие приобретали этот дом: каждый раз, после некоторого испытательного периода, он снова поступал в продажу. Парни принялись поддразнивать меня и предлагать пари, что я не проживу и шести месяцев в этом бараке. Я смотрел на мисс Донэгью и видел, что для нее это не шутка. Думаю, в манере, с которой нападали на меня эти люди, присутствовала доля иронии, но что касается ее, она вполне серьезно верила в историю о свистящей комнате. После обеда я бросил вызов моим соперникам, приняв пари. Некоторые из них станут моими заклятыми врагами, если я выиграю — а именно это и входит в мои намерения. Вот теперь вы знакомы со всей этой историей.

— Не полностью, — ответил я ему.— Я знаю только, что вы купили замок, в котором одна комната «загадочная», и что вы заключили пари. Еще знаю, что ваши слуги были напуганы и сбежали. Расскажите поподробнее об этом свисте.

— Это произошло на вторую ночь нашего приезда. Я тщательно исследовал комнату днем, как вы сами понимаете, поскольку разговор, состоявшийся в Арлестрэе — это дом мисс Донэгью, — меня немного обеспокоил. Но комната не показалась более «загадочной», чем все остальные, расположенные в старой части замка. Пожалуй, она выглядела чуть более заброшенной, но это легко объяснялось теми слухами, которые о ней ходили.

Свист начался около десяти часов вечера, на вторую ночь. Мы с Томом находились в библиотеке, когда услышали загадочный свист, доносившийся из восточного коридора — комната расположена в восточной части, вы знаете.

— Это тот проклятый призрак, — сказал я Тому, и мы, схватив со столов лампы, поднялись посмотреть, что происходит. Признаюсь, когда мы шли по коридору, я чувствовал, как перехватывает дыхание. Звук походил, быть может, на песню, но еще больше на демонический хохот, словно невидимые твари смеялись над нами и собирались вот-вот на нас броситься. По крайней мере, таково было впечатление.

Подойдя к двери, мы сразу же открыли ее, и, скажу вам, шум ударил меня в лицо. С Томом было то же самое: он чувствовал себя ошеломленным и одуревшим.

Мы осмотрели комнату, но наша нервозность была таковой, что мы отступили, заперев за собой дверь. Спустившись сюда, мы выпили спиртного, очень крепкого, и немного пришли в себя. Здорово, однако, нас... Мы взяли палки и провели облаву, уверенные, что дело в этих чертовых ирландцах, устроивших нам призрака. Но нигде ничего не шевелилось.

Мы вернулись в дом, чтобы еще раз проверить комнату. И опять мы не выдержали, сбежали, закрыв дверь на ключ. Я не знаю, чем объяснить такую панику: у меня было ощущение, что я сталкиваюсь лицом к лицу с чем-то крайне опасным. С тех пор мы никогда не оставляем револьверов.

Естественно, на следующий день мы перерыли сверху донизу не только комнату, но также дом и парк. Мы не нашли ничего загадочного. И теперь я не представляю, что думать. Разум мне подсказывает, что все это фарс, разыгранный ирландцами, чтобы одурачить меня.

— И потом?

— Мы караулили ночью у двери, исследовали стены и паркет комнаты, делали все, что приходило в голову. Это начинает нам действовать на нервы. Поэтому мы вызвали вас, специалиста по привидениям.

Мы закончили есть. Как только поднялись из-за стола, Тассок вскричал:

— Тише! Слушайте!

Мы немедленно замолчали и стали слушать. Я услышал невообразимый свист, чудовищный, нечеловеческий, который исходил издалека, проникая к нам через правые коридоры.

— Боже мой, — воскликнул Тассок, — ночь едва началась! Берите свечи, оба, и следуйте за мной.

Через несколько мгновений мы уже поднимались по лестнице, прыгая через четыре ступеньки. Тассок свернул в коридор, мы не отставали, защищая руками пламя наших свечей. Шум, казалось, заполнял весь коридор; по мере того, как мы приближались, у меня возникало ощущение, что воздух всхлипывает под напором какой-то Безмерной и Безумной Силы... как будто мы попали в порочный и чудовищный мир.

Тассок открыл дверь, толкнув ее ногой, прыгнул вперед и выхватил свой револьвер. Шум — тот, кто его не слышал, не поймет описаний — поразил нас: это был получеловеческий, полузвериный рев. В темноте пред-

ставлялась комната, которая шевелилась, трещала, со злобным ликованием издавала отвратительный вопль, явно предназначенный именно нам. Мы оторопели. Словно кто-то сдернул покрывало с огромного кипящего котла и сказал: «Это ад!» И вы бы не сомневались, что это правда. Понимаете хоть немного?

Я сделал шаг внутрь комнаты, поднял свечу над головой, чтобы осмотреться. Тассок и его брат присоединились ко мне. Позади нас появился американец. Я стоял, оглушенный пронзительным свистом, потом неожиданно мне показалось, что кто-то говорит на ухо:

— Выходите отсюда Быстро! Быстро! Быстро!

Вы знаете, друзья, я никогда не пренебрегал подобными предупреждениями. Иногда это может происходить на нервной почве, но, как вы, наверное, хорошо помните, именно это спасало меня множество раз. Итак, я повернулся к другим: «Наружу, — сказал я, — ради всего святого, наружу и быстро!» В одну секунду я выпроводил их в коридор.

Необычайный вой примешался к ужасному свисту. Потом, как громовый удар, разразилась тишина. Я захлопнул дверь и закрыл ее на ключ. Затем обернулся к спутникам. Они были бледны, и я, надо полагать, выглядел не лучше. Мы стояли безмолвно и неподвижно.

— Давайте спустимся и выпьем виски, — сказал, наконец, Тассок голосом, которому силился придать нормальное звучание. Он показывал нам дорогу. Я шел последним и знал, что мы не сможем заставить себя не оглядываться. Когда мы прибыли вниз, Тассок пустил по кругу бутылку. Себе он налил полный стакан и со стуком поставил его на стол. Потом тяжело упал в кресло.

— Приятно иметь у себя укрепляющий напиток, такой как этот, нет? — спросил он и тут же продолжил: — Почему вы заставили нас выйти так быстро, Карнаки?

— Мне показалось, что кто-то говорит выйти быстрее, — ответил я. — Это выглядит немного... суеверно, я знаю, но когда имеешь дело с такого рода вещами, нужно быть внимательным даже к самым нелепым предостережениям и не беспокоиться, будут ли над вами смеяться.

Они со мной согласились.

— Возможно, речь идет всего лишь о ваших так называемых соперниках, которые подшучивают над вами, но лично у меня, хотя я и смотрел в оба, сложилось

впечатление, что Оно одновременно и отвратительное, и опасное.

Еще некоторое время мы продолжали разговаривать, затем Тассок предложил партию на бильярде. Мы приняли предложение без особого энтузиазма и во время игры постоянно прислушивались. Но ничего больше не услышали, и после кофе наш хозяин подал мысль лечь спать пораньше. На следующее утро мы собирались еще раз обследовать комнату, уже детально.

Моя комната располагалась в новой части замка, ее дверь выходила в картинную галерею. Восточная оконечность галереи открывалась в коридор, ведущий к другому крылу. Две старые массивные дубовые двери, отличавшиеся от других, более современных, отделяли галерею от коридора. Когда я добрался до комнаты, я не лег в постель, а начал распаковывать рабочие инструменты. Я намеревался тотчас же приступить к первому этапу расследования необычайного свиста.

Когда в замке все затихло, я выскользнул из комнаты и прошел в большой коридор. Открыл одну из низких дверей, светя перед собой электрической лампой. Коридор был пуст, и я, переступив его порог, закрыл за собой дубовую дверь. Затем вошел в длинный коридор, светя по очереди вперед и назад и держа руку на револьвере.

На шее у меня висело «защитное ожерелье» из чеснока, и его запах наполнял, по пути моего следования, весь дом, что придавало мне некоторую уверенность. Как вы знаете, это лучшая «защита» от демонов и демониц, которые, по моему мнению, могли быть причастны к этому свисту, хотя в тот момент моего расследования я считал, что дело в совершенно естественной причине. Любопытно отметить, но в большинстве загадочных случаев нет ничего сверхъестественного.

Помимо ожерелья, я засунул головки чеснока в уши, и так как не собирался оставаться в комнате дольше нескольких минут, то надеялся, что не подвергнусь никакой опасности.

Когда я добрался до двери и уже потянулся за ключом, я был охвачен сильным страхом. И все же я не отступил! Я отомкнул дверь, повернул защелку, толкнул створку ногой, как Тассок, и достал револьвер, хотя, по правде говоря, не думал, что мне придется им воспользоваться.

Я осветил всю комнату лампой, потом вошел с ужас-

ным ощущением подстерегающей опасности. На несколько секунд я замер неподвижно, выжидая. Ничего не произошло, и комната оставалась пустой. Но я чувствовал, что она наполнена преднамеренным молчанием, таким же пугающим, как и звуки того, что я называл «Оно»... Пагубное молчание... грозное спокойствие Его, которое наблюдает за вами, в то время как вы ничего не видите, и Оно знает, что вы в его власти. О! да, я сразу узнал Его и обшарил комнату лучом света. Я не терял ни минуты. Запечатал оба окна волосом, и пока корпел над работой, воздух вокруг меня заряжался электричеством, и тишина достигла невыносимой плотности. И я понял, что не смогу ничего сделать в этой комнате без «полной защиты», поскольку был уверен, что дело не в простой материализации астрального тела, а во влиянии намного более гибельном: в воздействии сатанинской ауры.

Запломбировав окно, я поспешил к камину. Он был огромным и поддерживался железными кронштейнами в форме виселицы. Я запечатал входное отверстие семью волосками, седьмой пересекал шесть первых.

Когда я уже почти закончил, в комнате послышался свист, густой и издевательский. Дрожь пробежала вниз по моему позвоночному столбу и затем снова поднялась к черепу. Неописуемый шум заполнил комнату, уродливая пародия на человеческий свист, в то же время чересчур громкий, чтобы выйти из гортани какого-либо человека, если, конечно, он не издавался каким-нибудь гигантом вроде Гаргантюа. Я приложил последнюю печать, уверенный, что столкнулся с одним из тех очень редких и страшных случаев, когда Неодушевленные сохраняют способности Одушевленных. На ощупь я схватил лампу и достиг двери, продолжая глядеть через плечо и насторожив все мои чувства, чтобы воспринимать Его. И в тот момент, как я коснулся дверной ручки, грянул крик, яростный, неистовый, превосходящий по силе едва модулируемый свист. Я бросился наружу, захлопнул и запер дверь.

Задыхаясь, я прислонился к стене коридора: мои нервы не выдерживали этого крика... «Священные предметы не могут защитить тебя, если Чудовище имеет способность говорить через дерево или камень». Так утверждает отрывок из Зигзанда. По опыту я знал, что это правда. Ничто не защитит вас от бесформенного явления Демона. Все же, можно прибегнуть, на корот-

кое мгновение — время «пяти ударов сердца», как предсказывает Зигзанд, — к священной защите, воззвав к Непознанной Последней Фразе Ритуала Саамаа. Но эта защита не всегда эффективна, а ужас перед опасностью может парализовать вас.

Теперь внутри комнаты стоял задумчивый и непрерывный свист. Потом он прекратился, но тишина была еще более нестерпимой, поскольку отчетливей подчеркивала гнетущую и порочную злобность.

Скрещенными волосками я запечатал, наконец, и дверь, пробежал нескончаемый коридор и завалился в постель.

Кое-как я заснул. Но к двум часам ночи меня пробудил свист, проникший сквозь закрытые двери. Свист заставлял вибрировать замок в ритме ужаса. Казалось, все демоны вселенной собрались в конце коридора на шабаш.

Я поднялся и сел на край кровати. Не нужно ли проверить печати, наложенные на двери комнаты, спрашивал я себя, когда ко мне постучал и вошел Тассок. Поверх пижамы на нем был накинут халат.

— Я подумал, что вы проснулись. И пришел поболтать с вами, — сказал он. — Я не могу спать. Прекрасно, не правда ли?

— Чрезвычайно, — ответил я и протянул ему портсигар.

Он закурил. Мы проговорили более часа. И все это время в конце коридора продолжался шум.

Неожиданно Тассок встал.

— Давайте возьмем револьверы и сходим проведаем эту скотину, — сказал он, направляясь к двери.

— Нет, ради всего святого. НЕТ! Я пока еще ничего не знаю в точности, но думаю, комната...

— С привидениями. Она, действительно, с привидениями? — спросил он без своей обычной иронии.

Я не мог ответить ни отрицательно, ни утвердительно, но вскорости надеялся составить об этом окончательное мнение. Я прочел ему маленькую лекцию о Ложной Ре-Материализации Одушевленной Силы через Неодушевленную Инертность. И тогда он начал понимать всю опасность столкновения с этой Материализацией Злых Сил.

Примерно через час свист резко прекратился, и Тассок вернулся к себе. Я тоже лег и ненадолго заснул.

Утром я отправился в комнату. Я нашел печати,

приложенные к двери, в неприкосновенности. Я вошел. Печати на окнах и волоски оставались нетронутыми, кроме седьмого, на каминном колпаке, который был порван. Это заставило меня задуматься: волосок мог лопнуть от того, что я натянул его чересчур сильно. Но ведь и что-нибудь другое тоже могло его порвать. Все же, маловероятно, чтобы какой-либо человек сумел проникнуть в комнату, не разорвав всех волосков, которые были совершенно незаметны.

Я снял остальные волоски и печати. Затем вошел в камин, труба которого поднималась совсем прямо, и увидел вверху синеву неба. Не было ни уголка, ни закоулка, который мог бы послужить тайником. Но я перестал бы себя уважать, доверившись наружному осмотру. После завтрака я натянул свою спецодежду и вскарабкался по трубе до крыши. Я простучал внутренние перегородки, но не нашел ничего подозрительного.

Я спустился вниз и перерыл всю комнату: паркет, потолок и стены.

Молотком и пробойником я прозондировал, квадратами по шесть дюймов, все площади поверхности комнаты. Все было нормально.

За три недели, так же тщательно, я обшарил весь замок, ничего, однако, не обнаружив. Я пошел дальше: однажды ночью, услышав начавшийся свист, подключил микрофон. Если свист производился каким-либо механизмом, я бы непременно выявил способ действия машины. Это, как вам еще предстоит узнать, современное средство обследования.

Конечно же, я не думал, что кто-нибудь из соперников Тассока установил механический двигатель, но не исключалось другое решение: годы назад могли спрятать свисток, предназначенный отпугивать любопытных и внушать, что комната с привидениями. И в этом случае кто-либо, знакомый с секретом, мог использовать его, чтобы сыграть с Тассоком демоническую шутку. После того как микрофонный анализ стен ничего не дал, у меня больше не осталось никаких сомнений: комната была с привидениями.

Тем временем, каждую ночь, а иногда и в течение всей ночи, свист нестерпимо скрежетал на весь замок. Злой Дух бесился из-за моих исследований? Время от времени, бесшумно, в носках, я поднимался на цыпочках к запечатанной комнате. Когда я подбирался к ней, свист превращался в издевательский, словно Оно виде-

ло меня сквозь закрытую дверь. Я оставался там неподвижно, часами, прислушиваясь к комнате, с таким ощущением, будто потревожил шабаш.

К концу первой недели я натянул волоски вдоль всех стен и потолка. Напротив, на полу из полированного камня, я разложил маленькие бесцветные облатки для запечатывания писем, повернутые липкой стороной к потолку. Каждая облатка была пронумерована и расположена строго в определенном порядке, что должно было мне позволить проследить приходы и уходы Живого Создания. Таким образом, было невозможно кому-либо проникнуть в комнату, не оставив следов. Но ничто не было потревожено, и я уже начинал склоняться к мысли, что мне придется провести ночь в Магнитной Пятиконечной Звезде. Представляете? Это было несомненным сумасшествием, но я уже настолько исчерпался, что готов был испробовать что угодно.

Однажды вечером, ближе к полуночи, я разорвал печать на дверях, чтобы бросить быстрый взгляд в комнату. Вой безумия встретил меня. Стены, казалось, разбухали, словно намереваясь раздавить меня. Должно быть, это следствие моего воображения, но и одного этого воя вполне хватило, чтобы я сразу же захлопнул дверь. Ноги стали ватными. Вам, вероятно, знакомо это ощущение.

Я уже достиг той стадии, на которой обычно решаются на самые отчаянные поступки, как вдруг совершил открытие, показавшееся мне важным.

Было около часа ночи, я медленно обходил замок, ступая по мягкой траве. Я подошел к восточному фасаду. Прямо надо мной, в темноте, раздавался ужасный свист комнаты. Неожиданно в нескольких шагах от меня заговорил какой-то человек; он явно ликовал:

— Черт возьми, друзья, лично я не хотел бы ввести мою жену в подобный дом.

Акцент выдавал образованного ирландца.

Послышалось восклицание и шум шагов, разбегающихся во все стороны. Очевидно, меня заметили.

Несколько мгновений я чувствовал себя смешным: это они изобрели историю с призраком. Каким идиотом я был! Конечно же, это соперники Тассока, а я уже готов был поклясться, что дело в чародействе! Затем припомнилось множество деталей, снова заставивших меня сомневаться. В любом случае, шла ли речь о есте-

ственном или сверхъестественном, оставалось большое количество моментов, требующих прояснения.

На следующее утро я рассказал Тассоку о моем открытии, и в течение пяти ночей мы внимательно следили за восточным фасадом. Никто в окрестности не появлялся. И все это время ужасный свист неумолимо скрежетал в темноте над нашими головами.

К утру пятой ночи я получил телеграмму, требующую моего возвращения ближайшим пароходом. Я объяснил Тассоку, что вынужден буду отсутствовать несколько дней, и посоветовал продолжать охрану вокруг замка. Из осторожности я заставил их дать слово не входить в комнату между закатом и восходом солнца. Мы не знали ничего определенного ни в одном, ни в другом смысле. Но если комната является тем, что я предположил вначале, лучше сразу умереть, чем войти в нее с наступлением ночи.

Закончив дела, я подумал, что вы заинтересуетесь этой историей. Кроме того, у меня было желание навести порядок в мыслях. Поэтому я вам позвонил. Я отправляюсь туда завтра, и когда вернусь, вероятно, у меня будет что вам рассказать необычного. Кстати, я забыл упомянуть об одной любопытной детали. Я пытался записать свист на пластинку, но звук не оставил на воске никакого следа. Это более всего остального показалось мне странным.

Другая забавная деталь: микрофон не усиливает, не передает звука. Микрофон не воспринимает свиста. Вот так. Теперь я рассказал вам все. И с интересом спрашиваю себя, найдется ли среди вас хоть один способный меня просветить. Лично я пока ничего не понимаю. До сих пор еще ничего.

Он поднялся.

— Спокойной вам всем ночи.

И выставил нас за дверь, без церемоний, но, однако, и не обидев.

Полмесяца спустя он прислал нам открытку, назначая встречу, и на этот раз я не опоздал. Карнаки провел нас прямо к столу. Покончив с едой, он продолжил рассказ с того места, на котором остановился.

— Слушайте меня очень внимательно, поскольку я собираюсь поведать вам нечто очень странное. В Иастрэй я прибыл поздно и был вынужден добираться до замка пешком, так как никого не предупредил о приезде. Яркая луна светила высоко в небе. Прогулка

получилась скорее приятной. Когда я дошел до усадьбы, все в ней было погружено в темноту, и у меня возникла мысль обойти замок и посмотреть, несут ли караул Тассок или его брат. Я нигде не нашел их и решил, что они устали и отправились спать. Подойдя к лужайке, протянувшейся перед восточным фасадом, я услышал ужасный свист. Но тон его был на удивление высок. Звучал он очень своеобразно, я запомнил, одновременно настойчиво и задумчиво. Я поднял голову к окну, и тут мне пришла идея: принести из конюшни лестницу и попробовать глянуть снаружи.

После долгих поисков я кое-как обнаружил лестницу, которую с трудом смог поднять. Господь мне свидетель! Сначала я думал, что ее никогда не удастся установить. Все же удалось, и я прислонил ее к стене, чуть ниже большого окна. Потом, стараясь не шуметь, взобрался по ступенькам и заглянул внутрь.

Загадочный свист принял ярко выраженный характер, создавая впечатление, что какое-то существо спокойно насвистывает для себя самого... Можно было даже сказать, что это свист Чудовища с человеческой душой.

Итак, знаете ли вы, что я увидел? Пол комнаты, громадной и пустой, вздымался и образовывал бугор, вершина которого углублялась, как кратер. При каждой пульсации оттуда вылетал свист. Этот бугор, похожий на гигантскую грудь, набухал, рос и взрывался фантастической симфонией. Я остолбенел: Оно жило. Прямо перед моими глазами в свете луны блестели две огромные губы, почерневшие, одутловатые... И вдруг они вздулись, густой слой пота покрыл верхнюю. Свист резко перешел в исступленный вопль, поразивший меня ужасом. Мгновение спустя перед моими глазами не было ничего кроме гладкого пола из плоского полированного камня, который простирался от одной стены до другой. Тишина была абсолютной.

Вы представляете, в каком состоянии я находился: сейчас Комната была неподвижной, но я не мог забыть того, что видел! Я, как ребенок, был болен от испуга. Я хотел соскользнуть вниз по лестнице и убежать. Но в этот момент, изнутри Комнаты, раздался голос Тассока, зовущий меня на выручку. «Помогите!» — кричал он. Я был так ошарашен, что решил: туда его, из мести, затащили ирландцы. Я услышал новый призыв. Тогда я разбил окно и прыгнул в комнату спасать его. Мне

показалось, что голос прозвучал со стороны камина. Я бросился туда, но там никого не было.

— Тассок! — заорал я. Мой голос зазвенел в пустынной комнате, и тут меня словно озарило: Тассок меня не звал. Обезумевший, я повернулся к окну, и в этот момент в Комнате разразился торжествующий свист. Стена двинулась ко мне, огромная, пузатая, а возле самого моего лица зашевелились чудовищные губы. В беспамятстве я нашаривал в кармане револьвер, не для того чтобы поразить угрожающее Оно, но чтобы убить себя, поскольку опасность, которой я подвергался, была в тысячу раз хуже смерти. И неожиданно чуть слышно прошумела Непознанная Последняя Строка Ритуала. И случилось то, что когда-то давно я уже испытывал один раз: словно безостановочно сыпалась сверху мелкая пепельная пыль, и моя жизнь, захваченная коловращением умопомрачения невидимых вещей, была еще не решена... Затем это состояние кончилось, и я уже знал, что, возможно, смогу жить. Моя душа соединилась с телом, жизнь и силы вернулись ко мне. Я рванулся к окну и ринулся, головой вперед, вниз по лестнице, ибо, могу сказать, я больше не боялся смерти. Я приземлился живым. Я сидел на мягкой траве, ласкаемый лунным светом. Наверху, из Комнаты, окно которой было разбито, исходил монотонный свист.

Я ощупал себя и отправился стучать во входную дверь. Открыл мне Тассок. Мы долго разговаривали за стаканом виски, поскольку я дрожал, как лист. Я объяснил все, в меру моих сил. Я заявил Тассоку, что нужно уничтожить комнату, что все должно быть сожжено и расплавленно в печи с мехами в виде пятиконечной звезды. Он согласился. И я отправился спать.

Маленькая армия принялась за работу, и в течение десяти дней все улетучилось с дымом, не оставив ничего кроме пепла.

Когда рабочие разламывали деревянную обшивку стен, я понял, каким образом развивалась эта необычайная история. Над большим камином, под сорванными дубовыми панелями, я обнаружил замурованную в кирпичную кладку каменную плитку с надписью на кельтском языке: в этой комнате был сожжен шут короля Альзофа, Диан Тиансэй, написавший *Песнь Безумия* о короле Эрноре Седьмого Замка.

Как только она была переведена, я передал ее Тас-

соку. Он был чрезвычайно возбужден, так как знал эту легенду. Он привел меня в библиотеку и показал старый пергамент, повествующий об этом в подробностях. Впоследствии я выяснил, что описанный случай хорошо известен в этих краях, но относятся к нему скорее именно как к легенде, чем к историческому факту. И никто, кажется, не подозревал, что восточное крыло Иастрэя — это и есть остатки былого Седьмого Замка.

Из старого пергамента я понял, что когда-то давно здесь произошло довольно гнусное событие. Король Альзоф и король Эрнор враждовали из-за права первородства, но, исключая несколько мелких стычек, ничего серьезного между ними не случалось много лет, вплоть до того дня, когда Диан Тиансэй сложил *Песнь Безумия* о короле Эрноре. Он спел ее перед королем Альзофом, который оценил ее так высоко, что отдал шуту в жены одну из своих фрейлин.

Все жители страны знали эту *Песнь,* вскоре она достигла и ушей короля Эрнора. Он был так разозлен, что начал войну против своего давнего врага, захватил и сжег его, равно как и замок. Но Диана Тиансэя, шута, увез с собой. Из-за *Песни,* которую тот сложил, он вырвал ему язык. И заключил в комнату восточного крыла. Что касается жены шута, то он оставил ее себе, так как был тронут ее красотой.

Но однажды ночью жена Диана Тиансэя пропала, под утро ее обнаружили мертвой в руках шута. Он сидел и насвистывал *Песнь Безумия,* поскольку не мог больше петь.

Тогда Диана Тиансэя зажарили в большом камине, подвесив, вероятно, на этих «железных виселицах» — о них я вам уже говорил. Но до самой смерти Диан Тиансэй продолжал высвистывать *Песнь Безумия,* которую теперь не мог петь. Впоследствии, по ночам, часто слышался этот знаменитый свист. Комнату посчитали «с привидениями», и никто не осмеливался в ней спать. Впрочем, кажется, король перебрался в другой замок, так как свист докучал ему.

Теперь вы знаете все. Естественно, существует полный перевод пергамента. Что вы об этом думаете?

Я ответил за остальных:

— Хотелось бы знать, как это проявление материализовалось?

— Это один из тех случаев, когда непрерывность мысли оказала на материю конкретное воздействие, —

объяснил Карнаки. — Несколько веков эволюции привели к рождению этого феномена. Типичный пример «Саитьеннских проявлений». Его можно сравнить с грибом, рост которого изменяет композицию эфира. Это изменение подключает эзотерический контроль над материей. В нескольких словах, однако, невозможно ясно растолковать этот случай.

— Итак, вы думаете, Комната стала материализацией бывшего шута? Его душа, переполненная ненавистью, превратилась в Чудовище? — спросил я.

— Да, — сказал Карнаки, кивнув головой. — Полагаю, вы достаточно точно обобщили мою мысль. А ведь мисс Донэгью происходит из рода короля Эрнора. Во всяком случае, я слышал об этом. Любопытно, не правда ли? По мере приближения свадьбы Комната «реанимировалась». Если бы невеста случайно вошла в эту комнату... а? Комната ждала долго. Грехи предков... Да, я подумал об этом... Они должны пожениться на будущей неделе, и я буду свидетелем. Тассок выиграл пари, да еще как! Подумайте немного, что, если бы ему случилось войти в комнату... Жутко представить, а?

Он печально покачал головой, и мы все четверо сделали то же самое. Затем он поднялся и проводил нас до двери. Дружески вытолкал, и мы очутились на свежем ночном воздухе.

— Спокойной ночи! — прокричали мы ему и отправились по домам.

Если бы она вошла в эту комнату? Да, если бы она вошла туда? Вот о чем я продолжал думать.

Полина СМИТ

СОСЕДИ

— Ну, — спросил Эд, — как там наша новая соседка?

Эвелина смотрела на вязание, лежащее на коленях.

— Нормально, — ответила она.

— Я говорил с ней перед обедом во дворе. Оказывается, они жили в Калифорнии. Она произвела на меня впечатление милой и простой женщины.

— А! Они приехали из Калифорнии?

— Интересно, правда?

— Ну да.

— Вот и компания для тебя. Это позволит тебе меньше заниматься собой, — настаивал он.

— Я редко ее вижу... Иногда случается поговорить, когда она развешивает на веревке белье.

— Тебе это полезно, — горячо произнес он. Лицо его стало внимательным, как у врача на осмотре.

Эвелина вернулась к своей работе, и спицы снова начали позвякивать.

Вязание было чем-то вроде лекарства, предписанного ей.

— Она вешает белье так, будто вымещает гнев на своей стирке. Она прицепляет прищепки к рубашкам, словно наносит им удар ножом.

— Эви! — голос Эда был недовольным.

— Это правда, — упорствовала Эвелина.— Возможно, потому что рубашек чересчур много. Четырнадцать штук. По две на день. Может, ее муж маньяк чистой рубашки.

Эд смял, опуская, свою газету.

— Эви, — сказал он, — не нужно заставлять работать свое воображение. Не надо выискивать мании и фобии у других. Это вредно для здоровья. Я надеялся,

для тебя будет достаточно прошлогоднего курса исследований и психоанализа после твоей нервной депрессии.

Эви думала о веревке, на которой хлопало белье, когда соседка развешивала его с необъяснимой свирепостью.

— Быть может, она устает, стирая и гладя по стольку рубашек каждую неделю, — сказала она. — Может, ее уже тошнит. Возможно, именно поэтому у нее такой вид, словно она протыкает их насквозь бельевыми щипцами.

— Послушай, Эви, ты уже почти поправилась,— Эд старался остаться спокойным. — Ты не имеешь права распускать свое воображение по поводу самых нормальных вещей. Это нездорово. У тебя снова будет срыв.

— Извини меня, Эд, — она опять взялась за вязание. — Я больше никогда не буду ничего воображать.

— Вот и хорошо, — вздохнул Эд с облегчением. — Сказала она тебе, чем занимается ее муж?

— Он торговый представитель, — ответила Эвелина, позвякивая спицами. — Он продает ножевые товары в рестораны... резаки, топоры, шинковки...

— Ну вот мы и добрались до причины, — заметил Эд. — Торговые представители должны выглядеть безупречно. Поэтому он и меняет рубашки так часто.

— В самом деле? — Эвелина изучала свитер. Серая шерсть не имела ничего бодрящего. И она решила чем-нибудь оживить ее, маленьким орнаментом — красным, вероятно. — Ты его видел?

— Нет, — Эд снял и протер очки. — А ты?

— Каждое утро вижу. Он отправляется на работу чуть позже тебя. Он оставляет машину в аллее, перед окном нашей кухни. Появляется, когда я мою посуду после завтрака.

Эд полистал газету и остановился на спортивной рубрике.

— Как он выглядит?

— Очень высокий и тонкий, как лезвие ножа. Носит всегда серое. Он наводит меня на мысль о серой змее.

— Эви! — голос Эда прозвучал раздраженно. — Перестань говорить глупости.

— Хорошо. — Она поднялась. — Я иду спать.

В спальне она на мгновение задержалась перед окном. В соседнем доме виднелся свет; оранжевый

оконный проем образовывал продолговатый разрез в ночи. Она легла, приняла таблетку нембутала и заснула.

Каждое утро, поверх мыльной пены над раковиной с грязной посудой, она видела соседа; длинными шагами он направлялся к машине и усаживался возле ящика с образцами своих товаров. Он был худощав, черты его лица заострялись, как ножи, которые он продавал, глаза глубоко западали в орбитах. Машина трогалась с места и, проскрежетав по гравию, уезжала.

В конце концов, благодаря кратким появлениям соседки на заднем дворе, Эвелина познакомилась с ней поближе. Знала, как она проходит к мусорному ящику, как хлопает крышкой, откидывая ее движением кисти, чтобы бросить внутрь пакет, завернутый в бумагу, как с грохотом закрывает, как бьется с бельем, как разговаривает сама с собой. Иногда это была жалоба, иногда гневный монолог. Но говорила она неизменно тихим, почти неслышимым голосом. Вскоре у Эвелины сложилось ощущение, что она понимает соседку. По ночам в их доме слышался шум. Это не было похоже на беседу. Звуки были приглушенными, сдавленными. При наличии воображения можно было бы утверждать, что это сдерживаемые вскрики ярости или боли. Но она обещала Эду не давать воли своему воображению.

Два дня автомобиль не двигался с аллеи. И она сообщила об этом Эду. Он опустил газету.

— О! — сказал он вежливо, — уж не болен ли он?

— Возможно. Ее я тоже не вижу.

— Может, тебе стоит сходить к ним, а? Вдруг они оба больны.

— Нет, я не хочу к ним идти.

Он посмотрел сначала на газету, потом на жену.

— Почему? Ты говорила с ней? Было бы любезно осведомиться о здоровье.

— Она может решить, что я за ними шпионю.

На лице Эда смешались раздражение и жалость. Наконец, он произнес очень мягко:

— Я не думаю.

— Да нет же, это возможно.

В течение еще одного дня на заднем дворе не было никакого шума. Эвелина прислушивалась и ночью, хотя соседский дом выглядел явно уснувшим.

На следующий день неожиданно появилась соседка, чтобы снять давно высохшее белье. Теперь она обращалась с ним, даже с рубашками, как с вещами из ткани, неодушевленными и безличными, а не так, словно боролась с ненавистным врагом.

Эвелина подошла к общей ограде, положила на нее руки и наклонилась на их сторону:

— Я вижу, машина вашего мужа все время в аллее... — начала она.

Казалось, слова достигли мозга женщины, пройдя предварительно через какой-то фильтр, а собравшись в голове, приняли значение, заставившее ее вздрогнуть. Она глянула на машину, потом на Эвелину.

— Он отправился в поездку. — Выражение ее лица внезапно стало холодным и замкнутым. Кончиком языка она облизнула губы. — Ему нужно заключить договор. Это чересчур далеко, чтобы добираться на машине. Он поехал поездом, а автомобиль оставил мне.

— А! хорошо, — ответила Эвелина. — А то мы боялись, не заболел ли он.

— Нет, он не болен. Он совсем не болен.

Неожиданно женщина шагнула к ограде. Губы шевельнулись, словно она хотела произнести слова объяснения. Затем повернулась, вошла в заднюю дверь дома и закрыла ее за собой на ключ.

— Наш сосед в отъезде, — сообщила Эвелина Эду вечером.

Он улыбнулся:

— Все же сходила к ним?

— Нет.

— Вот как? Но ты говорила с ней?

— Да, я с ней говорила. — Эвелина склонилась над вязанием. — Днем она взяла машину и уехала.

Полистав газету, Эд углубился в чтение.

— Отсутствовала она недолго. Когда вернулась, в машине вместе с ней сидели две большие собаки.

Он опустил газету:

— А! да?

— Две большие худые собаки. Она привязала их к столбу на заднем дворе. Сегодня утром, — добавила Эвелина, — у нее была большая стирка. Когда белье высохло, она отправилась за собаками и привязала их этой бельевой веревкой.

— Может, когда мужа нет, она боится? Вот и взяла собак для охраны.

— Может быть.

Эвелина решила, что сумеет теперь обойтись и без нембутала, который принимала последние месяцы регулярно. Она задвинула на ночном столике как можно дальше флакончик со снотворными пилюлями и легла. Она думала о соседке, о собаках, о машине в аллее, соседке, собаках, машине...

В конце концов она поднялась и принялась разгуливать по дому, захваченному ночью.

Остановившись перед кухонным окном, она глядела в темноту и вдруг заметила огонек, пересекающий соседский двор. Ее глаза последовали за ним. Она услышала какое-то плюхание, рычание, урчание... Затем довольное сопение, которое сопровождает обычно утоленный голод. Огонек описал дугу и, приблизившись к дому, исчез.

Эвелина долго еще стояла у окна. Потом вернулась в спальню, выпила таблетку нембутала и заснула.

— Она не любит своих собак, — сказала Эвелина Эду несколько дней спустя.

— Ей ни к чему их любить. Это сторожевые собаки, а не салонные животные.

— Она их целыми днями выгуливает. Отвязывает и уводит с собой. Возвращается очень уставшая, собаки тоже уставшие. Потом, когда наступает ночь, она дает им обильную еду.

Эвелина думала о них, об этих зверях, весь день к чему-то принуждаемых, об их свисающих языках, об утомленной походке женщины, о ее лице, не выражающем ничего кроме усталости, о том, как она привязывает животных к столбу, делая узлы, еще узлы, опять узлы, в то время как псы ложатся, закрывая глаза, изнемогающие, пресытившиеся.

— Что говорит она о муже? Мне кажется, заключение этого договора тянется удивительно долго.

— Она ничего не говорит. Она выгуливает собак. Она их выгуливает и кормит.

Он отложил газету.

— Эви, ты что же, больше с ней не разговариваешь?

Эвелина смотрела на него, прижав спицы к груди.

— Я не разговариваю с ней потому, что ее не вижу. Она выгуливает собак, и все. Она не развешивает белье

на веревке. Она ничего больше не делает во дворе, только отвязывает и привязывает собак.

— Жаль. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь составлял тебе компанию. Может, и тебе прогуляться?..

— Нет, я не хочу прогуливаться ни с ней, ни с собаками.

Эвелина уронила вязание на стул и отправилась спать...

Отяжелевшие собаки были теперь спокойными. Они стали жирными и ленивыми. Пройдя медленным шагом до конца привязи, они возвращались чуть ли не ползком и засыпали.

Эвелина спокойно вязала. Свитер был почти готов, тусклый, блеклый, но с ярко-алым орнаментом, которым она его разнообразила.

— Соседка увезла собак на машине, — сказала она Эду в пятницу вечером.

Он посмотрел на нее поверх очков.

— Правда?

— А вернулась одна. Вошла в дом, взяла два чемодана и снова вышла. Положила багаж в машину и уехала.

— Может, поэтому она и отвезла собак: она отправляется в путешествие.

— Да, она отправляется в путешествие, без всякого сомнения.

— Или, может, собаки ей обходились чересчур дорого, — зевнул Эд, протер очки и опять разместил их на носу. — Не надо было заставлять их делать такие моционы. Это возбуждало их аппетит.

Он раскрыл газету и положил ее на колени.

Эвелина воткнула спицы в клубок и свернула свитер. Поднялась и долго стояла неподвижно.

— Не думаю, — сказала она. — Не думаю, чтобы это ей обошлось хотя бы в один цент.

Фрэнк Белкноп ЛОНГ

ВТОРАЯ НОЧЬ В МОРЕ

Я покинул свою каюту, когда пробило полночь. Верхняя прогулочная палуба была полностью пустынной, и тонкие ленты тумана бродили вокруг шезлонгов, свиваясь и развиваясь на блестящих поручнях. Не было ни дуновения ветерка. Корабль грузно продвигался по спокойному морю, погребенному под туманом.

Я ничего не имею против тумана. Облокотившись на борт, я жадно вдыхал влажный и плотный воздух. Тошнота, почти непереносимая, постоянные мучения, одновременно телесные и моральные, тотчас же исчезли. Я чувствовал себя безмятежным и в мире с самим собой. Снова я был способен испытывать физические удовольствия, и я не сменял бы этот соленый воздух на жемчуг и рубины. Я заплатил непомерную цену за пять кратких дней свободы и радости открытия Гаваны, острова, окруженного дивным голубым морем, как обещал мне служащий туристического агентства, предприимчивый и порядочный, по крайней мере, я на это надеялся. С любой точки зрения, я был полной противоположностью богатому человеку, и чтобы соответствовать требованиям Лорилендской Туристической Корпорации, я был вынужден глубоко зачерпнуть из моего банковского счета. Настолько, что ныне пребывал в необходимости отказываться от непременных удовольствий, таких, как послеобеденная сигара, херес и шартрез, которые всегда должны сопровождать морские путешествия.

Но я был чрезвычайно доволен. Я стоял на палубе и дышал сырым и острым воздухом. В течение тридцати часов я оставался запертым в каюте, весь во власти морской болезни, более изматывающей, чем бубонная

чума или любое другое заразное заболевание. Освобожденный от ее воздействия, я мог, наконец, радоваться, обдумывая ближайшее будущее. Планы мои были завидными и великолепными. Пять дней на Кубе, где, расположившись в роскошном лимузине, я стану подниматься и спускаться по залитым солнцем склонам Малекона. Я буду осматривать розовые стены *Кабанас,* собор Колумба. Посещу *Фуэрцу,* большой магазин Антильских островов, *патио,* купающиеся в солнце. Сидя на веранде открытого кафе, буду пить при лунном свете *рефреско* и наполнюсь типично испанским презрением к Делам и Беспокойной жизни. Потом путешествие продолжится: мы увидим печальную и колдовскую Гаити, острова Святой Девы Марии, таинственный и почти неправдоподобный старый порт Шарлоты Амалии, с его домами под красными крышами без труб, громоздящимися друг над другом чуть ли не до звезд, Саргассово море, где ловят последних рыб радуг и ныряют ребята, старые посудины с выцветшими корпусами и неисправимо пьяными капитанами. Облокотившись на бортовое ограждение, я грезил о Мартинике, куда попаду через несколько дней, об индийских и китайских проститутках Тринидада. А затем, внезапно, я почувствовал головокружение. Ужасная болезнь снова обрушилась на меня.

Морская болезнь, в отличие от других недугов, строго индивидуальна. На всем свете нет двух людей, испытывающих одинаковые симптомы. Что касается меня, я ее познал во всем ее жутчайшем многообразии! Оторвавшись от поручня, задыхаясь, я упал без сил на один из трех, забытых на палубе, шезлонгов.

Почему стюард оставил эти стулья снаружи? То была загадка, которую я не мог разгадать. Очевидно, он допустил оплошность, так как не только пассажиры не выходили на палубу в столь поздний час, но, кроме того, стулья из ивы портил туман. Однако, как бы там ни было, я был чересчур признателен за возможность воспользоваться его небрежностью, чтобы упрекать его в забывчивости. Я растянулся во всю длину. Я извивался, корчился, я задыхался, но все же пытался убедить себя, что не настолько болен, как мне кажется. Внезапно тошнота достигла степени пароксизма.

От стула исходил гнилостный запах. Это было несомненно. Повернувшись, я приложился щекой к влажному полированному дереву. И в мои ноздри хлынул

едкий и совершенно омерзительный запах. Он одновременно притягивал и отталкивал. В какой-то мере это приглушило физическое страдание, но, с другой стороны, наполнило меня бесконечным отвращением.

Я попытался встать со стула, но безуспешно, поскольку у меня не было никаких сил. Невидимое присутствие, казалось, давило на меня. И потом, подо мной зияла пустота. Я не шучу. Именно так и было. Даже основы нашего реального и привычного мира осели, словно были поглощены.. Я углублялся. Разверзывались бездонные пропасти, и я погружался, потерянный, обреченный. Корабль, однако, оставался. Корабль, палуба, шезлонг продолжали нести меня, и тем не менее, вопреки этим конкретным предметам, я парил над непостижимой пустотой. Я ощущал, как меня неостановимо несет в бездну. Словно мой шезлонг был перемещен в иной мир, со множеством измерений, не покидая в то же время и наш, трехмерный... Неожиданно я заметил странные тени и формы, окружавшие меня. Я видел огромные темные заливы, внедряющиеся в земли, лагуны, атоллы, гигантские серые водоросли. Я опускался все глубже и глубже. Я погрузился в черный ил. Мои чувства уже ни на что не реагировали. Тлетворное испарение губило меня, разрушало мои жизненные начала и переполняло меня адским мучением. Я блуждал, одинокий, в глубинах. Формы, сопровождавшие меня, были темными, мертвыми и иссохшими. Их маленькие обезьяноподобные головки, с глазами без зрачков, дергались, пораженные психозом.

И внезапно видение рассеялось. Я снова сидел в шезлонге, и туман был все таким же плотным. Корабль продолжал продвигаться по спокойному морю. Но запах, запах оставался: терпкий, резкий, омерзительный. Я вывалился из шезлонга, мучимый невыразимой тоской. Мне казалось, что я вынырнул из утробы какого-то всемирного узурпатора, познав в одно мгновение всю нечисть вселенной...

Не моргнув глазом, я созерцал погруженный в ночь ад фламандских и итальянских примитивистов. Я перенес спокойно пытки, изображенные Босхом и Кранахом, я не охал перед тяжелейшими жестокостями, переданными Брейгелем Старшим, его жуткими сливными желобами, женщинами-вампирами, уродливыми демонами, покрытыми гнойниками. Ни *Душа Проклятых* Синорелли ни *Капричес* Гойи, ни чудовища с глазами без

зрачков Серьелля не произвели на меня того впечатления ужаса, который вызвал запах стула. Я содрогался всем телом.

Мне удалось, не помню, как именно, добраться до внутренних помещений корабля, и я оказался в теплом салоне первого класса. Там, задыхаясь, я ожидал прихода стюарда. Я нажал на кнопку «Стюард палубы», находившуюся на деревянной панели возле центральной лестницы. Изо всех сил я надеялся, что появится он до того, как станет чересчур поздно, до того, как запах сверху проникнет в широкий пустынный салон.

Стюард работал весь день, и стаскивать его с постели в час ночи было преступлением. Но мне необходимо было с кем-нибудь поговорить, а поскольку за стулья отвечал стюард, я и вспомнил о нем, думая расспросить. Он должен был знать. Он бы был способен дать мне объяснения... по поводу стульев... стульев.. в голове у меня все путалось, я чувствовал, что впадаю в истерику.

Обратной стороной ладони я стер пот, струившийся со лба, и с облегчением увидел приближающегося ко мне стюарда. Он появился на верху лестницы и, казалось, спускается ко мне сквозь голубоватый туман.

Он был чрезвычайно предупредителен и любезен. Склонившись, участливо положил руку мне на плечо.

— Да, мистер? Чем могу быть вам полезен? Быть может, на вас плохо подействовала погода? Что я могу сделать?

Сделать? Все было жутко неловко. Я смог лишь пробормотать:

— Стулья... На палубе. Три шезлонга. Почему вы их там оставили? Почему не занесли?

Не этот вопрос я хотел задать. Я собирался расспросить его о запахе. Но, увидев стюарда, стоявшего передо мной, такого учтивого и обеспокоенного, я было подумал, что он лицемер и негодяй. Он делал вид, что беспокоится из-за меня, а сам подстроил мне гнусную ловушку, довел до совершенно обессиленного и жалкого состояния. Он нарочно оставил шезлонги на палубе, он знал, что *нечто* придет на их расположиться.

Но я не был готов к почти мгновенной перемене, преобразившей человека. Несмотря на затуманенное сознание, я сразу же понял, что допустил страшную несправедливость по отношению к нему. Он не знал. Кровь отхлынула от его щек, челюсть отвалилась. Он

стоял передо мной неподвижно, и некоторое время я даже опасался, что он упадет в обморок, рухнет на пол.

— Вы видели эти стулья? — пробормотал он, наконец.

Я подтвердил.

Стюард наклонился и схватил меня за руку. Он был бледен, как смерть. На белом лице блестели глаза, округлившиеся от страха и неотрывно уставленные на меня.

— Оно черное и мертвое, — сбивчиво заговорил он. — Лицо обезьянье. Я знал, что *это* снова вернется. *Это* появляется на борту всегда в полночь, во вторую ночь в море. *Это* знает, где я прячу шезлонги. Переносит на палубу и усаживается на них. В последний раз я его видел. *Это* вертелось на стульях: вытягивалось и сворачивалось. Как угорь. *Это* располагается на трех шезлонгах. Когда *это* меня заметило, то поднялось и двинулось ко мне. Я обратился в бегство. Я вбежал сюда и закрылся. Но я видел его через окно.

Стюард поднял руку и указал место.

— Там. Через то окно. Лицо было как раз перед стеклом. Совсем черное, совсем иссохшее, совсем разъеденное. Обезьяноподобное лицо, мистер. Храни нас Господь! Обезьянья морда, мертвая и изъеденная. Она была мокрой. из нее что-то сочилось... Мне стало так страшно, что я не мог дышать. Стоял и шептал молитвы. Затем *это* исчезло.

Он икал.

— Доктор Блоджетт был исцарапан и изорван до смерти без десяти час. Мы слышали его крики. Очевидно, отойдя от окна, *это* вернулось, село на стулья и просидело еще минут тридцать-сорок. Потом отправилось в каюту доктора Блоджетта, убило его и забрало одежды. Ужасно. У доктора Блоджетта больше не было ног, лицо превратилось в месиво. Он был весь покрыт следами когтей. С простыни его койки капала кровь.

Стюард помолчал.

— Капитан велел не говорить. Но нужно, чтобы я кому-нибудь рассказал. Я больше не могу, мистер. Я боюсь... Мне необходимо говорить. Уже в третий раз *это* появляется на борту. В первый раз оно никому ничего не сделало, лишь уселось на шезлонги. Оставило их мокрыми и липкими, мистер, полностью заляпанными тошнотворной слизью.

Я смотрел на него остолбенев. Что этот человек пытается мне рассказать? Он совсем свихнулся? Или же я сам чересчур ошарашен, чтобы понять его?

Стюард продолжил с горячностью:

— Трудно объяснить, мистер, но этот корабль *посещается*. В каждой поездке, во вторую ночь в открытом море. И каждый раз *это* усаживается на стулья. Вы понимаете?

Я понимал не очень ясно, но пробормотал тихое «да». Мой голос дрожал и, казалось, доносился с другого края салона.

— Что-то там, снаружи,— залепетал я.— Это ужасно. Там, вы слышите? Чудовищный запах. Мой мозг! Не знаю, что навалилось на меня, но было ощущение, будто нечто сминает мой мозг. Здесь...

Я поднял палец и провел им по лбу.

— Нечто тут... нечто...

Стюард, похоже, отлично понимал. Он кивнул головой и помог мне встать. Он был еще в сильном волнении, но я чувствовал, что он хочет помочь мне, успокоить и ободрить.

— Каюта 16 Д? Да, конечно. Идите прямо, мистер.

Стюард взял меня под руку и повел к центральной лестнице. Я с трудом передвигал ноги. Моя слабость была столь очевидной, что стюард, полный сострадания, поддерживал меня с героическим благородством. Два раза я оступался и наверняка бы упал, если бы рука спутника, обнимавшая меня за плечи, не восстанавливала моего равновесия.

— Еще несколько шагов, мистер. Вот так. Не спешите. Ничего с вами не случится, мистер. В каюте, когда мы включим вентилятор, вам станет лучше. Не торопитесь, мистер.

У дверей каюты я просипел ему на ухо:

— Теперь я чувствую себя хорошо. Я позвоню, если вы мне понадобитесь. Помогите мне... помогите войти. Я хочу лечь. Эта дверь закрывается на ключ изнутри?

— Да, конечно. Но, может, мне лучше сходить за водой для вас?

— Нет, не беспокойтесь. Оставьте меня, прошу вас.

— Хорошо, мистер.

Неохотно, убедившись, что я крепко держу ручку двери, стюард ушел.

В каюте было очень темно. Я настолько ослабел, что пришлось всем телом наваливаться на створку двери,

чтобы закрыть ее. Она поддалась, легонько хлопнула, ключ выскочил и звякнул на полу. С бурчанием я опустился на колени и начал искать его на ощупь. Но найти не смог.

Я выругался и уже собрался подняться, как рука моя наткнулась на что-то твердое и шероховатое. Я откинулся, задыхаясь. Затем мои пальцы осторожно ощупали предмет, стараясь понять, что это такое. Это... да... вне всякого сомнения, это была туфля. Вверх от нее уходила лодыжка.

Туфля стояла на полу каюты. Кожа лодыжки над обувью была очень холодной.

В одну секунду я вскинулся и заметался по каюте, как дикий зверь в клетке. Я хватал руками стены, потолок. Только бы, Господи, выключатель согласился не убегать больше от меня!

Наконец, мои пальцы наткнулись на кнопку на полированной панели. Я нажал на нее, и темнота рассеялась: в углу дивана сидел человек. Очень хорошо одетый, выглядевший совершенно обыкновенно. Только лица не было видно: оно пряталось за большим носовым платком, накинутым, наверное, специально, чтобы защититься от сквозняков, довольно холодных, проникающих в каюту. Человек явно спал. Он не отреагировал, когда я трогал в темноте его лодыжку, и даже сейчас не шевелился. Вспыхнувшая над головой электрическая лампа, похоже, ничуть его не обеспокоила.

Я почувствовал внезапное облегчение. Сел рядом с непрошеным гостем и вытер пот со лба. Я еще дрожал всем телом, но очевидная безмятежность человека была чрезвычайно успокаивающей. Надо полагать, пассажир, спутавший каюту. Избавиться от него, вероятно, будет совсем не трудно. Легкое похлопывание по плечу, вежливое объяснение, и гость уйдет. Это было бы очень просто, при условии, если я способен действовать решительно. А я чувствовал себя таким слабым, таким больным, таким измотанным... Наконец, мне все же удалось собрать достаточно сил, чтобы поднять руку и хлопнуть его по плечу.

— Извините меня, мистер, но вы ошиблись каютой. Если бы из-за погоды я не чувствовал себя нездоровым, я бы просил вас остаться выкурить со мной по сигаре, но понимаете... — С трудом я вымучил улыбку и нервно хлопнул незнакомца по плечу еще раз... — Я бы

предпочел остаться один, если вы не возражаете... Сожалею, что разбудил вас.

Однако, я тут же понял, что делаю чересчур поспешные выводы. Я не разбудил незнакомца. Он и пальцем не двинул, а его дыхание даже не шевелило платок, прикрывавший лицо.

Снова на меня навалилась тревожная тоска. Я протянул трясущуюся руку и схватил уголок платка. Поступок постыдный, но я был вынужден это сделать. Если лицо гостя соответствовало телу, то все нормально. Но если по какой-либо причине...

Приподнятый угол платка приоткрыл часть лица, в которой не было ничего успокаивающего. С криком ужаса я сорвал платок. В течение мгновения, очень краткого мгновения, я смотрел в лицо, темное и отвратительное, сине-зеленые глаза трупа, приплюснутый обезьяний нос, мохнатые уши, огромный язык, который он, по-видимому, показывал мне. Лицо зашевелилось, закривлялось. Голова начала поматываться слева направо, давая возможность видеть звериный профиль.

Я бросился к двери, охваченный невыразимым страхом. Я страдал, как животное. Мой поврежденный рассудок был неспособен размышлять, агонизировал. Но все-таки сокровенная часть моего сознания продолжала наблюдать. Я видел, как язык скрылся между губами; черты лица изменялись до тех пор, пока изо рта и слепых глаз не потекли струйки крови. Через несколько секунд рот был уже кровавой раной, быстро расползающейся и ставшей, наконец, алой дырой...

Стюарду понадобилось десять минут, чтобы оживить меня. Он был вынужден, разжав мои зубы, силой вливать несколько ложек коньяка, смачивать мой лоб ледяной водой и тщательно растирать мне ладони и лодыжки. Когда, в конце концов, я открыл глаза, он, подчеркнуто, отвел свой взгляд. Ему хотелось, чтобы я отдохнул, остался в покое. Похоже, он не доверял собственным реакциям. Однако это хорошо, что он объяснил, каким образом привел меня в чувство, и прояснил остальное.

— Одежды были пропитаны кровью... мистер. Я сжег их.

На следующий день он выглядел более разговорчивым:

— *Это* носило одежды мистера, убитого в прошлой поездке. Мистера... Да, доктора Блоджетта. Я сразу же их узнал.

— Но почему?..

Стюард покачал головой.

— Не знаю, мистер. Может, вы спаслись потому, что пошли на палубу. Возможно, *это* не могло ждать? В прошлый раз оно скрылось чуть позже часа ночи, а когда я отвел вас в каюту, было уже больше. Может быть, корабль прошел *зону*, в которой *это* способно осуществлять свою власть. Или, может, *это* заснуло и не проснулось вовремя. И поэтому оно. разложилось. Я не верю, что оно исчезло навсегда. На шторах каюты доктора Блоджетта была кровь, и я боюсь, что *это* все время будет уходить таким образом. *Это* вернется в ближайшее путешествие, мистер... Я уверен.

Он откашлялся.

— Я очень рад, что вы мне позвонили. Если бы вы спустились прямо в каюту, возможно, в следующую поездку *это* появилось бы в ваших одеждах.

...Гавана совсем меня не утешила. Гаити показалась болотом с угрожающими тенями. А на Мартинике я не смог заснуть в номере отеля хотя бы на час.

Роберт АРТУР

СМЕРТЬ ЕСТЬ СОН

— Теперь вы спите, Дэвид.

— Да, я сплю.

— Я хочу, чтобы вы немного отдохнули, пока я беседую с вашей женой.

— Хорошо, доктор, я отдыхаю.

— Ваш муж находится в состоянии легкого гипнотического сна, миссис Карпентер. Мы можем говорить, не тревожа его.

— Я понимаю, доктор Мэнсон.

— Расскажите об этих кошмарах, которые его беспокоят. Вы говорите, они начались в ночь вашей свадьбы?

— Да, доктор, неделю назад. После церемонии мы вернулись прямо сюда, в наш новый дом. Мы легко поужинали и отправились спать не ранее полуночи. Я проснулась от крика Дэвида. Он метался и бился под одеялом, что-то невнятно бормоча. Я разбудила его. Он был бледным и трясущимся: он сказал, что видел кошмар.

— Но смог ли он что-нибудь вспомнить?

— Нет, совсем ничего. Он принял снотворное и снова заснул. Но на следующую ночь все началось опять... и в последующую тоже. Так было каждую ночь.

— Дело, очевидно, в кошмаре, возникающем периодически. Но вам не следует пугаться. Я знаю Дэвида с детства и думаю, мы сможем избавить его от этого кошмара. Это будет не очень трудно.

— О, доктор, так хочется надеяться.

— Возможно, Ричард снова пытается проявиться.

— Ричард? Но кто это Ричард?

— Ричард — другое «я» Дэвида, его вторая личность.

— Я не понимаю.

— В двенадцатилетнем возрасте Дэвид попал в автомобильную катастрофу, вызвавшую у него нервное потрясение. Отсюда нечто вроде шизофрении и раздвоения личности. Есть Дэвид настоящий. А есть и другой, существо без каких-либо сомнений, злое и начисто лишенное комплексов. Дэвид называет свое второе «я» Ричардом и говорит, что это его брат-близнец, живущий с ним вместе в его сознании.

— Все это очень странно.

— В истории медицины имеется много подобных случаев. Когда Дэвид чувствует себя усталым или неуверенным, его поступками и поведением управляет Ричард. Это Ричард заставлял Дэвида ходить во сне и поджигать свои простыни. В эти моменты Дэвид способен лишь подчиняться Ричарду. Иногда Дэвид не может вспомнить случившееся. Иногда думает, что у него был кошмар.

— Потрясающе!

— Я лечил его в то время и считал, что полностью освободил от Ричарда. Но может быть. Итак, сейчас я расспрошу Дэвида о вернувшемся кошмаре. Подробности помогут нам, вероятно, разобраться в этом деле... Дэвид!

— Доктор?

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне сон, который вас мучает. Сейчас вы его помните, не так ли?

— Сон? Ах! да, я помню его.

— Не нервничайте. Оставайтесь совершенно спокойным и рассказывайте.

— Хорошо, я не нервничаю. Я останусь спокойным, совсем спокойным.

— Замечательно. Скажите, когда вы видели его в первый раз?

— В первый раз... ага, это было в ночь после нашей с Анной женитьбы... Нет, нет, я ошибаюсь, это было в предшествующую ночь...

— Вы в этом уверены?

— Да. Я провел весь день, улаживая дела в моей юридической конторе, чтобы можно было взять несколько дней отпуска. Вечером я заехал посмотреть новый дом, который мы купили в Ривердэйле. Я хотел убедиться, что все готово к приезду Анны. До своей холостяцкой квартиры в городе я добрался к одиннадцати часам. Я страшно устал.

Я лег в постель, но был так измотан, что не мог заснуть. Я принял снотворное и начинал засыпать, когда мне стал сниться сон.

— Как начался сон, Дэвид?

— Мне снилось, что зазвонил телефон... Телефон действительно находился на столике у изголовья, и во сне я сел в кровати и снял трубку. В тот момент все казалось мне совершенно реальным, и у меня было ощущение, что я на самом деле ответил по телефону. Затем я понял, что вижу сон.

— Почему вы это поняли, Дэвид?

— Потому что звонила Луиза, и даже во сне я знал, что Луиза умерла.

— Когда умерла Луиза, Дэвид?

— Год назад. Она отправилась на машине к родственникам. В горах Вирджинии автомобиль занесло, он вылетел с дороги, и она сгорела.

— Значит, как только вы услышали ее голос, вы поняли, что видите сон?

— Естественно. Она говорила: «Дэвид, это Луиза... Дэвид, что с тобой, почему ты молчишь?» Несколько мгновений я не способен был произнести ни слова. Потом, во сне, я ответил: «Это не может быть Луиза, Луиза умерла».

— Я это знаю, Дэвид. — Голос Луизы был таким же насмешливым, как и при жизни. — Конечно же, я умерла.

— Мне снится сон,— сказал я ей,— через минуту я проснусь.

— Да, милый, — ответила Луиза. — Я хочу, чтобы ты был проснувшимся, когда я приду к тебе. Я покидаю кладбище и очень скоро буду у тебя.

В этот момент она, должно быть, повесила трубку. Я так думаю. Внезапно все изменилось с той быстротой, которая бывает только лишь во сне: совершенно одетый, я сидел в кресле, курил и ждал. Я ждал, когда Луиза покинет кладбище и доберется до моей квартиры. Я знал, что это невозможно, и все же, как принимают невозможность во сне, ждал ее.

Я уже выкурил две сигареты, когда раздался дверной звонок. Машинально я пересек комнату и отправился открывать дверь. Но на пороге была не Луиза, там был Ричард.

— Ваш брат-близнец Ричард?

— Да, мой близнец, но более высокий, более силь-

ный и более красивый, чем я. Он стоял и смотрел на меня. Он улыбался, и его глаза, как всегда, светились беспечностью.

— Однако, Дэвид, ты не приглашаешь меня войти после пятнадцати лет разлуки?

— Нет, Ричард,— закричал я,— ты не имеешь права возвращаться!

— И все же я вернулся. — И оттолкнув меня, он прошел в комнату. — Уже давно я собирался зайти к тебе, и сегодняшний вечер кажется мне самым подходящим.

— Почему ты пришел? — спросил я. — Ты мертв: доктор Мэнсон и я, мы тебя убили.

— Луиза тоже мертва, — сказал Ричард, — тем не менее она придет сегодня. Не вижу, почему бы мне не сделать то же самое.

— Чего ты хочешь?

— Я всего лишь хочу помочь, Дэвид. Необходимо, чтобы кто-нибудь составил тебе компанию на сегодняшний вечер. Ты чересчур впечатлителен, чтобы одному встретить покойную супругу.

— Уходи, Ричард, — умолял я.

— За дверью кто-то есть, — ответил он, — это, вероятно, Луиза. Я оставляю тебя с нею с глазу на глаз. Но если я понадоблюсь, помни, что я здесь.

И он небрежно направился в другую комнату. Снова раздался звонок, нажатый нетерпеливой рукой. Я открыл дверь. Передо мной стояла Луиза. Она была одета во все белое, так же как ее и похоронили. Вуаль, которую надели, чтобы скрыть сильно обгоревшее лицо, завивалась вокруг головы, когда она прошла мимо меня в комнату и медленно опустилась на стул.

Луиза долго молчала. Затем сказала:

— Однако, Дэвид, ты стал немым. Закрой же дверь, из нее дует, а я не привыкла к сквознякам. Я находилась в наглухо заколоченном гробу в течение года, ты знаешь.

Я закрыл дверь, и слова хлынули из моего рта потоком:

— Зачем ты пришла? Почему? Ты умерла!

Она разразилась смехом:

— Э, Дэвид, ты и вправду веришь, что я умерла, а? Вовсе я не умерла. Я просто подшутила над тобой.

— Ты подшутила надо мной? — повторил я. А она продолжала смеяться, словно в истерике.

— Да, Дэвид, — икала она. — Ты так непосредственно реагируешь на непредвиденные события, что я не могла удержаться от удовольствия разыграть призрака, чтобы посмотреть, что ты станешь делать!

— Ты лжешь! — заорал я. — Ты умерла. Я присутствовал на твоих похоронах.

Она отбросила вуаль и показала лицо. Ее щеки были розовыми, глаза блестели, а губы, обрисовывавшие лукавую улыбку, открывали ослепительно белые зубы.

— Похороненное тело принадлежало молодой девушке, которую я взяла в машину подвезти. Когда, после аварии, я увидела, что она мертва, мне вдруг пришла в голову мысль надеть на ее пальцы мои кольца и подсунуть под нее мою сумочку. Затем я подожгла машину.

— Но почему? — пробормотал я, падая на другой стул. — Почему ты это сделала?

— Потому что это меня забавляло. Я устала от тебя больше, чем ты от меня, и мне захотелось пожить жизнью другого человека. Кроме того, я знала, что как только мне надоест, я всегда смогу вернуться на свое место. И вот теперь, когда у меня кончились деньги, я снова здесь.

— Но я завтра женюсь. На Анне.

— Я знаю это. Я читаю газеты. Я подумала, что ты предпочтешь, чтобы я не шаталась в этих краях. Согласна, милый Дэвид. Я уйду и опять начну изображать мертвую. Ты же сможешь жениться на дочери своего лучшего клиента. Но, естественно, мне необходимы деньги.

— Нет, я не дам тебе ни цента. Ты умерла.

— Я и отсюда вижу заголовки в завтрашних газетах, — сказала Луиза. — «Жена молодого преуспевающего адвоката выходит из могилы. Якобы мертвая супруга расстраивает брак».

— Нет, — закричал я, — я не позволю тебе сделать это!

— Послушай, мне нужно всего лишь десять тысяч долларов. Я потребую развода без огласки, и твой второй брак немного позже станет действительным. Видишь, все устроится очень просто.

Я не мог отвечать. Все путалось у меня в голове. Я ощущал себя слабым, неуверенным, сознание затуманивалось. В глубине души я понимал, что все происходящее не более чем кошмарный сон, и только это

чувство помешало мне упасть в обморок. Луиза поднялась.

— Подумай. Я пойду немного припудрюсь. Даю тебе пять минут, чтобы подписать чек.

Она вышла из комнаты. Не зная, к какому святому воззвать, я закрыл лицо руками, изо всех сил желая проснуться. Когда я снова открыл глаза, передо мной стоял мой брат Ричард.

— Надо сказать, что ты плохо справился с этим затруднением. Ты позволил Луизе запугать себя шуточками по поводу ее смерти. Теперь она знает, что ты проиграл партию.

— Но она мертва, — вскричал я, — все это не более чем сон.

— Кто может похвастаться, что способен различить сон и явь. Советую тебе не рисковать. Если ты дашь ей денег, вскоре она вернется, чтобы потребовать еще больше.

— Но я не могу ничего поделать, — сказал я в отчаянии.

— Конечно же, можешь. Луиза уже однажды умерла. Надо, чтобы она умерла и второй раз.

— Нет. Я не стану тебя слушать.

— В таком случае, как я понимаю, придется всем этим заняться мне, как я и делал, когда мы были детьми. Посмотри на меня, Дэвид!

— Нет.

Я пытался отвести глаза, но его взгляд, блестящий, гипнотический, удержал меня.

— Смотри мне прямо в глаза, Дэвид!

— Нет. Я не хочу! Не хочу!

Но я не смог уклониться от его взгляда. Я испытывал те же самые чувства, что и когда-то давно в детстве. Зрачки Ричарда расширялись непомерно, пока не стали подобны озерам, в которых я начинал тонуть.

— Итак, Дэвид, я беру на себя управление твоим телом, как и раньше. А тебе следует вернуться туда, где так долго находился я... на самое дно нашего сознания.

Еще мгновение я боролся. Но его огромные глаза были совсем рядом со мной и с каждой минутой приближались все больше и больше... Затем внезапно Ричард исчез. И я понял, что он выиграл. Я был беззащитен. Я все видел и слышал, но мне невозможно было

вмешаться или воспрепятствовать ему делать то, что он хочет.

Луиза вернулась в комнату. Ее глаза были полны уверенности.

— Ну, Дэвид, принял ли ты решение?

— Да, Луиза.

Голос Ричарда был более глубоким, более сильным, более убедительным, чем мой. Луиза казалась удивленной произошедшей переменой.

— Выпиши мне чек на предъявителя,— сказала она наконец. — Что касается развода, то он будет заявлен в Лас Вегасе. Никто не установит связи между мной и тобой. Карпентер очень распространенная фамилия.

— Не будет ни чека, ни развода, — объявил ей Ричард.

— В таком случае будет скандал. А это не поможет твоей карьере.

— А также не будет скандала. И к твоему сведению, я не Дэвид, а Ричард.

— Ричард? — На лице Луизы мелькнула нерешительность. — Но о чем ты, черт возьми, говоришь?

— Я брат-близнец Дэвида. Тот, что совершает поступки, которые Дэвид не осмеливается совершить сам.

— Ты полный идиот. Я ухожу. Даю тебе время до девяти утра передумать и вручить мне чек.

— Чека не будет. Ты не собираешься выполнять свои обязательства, и я это знаю.

Ричард шагнул вперед. В первый раз Луиза выглядела испуганной. Она повернулась, словно хотела бежать. Но он поймал ее за руку и, дернув, развернул лицом к себе. Затем двумя ладонями обхватил ей горло.

Я мог лишь смотреть, как его пальцы сдавливают шею Луизы и как ее лицо меняет цвет, а глаза вылазят из орбит. Полминуты она сопротивлялась, пытаясь ударить его ногой и оцарапать. Затем борьба прекратилась. Она потеряла сознание. Ее щеки стали мертвенно-бледными, по уголкам рта стекала слюна, глазные яблоки выпирали из головы. Совершенно спокойно Ричард продолжал сдавливать горло Луизы до тех пор, пока ее смерть не перестала вызывать сомнения. Затем он отпустил ее, и она упала на пол, как мешок грязного белья.

— Ну, Дэвид, — сказал он, — теперь ты можешь говорить.

— Ты ее убил!

— Это очень интересная тема для дискуссии. Убил я ее или не убил? Была она живой или же мертвой, появившись здесь?

— Из-за тебя я все путаю! — простонал я. — Естественно, она была мертвой. Я вижу сон, но.

— Но даже во сне не стоит оставлять труп на ковре своей комнаты, не так ли? Мне кажется, что нужно отправить ее туда, откуда она пришла. То есть, на кладбище Файерфилд.

— Но это невозможно.

— Для тебя это действительно было бы невозможным. Но не для меня. Я отнесу Луизу в лифт, спущу вниз, засуну в такси и отвезу на кладбище. Ты же будешь молчать, пока я не разрешу тебе говорить.

Не теряя спокойствия, он начал готовиться к выполнению своего безумного плана. Сначала он надел мою шляпу и перчатки. Затем из сумочки Луизы достал вуаль и приколол к ее шляпке. Почистил ей пальто и поправил волосы, растрепавшиеся в пылу борьбы. Наконец он поднял труп и донес его на руках, как спящего ребенка, до лифта.

Он нажал кнопку вызова и замер, что-то насвистывая, с Луизой на руках. Появился лифт, и Джимми, ночной лифтер, открыл дверь.

— Небольшая неприятность, Джимми, — сказал Ричард, ставя ногу в лифт. Чтобы внести Луизу, ему пришлось проходить боком, и во время этого движения сумочка мертвой упала. Джимми наклонился подобрать ее.

Тоном, которым говорят среди мужчин, Ричард заявил:

— Молодая леди начала пить, конечно же, еще до того, как пришла сюда. Я предложил ей всего один коктейль, и она хлопнулась в обморок. Не могли бы вы вызвать такси к служебному входу?

— Конечно, мистер Карпентер.

Очевидно, Джимми прекрасно понимал ситуацию.

Я приготовился к раскрытию преступления и нашему аресту. Но ничего подобного не случилось. Джимми подозвал такси. Ричард сел в него вместе с Луизой, и мы тронулись, словно это самое обычное дело, катать в машине мертвую женщину по улицам Нью-Йорка в пол-

ночь! Но каким бы хитроумным ни был Ричард, такой безумный план не мог осуществиться без сучка и задоринки. Такая задоринка обнаружилась, когда шофер спросил адрес.

— На кладбище Файерфилд, — ответил Ричард.

— На кладбище Файерфилд? — переспросил шофер. — Ночью? Вы шутите, мистер.

— Ни в малейшей степени, — холодно возразил Ричард, не любивший, чтобы его принимали не всерьез.— Эта леди умерла, и я еду ее хоронить.

Шофер повернулся. Это был маленький грубый человек, с покрасневшим от гнева лицом.

— Послушайте, мистер, мне не нравятся ни слабоумные из высшего света, ни подобного рода шуточки. Говорите, куда ехать, или же выходите из моей машины.

Ричард немного поколебался и пожал плечами.

— Извините, — сказал он, — это было не смешно, а? Отвезите меня в Ривердэйл, 937, 235-я Уэст Стрит.

— Ладно, это лучше.

Вскоре мы уже пробирались по улицам, запруженным людьми, выходившими из театров. Ричард продолжал держать мертвую Луизу, как ребенка. Он откинулся назад и принялся высвистывать сентиментальный вальс.

Все что происходило, могло произойти только лишь во сне. На Таймс Сквер фонари высветили лицо Луизы сквозь вуаль. Несколько раз мы останавливались перед светофорами, и окружавшие нас пешеходы заглядывали в такси и смеялись. Регулировщики бросали на нас беглые взгляды, ничуть не заинтересовываясь. Через самый большой город мира и самые оживленные кварталы Ричард вез труп, и никого не коснулось и малейшее подозрение.

Мы выбрались на автостраду Генри Гудзона и помчались к Ривердэйлу. А там остановились по указанному Ричардом адресу: перед домом, который я купил для нас с Анной. С тысячей предосторожностей Ричард вынес Луизу из такси, ухитрился достать из кармана десятидолларовый билет, заплатил и отпустил шофера. Ночь была темной, а улица пустынной и тихой. Никто не видел, как Ричард с Луизой на руках взбежал по ступеням крыльца. Нашел ключ и внес мертвую внутрь.

Не зажигая света, он прошел в гостиную и бросил Луизу на диван. Сел напротив и закурил.

— Ты можешь говорить, Дэвид, — разрешил он.

— Ричард, — произнес я с тоскою, — ты с ума сошел? Привезти Луизу сюда ничуть не лучше, чем оставить в моей квартире. И что мы теперь будем делать?

— Как раз об этом я и размышляю, — ответил Ричард раздраженно. Он сильно не любил, чтобы обстоятельства мешали осуществлению его замыслов. — И в самом деле жаль, что этот идиот шофер отказался везти нас на кладбище.

И в этот момент Луиза на диване подняла голову.

Она села, пошатываясь, как больная. Ее рука легла на горло, и когда она заговорила, голос был хриплым, и слова она выговаривала с трудом.

— Дэвид, — произнесла она, — ты... ты действительно пытался меня убить.

Ричард повернулся и посмотрел на нее. В темноте она выглядела призрачной и далекой.

— У меня такое ощущение, — заметил он с печальным видом, — что я не доделал свою работу.

— Ты пытался меня убить, — повторила она, словно не могла поверить. — Ты сядешь в тюрьму за покушение.

— Ты ошибаешься, — ответил он, вставая и направляясь к ней. — Просто я буду вынужден начать заново. Всего-навсего.

Луиза отстранилась, объятая страхом.

— О! нет, ради всего святого, не убивай меня, — завизжала она.— Я сожалею, что пришла, Дэвид. Я не должна была. Я сейчас уйду. Да, я опять исчезну. Я никогда больше не буду досаждать тебе, Дэвид.

— Я Ричард, а не Дэвид, — напомнил он, угрюмо насупившись. — Ты неподатлива на убийство, ага, Луиза? Ты уже дважды умерла, но до сих пор живешь. Но, может, третий раз будет самым удачным?

— Ричард, остановись, — крикнул я. — Дай ей уйти. Она говорит правду. Она уйдет и больше никогда...

— Ты плохо разбираешься в таких женщинах, как Луиза, — хохотнул Ричард. — В любом случае дело касается маленького недоразумения между ней и мной. Ты становишься утомительным, Дэвид. Спи... спи...

Я чувствовал, что теряю сознание. Темнота поглощала меня. В моем сне все происходило так же, как и в детстве: Ричард изгонял меня из своего существования и действовал, как ему было угодно. Я ничего больше не знаю до того момента, когда обнаружил себя лежащим

в пижаме на кровати. Ричард стоял посреди комнаты и улыбался.

— Ну, Дэвид, вот ты и снова в полной форме, — сказал он, — а я ухожу. Но я вернусь. Можешь быть в этом уверен.

— А Луиза? — вскричал я.— Что ты сделал с Луизой?

Ричард зевнул.

— Забудь Луизу, — лениво произнес он. — Она тебя больше не побеспокоит. Я убедил ее принять твою точку зрения на это дело, Дэвид.

— Как? Что ты ей сделал?

Ричард удовольствовался улыбкой.

— Спокойной ночи, Дэвид, — сказал он. — О! Я не хочу, чтобы, проснувшись завтра, ты терзал себя. Итак, запомни, это был всего лишь сон. Очень увлекательный сон.

И с этими словами он ушел. Мгновением позже я открыл глаза и увидел, что уже девять часов утра и будильник звонит. Таким был мой сон, доктор.

— Спасибо, Дэвид, теперь мне понятно. Сейчас я объясню вам этот сон, и он никогда больше не вернется.

— Да, доктор.

— Перед тем как ваша первая жена Луиза умерла, вы желали ее смерти, не правда ли?

— Да.

— И вот, когда она умерла, вы стали испытывать чувство вины, как если бы сами ее убили. Накануне вашей свадьбы чувство вины проявилось в виде кошмара, в котором Луиза была жива. Вероятно, звонок вашего будильника заставил вас думать о телефоне, и именно так ваш сон начался. Луиза, Ричард, все остальное. Понимате?

— Да, доктор, понимаю.

— А сейчас вы немного отдохнете; когда я вам скажу проснуться, вы проснетесь. И полностью забудете этот сон. И он никогда больше не будет вас мучить. Теперь отдыхайте, Дэвид.

— Да, доктор.

— О! доктор Мэнсон

— Что вы хотите, миссис Карпентер?

— Вы уверены, что у него больше никогда не будет этого кошмара?

— Абсолютно уверен. Его бессознательная вина,

если можно так выразиться, вышла на поверхность, и таким образом он от нее избавился.

— Я так рада. Бедный Дэвид! Он действительно был на грани нервного истощения. Ох! извините, звонят в дверь.

— Конечно.

— Там доставили покрывала. Это свадебный подарок сестры Дэвида. Я посылала их к вышивальщице пометить нашими инициалами. Они симпатичные, правда?

— О! да.

— Я уложу их. У Дэвида такой прекрасный сундук из кедра. Крышка совершенно герметична и защищает от моли, как уверял столяр. Я надеюсь, а то было бы ужасно, если бы такие прекрасные покрывала поела моль.

— Дэвид, вы можете проснуться... Как вы себя чувствуете?

— Замечательно, доктор. Только я не Дэвид, а Ричард. Я удивлен, что вы поверили, будто Дэвид рассказывает вам сон. Вы должны бы знать, что именно этим способом Дэвид прячется от реальности. В тот первый раз действительно звонил телефон и... Анна, не подходи к сундуку. Предупреждаю тебя... Не открывай его! Тем хуже, я предупреждал, и все же тебе понадобилось его открыть. И нечего теперь стоять перед ним и визжать.

СОДЕРЖАНИЕ

Сдано в набор 13.02.92 Подписано в печать 6.05.92
ЛР № 070057 от 26.07.91.
Печать высокая. Бумага офсетная 2. Усл. печ. л. 7,46 Уч.-изд. л. 7,8
Тираж 50 000 экз. Заказ 1051 Цена договорная

Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ
140010, г. Люберцы, 10, Октябрьский пр., 403

В БИБЛИОТЕЧКЕ ЖУРНАЛА «БОБОК»:

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ. ПОВЕЛИТЕЛЬ СНОВ. Роман.
Роджер ЖЕЛЯЗНЫ. БОГ СВЕТА. Роман.
Роджер ЖЕЛЯЗНЫ. ОСТРОВ МЕРТВЫХ. Роман.
Альфред ХИТЧКОК представляет:
ИСТОРИИ, НЕ РАССКАЗАННЫЕ МАМОЙ;
ИСТОРИИ ДЛЯ НОЧНОГО ЧТЕНИЯ;
САДИСТСКИЕ ИСТОРИИ.
Роалд ДАЛ. КРЫСОЛОВ. Сб. рассказов.
Роалд ДАЛ. ПРЫЖОК В ГЛУБИНУ. Сб. рассказов.
Милорд Сэр СМИХТ. АНГЛИЙСКИЙ КОЛДУН.
Сб. рассказов из коллекции Лина КАРТЕРА.
Роберт ХАЙНЛАЙН. МАГИЯ, ИНКОРПОРЕЙТЕД. Романы.
Виктор ОБУХОВ. ТАЙНА БОЛОТНЫХ ДЕМОНОВ. Повесть.

Распространением альманаха, журнала, библиотечки журнала «БОБОК» и подобной печатной продукцией занимается Товарищество с ограниченной ответственностью «БОБОК».

Поставкой альманаха, журнала, библиотечки журнала «БОБОК» и любых других книжных и периодических изданий России занимается Agence «BOBOK».

Издательство «БОБОК» принимает заказы от граждан Российской империи, иностранных подданных и лиц без гражданства на издание произведений «за счет автора».

Адреса одноименных редакций, товарищества, издательства и агентства «БОБОК»:
почтовый: 103104, Москва, К-104, а/я 26; телефонный (с 21 до 23 ч): 176—8087; присутственный (с 10 до 18): Москва, ул. Перовская, 47а, 2 подъезд, 2 этаж; факсимильный (круглосуточно): /095/263—0389, for Iv. Loguinov.

